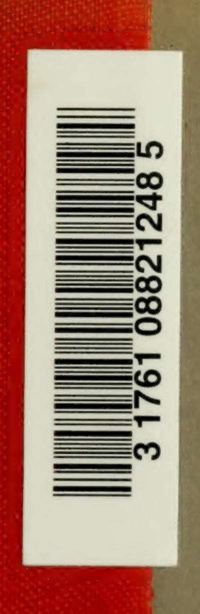
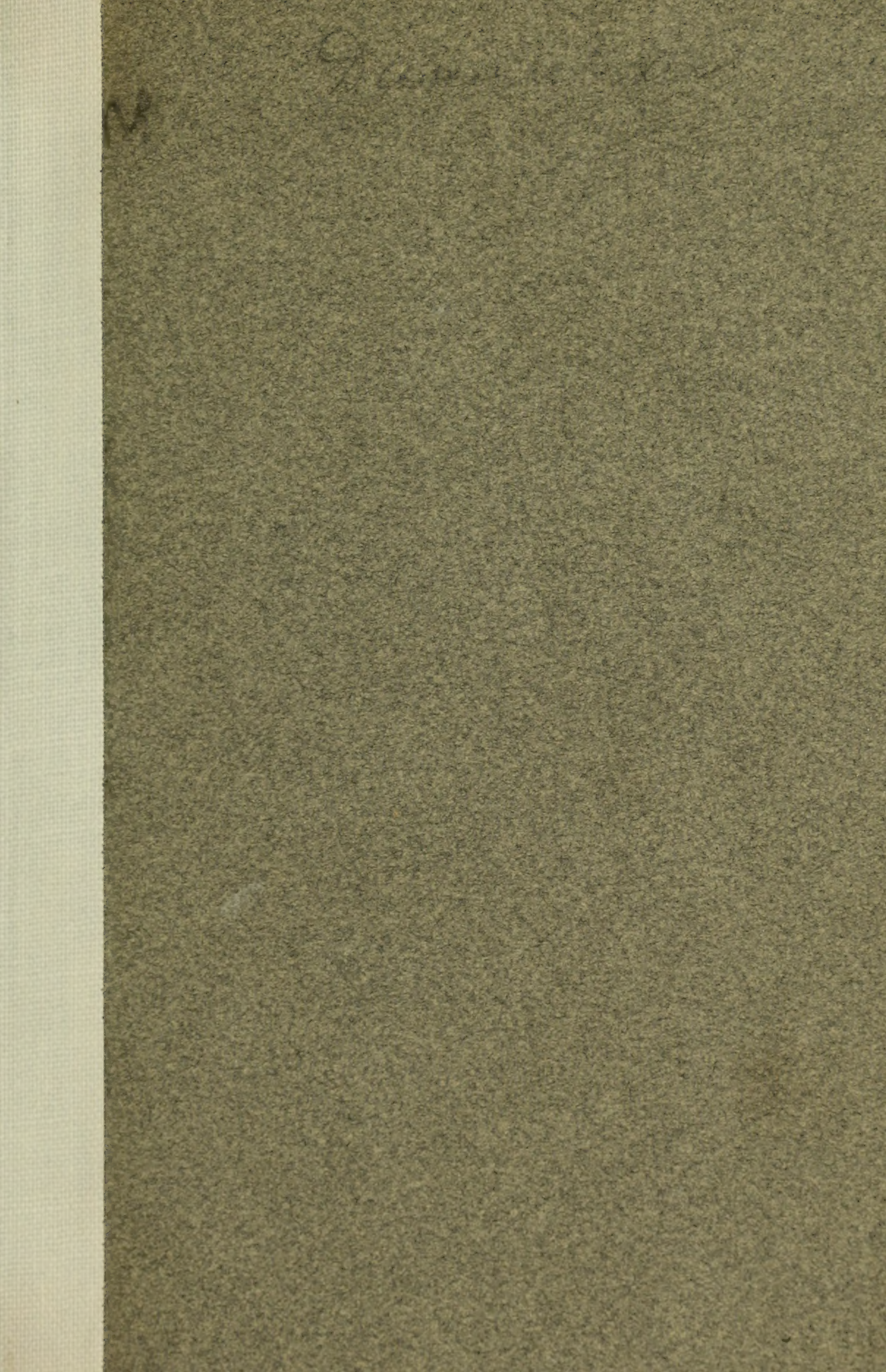
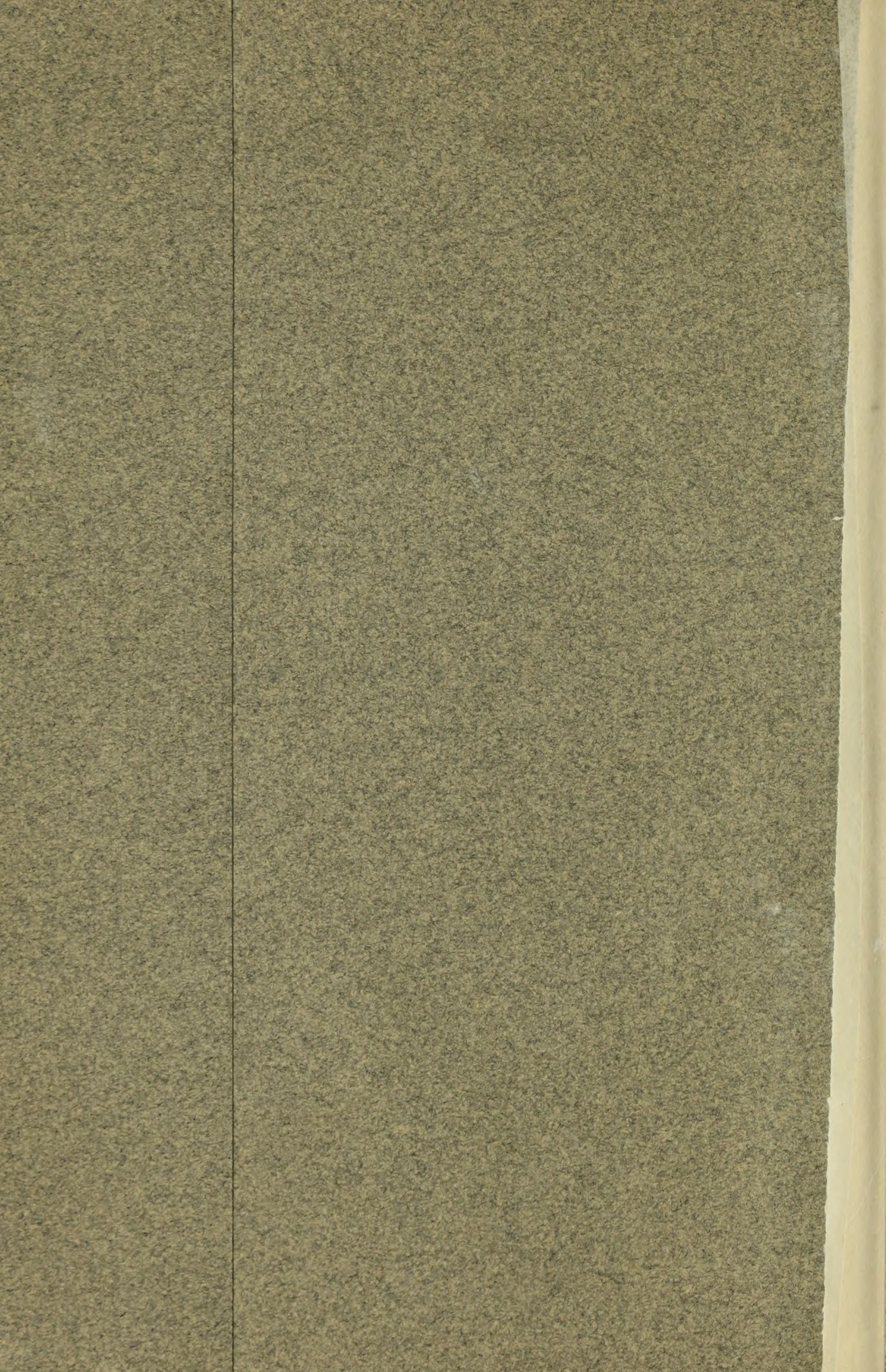

3 1761 08821248 5

Сочиненія

Г. П. Данилевскаго.

Томъ седьмой.

Изданіе восьмое, посмертное,
въ двадцати четырехъ томахъ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С. Петербургъ
Изданіе А. Ф. Маркса
1901

БѢГЛЫЙ ЛАВРУШКА ВЪ ПАРИЖѢ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ началѣ весны 1860 года, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, мнѣ привелось обѣдать въ тамошнемъ русскомъ трактирѣ, содержимомъ нѣкоимъ господиномъ Петромъ Ахчауловымъ. «Pierre Achtschauloff, restaurateur russe» значилось на его карточкахъ, тыкавшихся вамъ, какъ новичку, вездѣ, даже среди газетъ и журналовъ, въ кабинетѣ для чтенія при редакціи журнала «Le Nord». Общія подстреканія знакомыхъ оказались и здѣсь, какъ почти всегда, пустякомъ. Забавный кабачокъ представился тѣмъ же французскимъ отелемъ, съ маленькими столиками, некрашеными полами, усыпаемыми ежедневно бѣленькимъ пескомъ, съ посредственными винами, изъ такъ-называемыхъ туземныхъ, дамой-счетчицей за конторкой и печальнымъ результатомъ всѣхъ парижскихъ обѣдовъ, выходомъ изъ-за стола «впроголодь». Зато здѣсь вамъ подавались, и теперь еще, вѣроятно, подаются весьма сомнительнаго свойства квасъ, гречневая каша, борщъ съ бураками, разумѣется, на винномъ уксусѣ, кулебяка съ вязигой, паюсная икра, болѣе похожая на сгустокъ отъ чернилъ, чѣмъ на икру, чай и прочія тонкости, безъ которыхъ, какъ говорятъ, не обойдется желудокъ русскаго человѣка. Взглянувши на часы и сообразя, что есть еще средства утолить голодъ за табль-д'отомъ въ отелѣ Франциска I, гдѣ я засѣдалъ ежедневно съ молодежью изъ русскихъ художниковъ, давно обстрѣленныхъ и неспособныхъ поддаться на слабость посѣтить г. Пьера Ахчаулова, я уже всталъ и взялся за шляпу, какъ съ одного отдален-

наго столика также всталъ благообразный бѣлокурый господинъ, въ сѣромъ простенькомъ пальто и подошелъ ко мнѣ.

Извините-съ!..—началъ онъ по-русски.

— Что вамъ угодно?

— По двумъ вашимъ словамъ въ отвѣтъ здѣшнему хозяину я рѣшилъ, извините, что вы... чиновникъ-съ!

— Ошибаетесь; почему же вы такъ думаете.

Блондинъ вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда карточку и подалъ мнѣ, со словами:

— Извините. Я вашъ соотечественникъ; я русскій *эмигрантъ-съ.*

На французской карточкѣ значилось: «Лоранъ, второй швейцаръ въ домѣ барона Ротшильда».

— Что же вамъ угодно отъ меня?

Бѣлокурый господинъ попросилъ меня къ окну.

— Извините меня, — началъ онъ добрымъ голосомъ:— я нуждаюсь въ совѣтѣ... Многихъ я здѣсь въ ресторанѣ-съ перяслѣдилъ и относился къ многимъ-съ. Все господа важные или занятые весельемъ-съ. До того ли имъ...

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Вы не чиновникъ?

— Нѣтъ, не чиновникъ.

— Въ университетѣ вы учились? Законамъ учились?

— Учился...

— Позвольте васъ попросить меня выслушать; если угодно въ садъ, тутъ по близости-съ, на лавочку...—Я пошелъ съ Лораномъ въ садъ, примыкавшій къ какому-то дворцу или казармѣ... Мы сѣли на лавочкѣ. Мой собесѣдникъ вынулъ красивый портъ-сигаръ и предложилъ мнѣ отличную «баядеру».

— Ахъ!—сказалъ онъ:—какъ тутъ ни весело, а все-таки поневолѣ обрадуешься живой родной душѣ. Двѣ недѣли, какъ я выжидалъ и искалъ человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться. Въ наше посольство идти жутко: такъ мало знакомствъ имѣю-съ между нашими: занятъ очень-съ. Я бѣглый крѣпостной человѣкъ-съ одного полтавскаго помѣщика-съ, а зовутъ меня, то-есть звали когда-то-съ дома, Лаврентіемъ Даниловымъ Блинченко, а по-просту-съ Лаврушкой...

Лаврентій Данилычъ помолчалъ, глядя на толпу щеголихъ, мелькавшихъ мимо насъ.

— Долго вамъ разсказывать, сударь, какъ я сюда попалъ и какъ тутъ остался. Когда-нибудь сообщу. Теперь же дѣло

вотъ въ чемъ: тутъ баринъ одинъ есть; заѣзжій и добрый баринъ; только совсѣмъ прожился—слабый, хворый, денегъ нѣтъ, а ко всему этому здѣсь соблазну манитъ — ну, и тянется: совсѣмъ уже, такъ сказать, уронилъ себя... извѣстно-съ, прогорѣлый!.. ну, а народъ тутъ расподлѣющій,—шельма на шельмѣ... Жаль, а помочь некому; силы надъ нимъ нѣту никакой, а силу надо...

— Такъ вы думаете, что я...

— Вы мнѣ, сударь, скажите одно: могутъ ли по нашему, то-есть русскому, закону вытребовать барина обратно, положимъ такъ, въ Полтаву, что ли?

— Кто? правительство?

— Нѣтъ, не казна-съ... А дѣти—могутъ? У него двое и уже взрослыхъ; славныя были дѣтки—Саша и Соня-съ, то-есть теперь уже Александръ Аркадьичъ, выходитъ, и Софья Аркадьевна... Вѣдь пропадетъ человѣкъ; почитай уже теперь по улицамъ побирается, паяцомъ за деньги готовъ стать къ расподлѣющему какому французу.

— А есть имѣніе у этого господина въ Россіи?

— Было-съ, триста душъ, да теперь уже ихъ нѣту... прокутился...

— А дѣти чѣмъ обезпечены?

— Отданы были въ обученіе чрезъ бабку; у бабки теперь вѣрно и живутъ, своего достатку нѣтъ. И жива ли бабка, не знаю...

— Ну, врядъ ли что тутъ силой сдѣлаешь; дѣти могутъ только писать ему, надо уговаривать.

— Уговоришь его! совсѣмъ пропалъ, какъ есть...

Мы еще поговорили. Я обѣщалъ навести справку въ посольствѣ, дать ему отвѣтъ черезъ недѣлю и простился съ нимъ.

На разставаньѣ Лаврентій Данилычъ замялся.

— Скажу ужъ вамъ всю правду... Вы все равно въ посольствѣ узнаете, извините — этотъ баринъ Аркадій Андреичъ... Дольскій—былъ когда-то мой баринъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ мы вотъ съ нимъ вмѣстѣ бѣжали сюда, при Ламартинѣ-съ, какъ разъ при республикѣ этой бѣжали и прогорѣли. Кабы не Господь-Богъ, да Миколай-чудотворецъ, и я бы, можетъ статься, въ тюрьмѣ какой сидѣлъ. А теперь, благодаря Бога, въ хорошихъ людяхъ живу...

— Да, мѣсто хорошее; вы, кажется, у Ротшильда въ домѣ?

— Точно такъ-съ, у нихъ; баронъ распредобрѣющій че-

ловѣкъ-съ, какихъ поискать въ мірѣ. Сперва я у него выѣзднымъ былъ, а потомъ въ швейцары попалъ и комиссіи иногда имѣю по дѣламъ: по городу, отъ конторы...

— Сколько вы жалованья получаете?

— Deux milles francs d'appointements et deux milles de commissions, — сказалъ Блинченко, съ чистѣйшимъ парижскимъ выговоромъ, принимая при этомъ всѣ ухватки туземца: — двѣ тысячи франковъ жалованья и двѣ тысячи комиссіи, квартиру и одежу-съ.

— Это хорошо...

— Только ни днемъ-съ, ни ночью, вѣрите ли, покоя нѣтъ! Теперь же я выпросился, извините, — я жду вашего одолженія-съ—не оставьте!..

И онъ опять заговорилъ по-французски и повторилъ адресъ своей карточки. Странно! По-французски онъ говорилъ какъ истый парижанинъ; казалось, слушаешь лепетъ франта на Итальянскомъ бульварѣ. Какъ заговорилъ опять по-русски, о Парижѣ и помину нѣтъ: будто слушаешь разговоръ дворника у лавочки на Поварской или въ Гороховой.

— Вы давно изъ Россіи-съ?—спросилъ онъ.

— Недавно.

— Что ваши крѣпостные?

— Дѣло обсуждается! нельзя,—много хлопотъ.

— Тэ-экъ-съ; насчетъ тоже-съ откуповъ, тутъ говорятъ, будто у насъ свободно будутъ водку продавать. Правда это?

— А васъ это занимаетъ?

— Да-съ, въ Миргородѣ у меня сестринъ мужъ шинкаремъ сидитъ, такъ какъ бы мѣста не утерялъ, много дѣтей... А правда тоже, извините...

— Ничего, ничего, что такое, говорите!

— Правда, тоже, тутъ произошелъ слухъ, что будто богача купца Самокишина въ Москвѣ на цѣпь къ столбу приковали за то, что народу чай изъ бурьяну поддѣльный продавалъ? Мы у него въ домѣ у Покрова съ бариномъ стояли, и будто народу было дано, всякому человѣку, право и дозволеніе три дня и три ночи плевать на него и бить его по щекамъ за это жидовство-съ?

— Кто это вамъ сказалъ? это чистѣйшій вздоръ!

— Пріятель тоже, скажу вамъ, русскій и какъ я—лакей тоже, бѣглый изъ Крыму, писалъ. Онъ бѣжалъ, значитъ, дуракъ, во время войны, да три года у англичанъ и потеръ лямку

во флотѣ; а теперь въ Лондонѣ на улицѣ Гей-Маркетъ, въ турецкой кофейнѣ официантомъ служитъ, уже тоже третій годъ. Онъ въ аглицкихъ газетахъ начиталъ. Вы, я думаю, его видѣли, коли въ Лондонѣ были, — его *всѣ наши* эмигранты знаютъ—такъ его Данилкою и зовутъ. На-дняхъ это тоже опять пишетъ мнѣ: «ну, братъ, Лавруша, поздравляю: у насъ сѣканцію отмѣняютъ». Шутникъ такой, что на-поди! Извините-съ, опять заболтался. Au revoir!

Мы разстались. Но я плохо сдержалъ данное слово. Ранѣе недѣли судьба унесла меня въ Италію. Выборы въ Тосканѣ, смуты въ Римѣ, Неаполь и Венеція, Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ — все это были такія впечатлѣнія, среди которыхъ по-неволѣ забылся и обѣдъ въ русскомъ кабачкѣ у Пьера Ахчаулова, и разговоръ съ Лораномъ Блинченко. Но зато едва я воротился въ Парижъ и въ квартиркѣ художника М., гдѣ бросилъ часть своихъ вещей, наткнулся на карточку съ именемъ и адресомъ мосье Лорана, — я отправился въ посольство, переговорилъ съ чиновниками, порылся даже въ сводѣ законовъ и поѣхалъ отыскивать знаменитую улицу Лафитта и еще болѣе знаменитый домъ барона Ротшильда. Мнѣ кстати нужно было справиться въ банкирской конторѣ барона объ одномъ векселѣ, и я вошелъ въ контору. Цѣлое министерство предстало моимъ глазамъ. Клерки за столами, главноуправляющіе съ пушистыми бакенбардами, мѣшки съ золотомъ, кучи билетовъ, кассы за металлическими сѣтками оконъ; общая тишина, мѣрные шаги по коврамъ и плавное скрипѣніе сотни перьевъ; самъ молодой, бѣлокурый баронъ, худощавый и красивый, «султанъ червонцевъ и цѣлковыхъ», въ мягкомъ креслѣ огромнаго, сіяющаго каминомъ, кабинета, съ сигарой, за подписаніемъ бумагъ—все это заняло меня. Но я спѣшилъ обратно въ пріемную и потомъ внизъ.

— Чтó угодно, мосье? — спросилъ меня дежурный привратникъ.

— Мосье Лоранъ?

— А, мосье Лоранъ; знаю, знаю; вы вѣрно его землякъ? Онъ все ждалъ кого-то; его теперь нѣтъ дома! Онъ съ баронессой въ Булонскомъ саду. Но вы пожалуйте въ его комнату, онъ живетъ выше меня; о, онъ истинно достойный малый и живетъ по заслугамъ выше меня — вотъ, по этой

же черной лѣстницѣ... А-а? Козакъ!.. козакъ! Хе-хе!.. Vous êtes tous des kosaks!

И дворникъ, лукаво подмигнувши, почему-то громко разсмѣялся. Я вошелъ въ комнатку второго этажа, сопровождаемый дворникомъ. Это была конурка въ пять шаговъ; желѣзная кровать, подъ фланелевымъ одѣяломъ, два стула, столикъ у единственнаго окна, на столѣ два подсвѣчника, зеркало, папка съ бумагой, карандашъ и чернильница, клѣтка съ канарейкой надъ окномъ, а на стѣнѣ на гвоздѣ обернутое простыней платье. Апрѣльское солнышко весело свѣтило въ комнату, канарейка заливалась на всѣ лады. Я склонился къ столу и сталъ писать записку. Дверь отворилась за спиной привратника.

— А! Это вы! я васъ давно ждалъ! — крикнулъ мнѣ на порогѣ поспѣшно вошедшій Лаврентій въ голубой ливреѣ, шитой золотомъ, въ штиблетахъ и съ блистательными гербами на пуговицахъ.

Онъ сухо выслалъ подобострастнаго дворника, снялъ ливрею, облачился въ пальто и сѣлъ.

— Да, я васъ ждалъ, ждалъ! Гдѣ вы были, сударь?

— Въ Неаполѣ, въ Сициліи, въ Туринѣ; гдѣ я не былъ?

— Гарибальди видѣлъ-съ? Вотъ герой; нашъ Суворовъ-съ!

— Видѣлъ въ парламентѣ и даже къ нему на домъ съ другими русскими водили; видѣлъ его и на улицѣ, — передъ студентами рѣчь держалъ...

— Да, герой человѣкъ, я думаю, такого и нашъ Ермоловъ бы не побѣдилъ. Тутъ шла на него по лавочкамъ тайкомъ подписка, и я два франка далъ. Хотите курить? Что̀ же наше дѣло?

Я передалъ ему справку. Оказывалось, что г. Дольскаго по требованію дѣтей выслать не могли,—да врядъ ли дѣти и захотѣли бы хлопотать о такомъ папенькѣ. Мой разсказъ произвелъ горькое впечатлѣніе на Лаврентія. Онъ склонился на руки, волосы упали ему на лицо. Прошло минуты три.

— Пропалъ человѣкъ! а что за человѣкъ былъ! Спасибо за справку; сталъ бы я вамъ жизнь его теперь разсказывать, да надо идти. Баронъ отпустилъ всего на пять дёнъ; теперь дни такіе...

— Что̀ же теперь такое?

— Да теперь... страстная недѣля-съ, страсти; а вы закутились и забыли? Надо говѣть, надо въ нашей церкви о

службахъ справиться. Извините, пойду туда, а къ вамъ опосля заверну-съ...

— Ну, ужь нѣтъ, Лаврентій Данилычъ, за грѣхи мои и я пойду съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, я среди здѣшняго счета чиселъ и запутался.

Мы пошли бульварами. Шли долго; Лаврентій Данилычъ, какъ началъ разсказывать, все не умолкалъ. Прошли и Маделену, и Фобуръ-Сентъ-Оноре, и другія улицы. Заходили и въ нашу прежнюю церковь. Тамъ, во дворѣ, мой товарищъ отыскалъ помѣщеніе одного изъ причетниковъ родного клироса и у него справился о времени вечерень, всенощныхъ и обѣдень. Помню я, что и этотъ причетникъ поразилъ меня тѣмъ же, чѣмъ поразилъ сперва и Лаврентій. Мы разговорились, въ веселой хорошенькой гостиной этого дьячка русской парижской церкви, передъ каминомъ, уставленнымъ фарфоромъ, среди уютной мебели, обитой трипомъ; по стѣнамъ висѣли картины масляными красками, при нашемъ входѣ изъ-за пьянино встала маленькая дочь дьячка, игравшая что-то изъ оперы. Самъ онъ заговорилъ по-французски — чистѣйшій парижанинъ, и даже слово «parbleu» употребилъ; заговорилъ по-русски — прямо дьячокъ изъ-за Москворѣчья; даже ругательства родныя ввертывалъ подчасъ въ свою рѣчь. Тридцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ при церкви, въ полномъ довольствѣ; усвоилъ себѣ всѣ его привычки, всю обстановку туземнаго счастія и комфорта, а воротись на родину, одной косички на затылкѣ первое время не будетъ,—сохранилъ въ себѣ всю святую Русь въ точности.

— Ну,—сказалъ Лаврентій, справившись у причетника: — мы на день еще свободны; такъ слушайте же далѣе, до конца!

Мы вышли на улицу Берри, оттуда набережной Сены въ Тюльерійскій садъ, и бесѣдовали до самаго вечера на лавочкѣ, у знаменитаго фонтана...

— Мы бѣжали двѣнадцать лѣтъ назадъ изъ Россіи. Мой баринъ-съ, какъ я сказывалъ, былъ богатый помѣщикъ. Вы меня извините, коли я что неприличное вамъ скажу: надо говорить правду. Баловался мой баринъ сызмальства, хоть былъ и дворянинъ; наберетъ, бывало, ребятишекъ, какъ изъ корпуса пріѣдетъ, запрягаетъ ихъ въ колясочку, играетъ всячески, а послѣ и сѣчетъ; это, говоритъ, для фронту. чтобъ послѣ боялись; насъ, говоритъ, тоже въ корпусѣ и

въ зачетъ сѣкали. А потомъ получилъ офицерскій чинъ, сейчасъ въ отставку поступилъ, завелъ собачню, своръ десять, тутъ уже и я въ комнаты попалъ. Начались попойки; господа сосѣдскіе съ нимъ пьютъ, охотятся, объѣдаютъ его, а потомъ надъ нимъ же смѣются, дуракомъ его за глаза зовутъ. Была у насъ по сосѣдству семейка, сущіе жиды. Какъ отецъ нашего барина померъ, его эти люди заловили,—попросту — женили. И узнали же мы эту барыню нашу! Какъ поселилась это въ нашей усадьбѣ, вѣдьма-вѣдьмой такъ и глядитъ, что ужъ я отъ нея терпѣлъ — и сказать трудно. Скоро раскусилъ ее и нашъ баринъ. Сперва пивалъ крѣпко, а тутъ уже просто закурилъ такъ, что нà-поди. Какъ уже тамъ случилось, были у нихъ уже и дѣтки, сынъ и дочь, а баринъ часто сталъ изъ дому отлучаться, все на охотѣ, все на охотѣ — собаки воютъ, барыня бѣсится, на служанкахъ вымещаетъ. Разъ мы воротились изъ отъѣзжаго поля, а дома недоброе дѣло—полонъ дворъ судейскихъ, слѣдствіе идетъ—барыня померла «скорописною-съ смертью»—какъ спала, такъ уже и не встала-съ.—Дѣвки наши задушили... Похоронили ее: баринъ съѣздилъ къ своей матери, дѣтей тамъ оставлялъ, а послѣ взялъ гувернантку,—швейцарку, что ли, только она больше по-французски все говорила, глазатая такая, полногрудая да разбитная, а прежде тихая-тихая была и все его въ плечо цѣловала. Ну, а уже тутъ вы, сударь, догадаетесь. Послѣ этой грызотни и вѣчной свалки въ домѣ, гувернантка повела все дѣло на чистоту; и дѣтей смотритъ, и людямъ говоритъ все вы, и на кухню побѣжитъ, и бѣлье барину поштопаетъ, рубахи накрахмалитъ и вымоетъ, а тамъ стала вензеля на нихъ чудовые вышивать. И дались же ему послѣ эти вензеля: учиться и прежде дѣти не учились, а съ ней и подавно. Покинула она какъ-то сидѣнье съ дѣтьми, взяла свое платье и пошла къ барину въ кабинетъ примѣрять; я чистилъ посуду въ буфетѣ—слышу начался у нихъ хохотъ. Баринъ все чтò-то говорилъ по-французски, а она смѣется, пищитъ по временамъ, а тутъ стали двигаться стулья, она въ залу выскочила. Не прошло и полчаса, баринъ выходитъ скорыми шагами и ко мнѣ, самъ въ землю смотритъ: «Лаврушка, говоритъ, пойди, закрой мнѣ ставни въ кабинетѣ, что-то нездоровится; а мадамъ мнѣ лѣкарство сдѣлаетъ, ступай!» Заперъ я ставни съ надворья; они и затворились вдвоемъ,

и пробыли такъ до вечера. Дѣтей я и накормилъ и спать уложилъ; да уже ночью она вышла, и говоритъ: «тишь, Лаврушъ; мосье маладъ!»—И пошелъ съ той поры у насъ стыдъ и срамъ; зажилъ съ нею баринъ, какъ женатый; старуха-ключница, Мавра Өедосѣевна, его няня, еще и слать постель имъ вмѣстѣ на двоихъ стала. Это бы еще ничего; сперва-было сосѣди къ намъ, какъ обрѣзали, перестали ѣздить, а потомъ помирились и, какъ ни въ чемъ ни бывало, мѣнялись съ нашими визитами и даже Эмеренціи Карловнѣ, гувернанткѣ-то этой, ручку цѣловали. Забрала тогда насъ въ руки новая барыня пуще нашей родной; сама лично ничего не дѣлаетъ, а все мужа на насъ напускаетъ. Скоро дѣтей спровадили къ бабкѣ,—а бабка хоть небогатая, да добрая такая была; а сами сейчасъ на зиму въ Москву, и меня взяли съ собой. Тамъ баринъ сталъ выѣзжать въ маскарады, въ театры, ѣздили къ намъ разные господа, больше актеры изъ французскаго театра. Тутъ Эмеренція Карловна понесла... Ужъ какъ радъ былъ этому нашъ баринъ-то, Аркадій Андреевичъ; ужъ я таковой радости и не зрѣлъ отродясь.—«У меня, Лаврушка, говоритъ, сынъ французъ будетъ!»—а самъ такъ и прыгаетъ, такъ и млѣетъ. Ну, французикъ родился не живой, почти что какъ щенкомъ она, треклятая, опоросилась, танцуя и на попойкѣ у одной своей пріятельки. Долго была она хворая, а тамъ опять они закурили—ѣхать да и ѣхать въ Италію.—«Мы, Лаврушка,—говорилъ баринъ:—въ хижинѣ на берегу большого озера станемъ жить, какъ пастушки; это и для здоровья Мусиньки (такъ онъ ее звалъ) нужно!» Тутъ ужъ я не утерпѣлъ.—«Эхъ, для чего вамъ, баринъ, хижина, коли у васъ Всесвятское, триста душъ и барскія палаты находятся; да и чѣмъ въ вашей вотчинѣ, сударь, рѣка Ворскла хуже озера итальянскаго какого большого?»—Но они уже порѣшили. — «Дуракъ, говоритъ, ты, Лаврушка, и настоящаго счастія не понимаешь; а впрочемъ — мы тебя тоже туда возьмемъ!» — «Лаврушь-дурнушь!» такъ меня и звала эта гувернантка съ той поры. Ну-съ, баринъ сперва заложилъ, а потомъ сталъ искать случая продать Всесвятское; тутъ вмѣшалась бабка его дѣтей, жаловалась—ему не дали заграничнаго паспорта, онъ подговорилъ меня—мы черезъ Одессу и убѣжали въ Турцію, а потомъ прямо въ Италію. И точно, возлѣ Неаполя есть озерко у взморья, тамъ мы и

поселились: сперва я боялся, что поймаютъ и въ Сибирь сошлютъ. А послѣ обошелся. Зажили мы. Я хожу корову пасти, дрова собираю, на базаръ въ Кастелламаре (деревушка она, что ли, за Везувіемъ есть такая) хожу, салатъ, овощи, фрукты покупаю; а баринъ все ходитъ въ такой большущей соломенной шляпѣ, по морю катается, рыбу удитъ, на огни Везувія по ночамъ съ любовницей смотритъ и оба ровно ничего не дѣлаютъ больше. Покушаютъ, погуляютъ, полежатъ, спать лягутъ; я опять имъ и тутъ ставни закрываю, какъ во Всесвятскомъ. Выспятся, опять поѣдятъ, опять это пошатаются по камнямъ, выкупаются или рыбки половятъ, и опять спать. Она растолстѣла, жирныя такія губы и плечи стали, глаза подернуло поволокой, такъ и пышетъ вся, сталъ толстѣть и мой баринъ, но меньше. Онъ все на лакрима-кристи, да на алеатико сталъ налегать; тамъ вина такія есть. Тутъ начала голова у него болѣть, приливами, глаза какъ кровь, еле уже ходитъ, а тутъ и желудкомъ сталъ сердечный объѣдаться; я дважды за докторомъ ѣздилъ на ослѣ въ городъ, кровь ему бросили. Прошло такъ мѣсяцевъ семь; смотрю, оба замутились; привялило ихъ маленько что ли такое житье — хлопаютъ только глазами; она книжку читаетъ, онъ зѣваетъ, да куритъ. А тутъ и казусъ произошелъ. Надо вамъ знать, что баринъ мой былъ очень ревнивъ еще и къ своей прежней барынѣ, и къ этой; а она со скуки, что ли, или такъ — шутя, одинъ разъ и залучила меня въ саду. Сперва все ходила около съ зонтикомъ, какъ я корзинку плелъ, а потомъ подошла и взяла меня за щеку, а сама, смотрю, дрожитъ, и какъ пахнетъ отъ нея всякими духами: «Лавру́шь-дурну́шь,—говоритъ:— полюби меня, я тебя озолочу!»—Я, сударь, такъ и обомлѣлъ.—«Non, говорю, impossible, нельзя; баринъ убьетъ изъ пистолета!» А она по-французски мнѣ въ отвѣтъ, я тогда уже понималъ и самъ начиналъ говорить: «не бойся, деньги мнѣ всѣ уже на мое имя переведены; бросимъ его, убѣжимъ — онъ мнѣ противенъ!» И она тутъ плюнула на траву, а сама держитъ меня за голову, я же на корточкахъ сижу съ корзинкой. — «Нѣтъ, я отвѣтилъ, не могу, и я васъ не люблю, Эмеренція Карловна; у меня, скажу вамъ по правдѣ, тутъ итальяночка по любви ходитъ...» Позеленѣла барыня, сама усмѣхнулась и отошла. Въ тотъ же вечеръ мой баринъ, ни за что, ни про что, впервое въ

жизни поколотилъ меня. Сосѣдскіе кучеръ и садовникъ на меня взъѣлись. — «Дуракъ русскій, брось своего господина, вѣдь ты тутъ свободный, тутъ крѣпостныхъ нѣтъ!» — «Даромъ, пусть бьетъ, а я все-таки его не кину! На то онъ баринъ — а вы дурачье». Черезъ два дня она выпроводила барина куда-то, сама пришла ко мнѣ въ садъ опять: «а что, — говоритъ, смѣючись и не поднимая глазъ: — испыталъ?» — «Испыталъ, говорю, сударыня, такъ что же?» — Она кинулась ко мнѣ на шею и давай меня цѣловать... ей-Богу! такъ и горитъ, ласкаетъ, дрожитъ, шельма, и въ глаза цѣлуетъ, и въ щеки, и въ губы — насилу я оторвался отъ нея, ей-Богу-съ, какъ Іосифъ прекрасный въ исторіи. Она мнѣ пригрозилась и ушла. А тамъ разъ ночью ко мнѣ въ коровникъ пришла... Тутъ уже я все барину сказалъ. Не повѣрилъ онъ сперва, сердечный, а потомъ — и заплакалъ. Плачетъ, какъ малое дитя, хнычетъ: «пропалъ я, Лаврушка, какъ собака, теперь ужъ я предчувствую — она меня броситъ. Гдѣ она?» — «Въ ваннѣ сидитъ: Клара съ нею» (это служанка старая была)... — «Броситъ теперь она меня, и я пропалъ...» — Да чѣмъ же вы, сударь, говорю, пропали? Возьмемъ мѣсто на пароходѣ и, черезъ Одессу, воротимся опять домой; коли Всесвятскаго родового вашего не выкупимъ, такъ по-крайности хоть въ хуторѣ какомъ въ Малороссіи сядемъ на хозяйство. Вонъ, Дорошъ, лакей Павленка-съ, въ Римѣ мнѣ говорилъ, что у нихъ земля подъ Бахтутомъ ничуть не хуже-съ, чѣмъ въ этой Кампаньѣ-съ, али хоть бы и по близности Неаполя; вспомните наше село, вареники; да и пшеница наша не въ примѣръ лучше здѣшней». — «Ты, Лаврушка, вздоръ мелешь; знай, братецъ, что теперь я нищій — меня вызывали черезъ газеты; имѣніе продано съ аукціона, а мои всѣ билеты у Чезаре въ Римѣ я перевелъ на ея имя, послѣ того, помнишь, вечера, какъ мы за Монте-Пинчіо въ лѣсокъ ѣздили и оставались тамъ до зари. Ахъ, братецъ, женщина! Вотъ адъ и рай вмѣстѣ, что̀ за пылъ и что̀ за страсти! Ты не вкусилъ этого, дуракъ, и потому не знаешь... Ну, да авось это еще перемелется!» — Только нѣтъ! какъ узнала она, что я барину все открылъ, волчица-волчицей стала, — насъ, безпаспортныхъ, еще миловали — мнѣ выхлопотали какой-то плакатъ на итальянскомъ языкѣ и отпустили; баринъ и глядѣть на меня, сердечный, не могъ, а она такъ просто

расхворалась, какъ я отходилъ. Клара только передала мнѣ тутъ знаками, что она ночью барина по щекамъ била, и онъ передъ нею на колѣнкахъ прощенья все за что-то просилъ. — Тутъ я переѣхалъ въ Анкону, а потомъ въ Падуѣ къ бывшему харьковскому профессору—окулисту В***—по одной рекомендаціи, поступилъ въ услуженіе. Профессоръ вывезъ большое состояніе, имѣетъ виллу-съ, а ѣстъ донынѣ-съ по памяти ботвинью и дѣлаетъ себѣ дома квасъ.— Оттуда я уѣхалъ сюда, въ Парижъ, и тутъ уже остался. Только Парижъ мнѣ, скажу вамъ, сперва больно не полюбился. Въ первый разъ, какъ я пріѣхалъ, тутъ правилъ Ламартинъ-съ: изъ здѣшнихъ помѣщиковъ онъ въ короли на три мѣсяца былъ выбранъ; мнѣ тогда какъ-то не казался Парижъ,—грязно такъ, улицы узенькія, сырыя, сами французики такіе общарпанные, голодные ходили. Правители это въ шарфахъ черезъ плечо вездѣ показывались, знамена раздавали, краснымъ виномъ поили народъ. Тамъ ихъ камера такая была, народъ у входа толпился, задиралъ всякаго. Епископа ихняго гдѣ-то въ переулкѣ осмѣяли, грязью въ лицо ему кидали; а у одной княгини на каретѣ, среди улицы, гербы кирпичомъ постирали и ее еще заставили выйти въ дверцы и на дѣло смотрѣть, стоя. Какъ бывало въ камерѣ что скажутъ такое, такъ и закишатъ улицы оборванцами, какъ улей пчелами; сейчасъ за камни; мостовыя разберутъ и драка. А тутъ я изъ Италіи прибылъ черезъ нѣсколько лѣтъ—вездѣ тишина и всѣ такіе чистые и выбритые ходятъ. Полиціи пропасть, и Наполеонъ, какъ наши генералы, сталъ въ мундирѣ ѣздить по городу, да еще и съ конвоемъ...

— Ну, такъ вы пріѣхали въ Парижъ; а баринъ вашъ гдѣ же дѣлся?

— Я тутъ сталъ служить у французовъ, сначала по ресторанамъ, а тамъ и въ конторахъ, за швейцаровъ. Завелась у меня здѣсь тоже любовишка, извините, больно мою полтавскую Настю напоминала—такая же свѣжая, да добренькая, да съ черною косой... Ѣздилъ я съ ней въ гуляночные дни за-городъ и въ окрестные сады, въ театры и на смотры войскъ. Она разряжена и я. Разъ тащимся мы въ омнибусѣ въ Буа-де-Булонь; я высунулся изъ окна и смотрю на щегольскіе экипажи; вдругъ слышу изъ одной коляски громкій женскій голосъ: «Лаврушь, Лаврушь, Ани-

маль!» Оглянулся: Эмеренція Карловна, и кинула она мнѣ наскоро свою карточку съ адресомъ; выскочилъ я изъ омнибуса, сконфузилъ и любовницу свою, поднялъ карточку, а коляска съ Эмеренціей Карловной улетѣла, и она мнѣ только рукой поцѣлуй послала, а сама хохочетъ и съ нею въ коляскѣ офицеръ усатый, да черный, тоже заливается, хохочетъ. Взбѣсила меня эта баба; думаю себѣ, пойду, справлюсь хоть о баринѣ. Насилу отыскалъ ея квартиру, почти за городомъ, за прежнею чертою городского вала, только квартира отличная, цѣлый домъ въ саду и палисадникъ выходитъ на улицу. Зашелъ я прежде въ сосѣднюю лавочку пива выпить, а самъ давай разспрашивать хозяина, кто такой занимаетъ этомъ домъ съ садомъ. — «Богатая дама русская изъ французовъ, — отвѣтилъ мнѣ веселый хозяинъ лавочки:—деньги соритъ, домъ вѣчно полонъ безпечныхъ гостей — идетъ картёжъ, попойки справляются аккуратно, а на-дняхъ полиція вмѣшалась и у нея былъ комиссаръ, по поводу одной ея штуки». — Что́ же такое? Лавочникъ оглянулся. «Видите ли, говорятъ, она обобрала одного русскаго барина въ Россіи, тысячъ на двѣсти франковъ, выманила у него эти денежки, а его прогнала или гдѣ-то бросила больного. Теперь она въ связи съ капитаномъ изъ гвардейскихъ вольтижёровъ, такой здоровенный мужчина, еще прежде былъ у меня въ невылазномъ долгу за пиво и сидръ. Ну, она съ нимъ почти открыто живетъ, кутитъ по загороднымъ баламъ, — а этомъ баринъ-то русскій выздоровѣлъ, да какъ-то и доплелся до Парижа...

— Ну, ну??? — «Доплелся, узнавъ ея адресъ черезъ хозяйку отеля, гдѣ онъ съ ней впервые остановился, когда ѣхалъ изъ Россіи,—и отправился къ ней. Она его не приняла. Двѣ недѣли онъ ходилъ тутъ, бѣдняга, около ея оконъ, какъ нищій, почти-что милостыню готовъ былъ просить, — двери ея не отворились для него. Я его зазвалъ, все это узналъ и три раза давалъ ему даромъ, бѣдняку, капитановъ и пива. По на-дняхъ у нея была попойка, онъ опять пришелъ и сѣлъ вонъ на ту скамеечку у воротъ ея двора. Вижу, я, отворилось у нея окно, толпа молодежи высунулась съ нею оттуда и давай кричать: «мосье, мосье! какъ же о васъ не доложили, пожалуйте!» Онъ вошелъ къ нимъ, и послѣ того тамъ раздавались такіе крики, смѣхъ и возгласы, что мы и мои посѣтители изъ сосѣднихъ мастер-

скихъ и лавочекъ только плечами сдвигали. Ночью этого господина отвезли за-мертво пьянаго,—а утромъ тамъ былъ комиссаръ и у нея взяли какую-то подписку. Говорятъ, что въ этой компаніи веселыхъ гостей моей сосѣдки ея бывшаго обожателя подпоили, заставили пѣть и плясать національныя русскія пляски и потомъ, нарядивши его шутомъ, сдѣлали съ нимъ еще какую-то наглость. Онъ этого на утро ничего не помнилъ; но кто-то изъ собесѣдниковъ проврался, и госпожу эту взяли подъ присмотръ полиціи и слѣдятъ, откуда у нея взялось состояніе. Спрашивали, говорятъ, этого чудака, осмѣяннаго ея обожателя, не у него ли она выманила какою-нибудь подлостью деньги; но онъ ее не выдалъ и отрекся отъ всего». Что вамъ прибавлять къ разсказу лавочника? Скажу вамъ, сударь, одно: былъ я у нея, водила она меня по комнатамъ, показывала ихъ убранство, свои вещи, свою спальню, ванну, зимній садъ съ теплицами, вспомнила про Россію.—«Э! ты! Кстати, хочешь назадъ въ Полтаву?» — спросила она меня. Я не отвѣтилъ ни слова.—Сударыня,—говорю,—гдѣ мой баринъ? гдѣ вы его дѣли?—Она слегка поблѣднѣла.—«Мосье Дольскій теперь свободенъ; онъ мнѣ измѣнилъ и мы разстались; онъ, кажется, въ Швейцаріи... фермеромъ живетъ на хозяйствѣ». Мы были одни; я не выдержалъ и говорю по-русски:—«Эмеренція Карловна! смилуйтесь; у васъ души нѣтъ—баринъ мой вовсе не тамъ, а здѣсь, въ Парижѣ, и съ голоду умираетъ!»—она взглянула въ окно искоса и засмѣялась:—«Tiens, моя душа: если бы у меня не было этого (она показала сперва на ротъ, потомъ на лобъ и потомъ на лѣвый бокъ), этого и этого, если бы я не хотѣла ѣсть, не думала жить и не имѣла бы надежды любить, — я бы поняла тебя. А теперь—прощай! Да кстати: хочешь ли въ лакеи-друзья; ты еще такъ же хорошъ, какъ былъ въ Италіи; я тебѣ дамъ ваканцію у одной моей подруги, содержательницы шоколаднаго магазина на бульварѣ? Подумай!» — А баринъ мой, баринъ-то?! — сказалъ я, трясясь отъ злости и омерзѣнія-съ:—вамъ его не жалко? не жалко его дѣтокъ, вашихъ учениковъ, Саши и Сони? — «Ха-ха-ха-ха!»—захохотала она во все горло, потомъ, топнувъ ногой, указала мнѣ на дверь и закричала:—«вонъ отсюда, колпакъ!»—Я оглянулся, кругомъ насъ и въ этой части дома не было ни души. Я молча кинулся на нее и уже въ точности не

упомню, чѣмъ, сколько времени и по чемъ я ее билъ... Помню только, что на ея крикъ стали останавливаться у окна прохожіе, потомъ окно со звономъ лопнуло и ворвался ко мнѣ какой-то толстякъ-булочникъ, а потомъ розняли насъ и другіе! У меня отняли изъ рукъ ножку стула и на полу подняли обломокъ шандала. Ее полумертву отвезли въ страннопріимную богадѣльню; голова у нея оказалась безъ косы, — чѣмъ я отрѣзалъ ее, и донынѣ не соображу, — въ двухъ мѣстахъ была пробита, а на лицѣ и на рукахъ оказались у нея такія раны, что едва я могъ спастись и доказать, что мстилъ ей за господина, но не думалъ ее убить до смерти. Черезъ два дня въ здѣшнихъ газетахъ появилась статья, подъ заглавіемъ: «Русскій тигръ, или анекдотъ на улицѣ Звѣздъ съ русскимъ рабомъ и парижскою сиреной, за стараго любовника». Я просидѣлъ болѣе полугода въ тюрьмѣ; ко мнѣ являлись и угрожать, и упрашивать. Мой адвокатъ оправдалъ меня, и я вышелъ, но бѣдствовалъ долго безъ мѣста. Тутъ-то отыскалъ меня по газетнымъ статьямъ мой баринъ... Боже милостивый! Въ какомъ я положеніи его увидѣлъ... какой-то камлотный камзольчикъ, куцыя жидовскія брючки съ чужихъ ногъ, видно, прямо съ рынка, и поверхъ всего старенькая плисовая, какъ у паяца, курточка, — старый престарый, волосы до плечъ, сѣдина прошибаетъ сильно, небритый и подъ хмелькомъ. Воротился я какъ-то съ поисковъ за мѣстомъ въ свою конурку, смотрю, бокомъ у окна баринъ стоитъ. Я такъ и обомлѣлъ. Баринъ, голубчикъ, Аркадій Андреичъ, васъ ли я вижу? Да въ слезы отъ радости, да къ ручкѣ его. Онъ руку не далъ поцѣловать, и самъ не смотритъ, стыдится. «Ты, Лаврушка, говоритъ, много не разсказывай и не унижайся, хоть и бывшій мой крѣпостной. А ты лучше вотъ что: поставь мнѣ, братъ, выпить, червячокъ точитъ, надо заморить. Помнишь, какъ во Всесвятскомъ: «Антошка, Пашка, Лаврушка, вы, звѣрье, водки!» А ты кричишь «въ секундъ!» и бѣжишь. Бѣги, Лавруша, и теперь». — Заметался я, сказать вамъ по-правдѣ, какъ бывало точно въ старину, и самъ зналъ, что онъ уже не баринъ, а заметался и за виномъ махнулъ во весь опоръ; что дѣлать — прибылъ старый баринъ! Вотъ угостилъ его; онъ и говоритъ: «теперь давай мнѣ денегъ, я безъ денегъ нищій; а ты на ноги меня поставь, Лавруша!» — Гдѣ мнѣ, — говорю

ему, — денегъ достать? Я самъ, Аркадій Андреичъ, супъ изъ крысъ ѣмъ, камушками закусываю по мостовымъ, да и тѣхъ, вонъ, Бонапартъ-императоръ поубавилъ по улицамъ, чтобъ баррикадъ французъ не строилъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы были съ вами тутъ, ваше благородіе! Ей-же-ей, баринъ, съ голоду приходится помирать... — «А все-таки ты меня долженъ ублаготворить». Занялъ я у одного пріятеля сорокъ франковъ, да взялъ впередъ въ кафе Бюфона-съ, куда нанялся на годъ, шестьдесятъ франковъ въ счетъ жалованья и фракъ свой заложилъ. Но не долго были барину эти сто франковъ. Черезъ два мѣсяца онъ опять притащился ко мнѣ и занялъ у меня уголъ въ каморкѣ. Какъ онъ и чѣмъ тутъ жилъ, уже не знаю; писалъ, сказываютъ, кое-къ-кому и въ Россію, да не получалъ оттуда ожидаемаго. Дѣтей вспоминалъ, плакалъ о нихъ, — а возвратиться не хотѣлъ. Какъ-то подвернулся сюда одинъ молодчикъ, изъ нашихъ полтавскихъ, встрѣтилъ его, сжалился, вспомнилъ его же былую хлѣбъ-соль — взялъ его къ себѣ тутъ въ качествѣ собесѣдника. Должно статься, что и этотъ баринъ тутъ прогорѣлъ. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года. Я бѣдствовалъ невообразимо; не дослужа забранныхъ шестидесяти франковъ, заболѣлъ... Помѣстили меня въ больницу чернорабочихъ, вылѣчили, а послѣ заставили отслуживать. И я работалъ на каменной работѣ у племянницы моихъ теперешнихъ господъ, баронессы Ротшильдъ, на ея дачѣ. Тамъ меня узналъ аббатъ изъ русскихъ, Саламахинъ, Ѳадей Сергѣичъ, и рекомендовалъ въ лакеи сперва къ племянницѣ бароновъ, а потомъ и къ нимъ самимъ—спасибо ему. Тутъ я теперь и стою. Только не такъ устроилась судьба моего барина-то. Вдругъ, слышу — сманилъ его какой-то фокусникъ и сталъ возить въ колымагѣ съ обезьянами, попугаями и учеными медвѣжатами. Смотрю, разъ по бульвару съ сигаркой ходитъ, на лавкѣ въ Тюльерійскомъ саду сидитъ, на публику смотритъ, и выбритый, въ пальто съ чужого плеча, раздаетъ объявленія про этого фокусника. Я и пошелъ къ фокуснику въ балаганъ; глядь, а баринъ-то мой и билеты у него продаетъ. Я было попятился. «Ничего, — говоритъ, — prenez un billet, cher Lavrouchka, одинъ франкъ двадцать сантимовъ, первый рядъ!» — Баринъ, — говорю:—Аркадій Андреичъ, васъ ли вижу здѣсь! Вспомните ваши степи, Всесвятское, своихъ дѣтокъ! Воро-

титесь лучше домой; вамъ ли у паяцовъ проживать? Вѣдь у васъ своихъ триста слугъ было... — «Дуракъ ты, братъ Лавруха,—сказалъ онъ мнѣ на это,—мы тутъ равны, да я же и въ опалѣ, въ зломъ скандалѣ... фръ!» Онъ уже тогда начиналъ риѳмами говорить, какъ въ театрѣ, и многихъ господъ смѣшилъ. «Батюшки, батюшки,—подумалъ я,—что съ человѣкомъ не бываетъ!»—Тутъ меня отличили, прибавили жалованья. Саламахинъ разсказалъ барону о моей сценѣ за барина съ тою-то воровкой, разорившей его, и статью ему про меня читалъ. Баронъ прозвалъ меня vrai Kosack—говоритъ и приблизилъ меня еще больше къ себѣ. Съ нимъ тутъ я и въ Лондонъ ѣздилъ, тюки возилъ; послѣ оказалось, что то было золото и его кредитныя бумаги, еще почище золота. Главный клеркъ барона, нѣмецъ, шутъ такой, особенно меня, скажу вамъ, оцѣнилъ, и теперь я уже съ конторскими за однимъ столомъ обѣдать сталъ... Много тутъ всякаго народа изъ нашихъ бѣглыхъ. И люди будто уже не наши, не свои; одному не зачѣмъ ворочаться домой, другому нельзя; всѣ при мѣстахъ, и будто благополучны и благоденствуютъ. А ударитъ тутъ между нами про родину вѣсть какая, точно въ колоколъ въ Иванѣ Великомъ,—или бранятъ насъ, или войной на насъ собираются, или пожары гдѣ большіе, наводненія, дороговизна, такъ сейчасъ собираются и заставляютъ газеты читать, либо всѣ гуртомъ въ церковь.

Мы оба помолчали. Стало уже темнѣть.

— Гдѣ же теперь вашъ бывшій баринъ Дольскій?

— Въ тюрьмѣ-съ сидитъ... тяжело мнѣ это сказать! Сидитъ за пустячный долгъ. Увлекся у фокусника какою-то фокусницей, да въ долгъ на нее и набралъ нарядовъ, а продавецъ и засадилъ его.

— Что же его никто не выкупитъ?

— Да я первый выкупилъ бы его, только онъ опять туда попадетъ. Совсѣмъ развратный сталъ, излѣнился въ конецъ, а тутъ и навозу залежаться не дадутъ, не то что человѣку. Вотъ кабы его въ Россію! А то и меня онъ осаждаетъ письмами, да ужъ теперь я и боюсь, какъ бы онъ не вытребовалъ меня, по правдѣ, опять къ себѣ въ крѣпостные!

— Ну, на это закона нѣтъ, чтобъ онъ требовать могъ, если самъ безъ паспорта.

— Все такъ, да я вѣдь крѣпостной. Вотъ хоть бы дѣти его самого отсюда взяли, что ли!

Я записалъ адресъ его дѣтей и далъ слово извѣстить ихъ, воротившись въ Россію. Мы встали.

— Ну, какъ же вы, Лаврентій Данилычъ, свою судьбу устроить думаете?—спросилъ я.

— Послужу у барона; теперь изъ жалованья и комиссій моихъ порядочная сумма уже составляется. Еще побуду, авось тогда и свое дѣло начну; лавочку, что ли, открою... Послѣ женюсь... Оно теперь и въ Полтаву манитъ... да жутко какъ-то... Законъ еще неизвѣстенъ... А коли бы Всесвятское было наше и баринъ тамъ жилъ бы—вотъ, ей-ей, кажется, воротился бы. Что въ этой ливреѣ, что въ этой свободѣ! Честью завѣряю, страшно; ну, какъ потребуютъ, да по этапу отошлютъ...

Я заспорилъ, удивленный такимъ понятіемъ; доказывалъ, что Парижъ не полтавская губернія и что будь только честенъ, здѣсь сберегутъ не хуже, чѣмъ на застольной во Всесвятскомъ, или по паспорту въ Миргородѣ.

— Нѣтъ, скучно, баринъ, становится. Все не свое... двѣнадцать лѣтъ степей не видѣлъ...

«Ужъ не хитритъ ли онъ, — подумалъ я, — что за дичь подобныя убѣжденія. Мы разрываемъ крѣпостныя связи, а онъ жалѣетъ о томъ, что его баринъ не во Всесвятскомъ, а въ долговой парижской тюрьмѣ».

«Вотъ она старая-то Русь»,—подумалъ я.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа, Лаврентій Даниловичъ Блинченко, или иначе, гражданинъ Франціи, мосье Лоранъ, зашелъ ко мнѣ проводить меня; таскалъ мои чемоданы, сходилъ мнѣ за кое-какими покупками, прилаживалъ мнѣ на дорогу всякую вещицу, чистилъ съ обычнымъ русскимъ лакейскимъ форсомъ чистѣйшаго русскаго издѣлія мои сапоги и, наконецъ, весь запыхавшись, выразился такъ:

— Эхъ, сударь мой! Вѣдь вотъ тутъ и кожи-то такъ выдубить не смогутъ, какъ у насъ. Что здѣсь за сапоги! Мѣсяцъ поносилъ и бросай, или носи триковыя ботинки по грязи этого каторжнаго макъ-адама. А вотъ въ Полтавѣ нашему барину завсегда Коржъ сапожникъ шилъ; такъ вѣрите: по семи мѣсяцевъ безъ починки носились — даже тошно было чистить... Оно, видите ли,—будь и здѣсь проч-

ность какая въ завѣреніи тоже, что вотъ тебя не отошлютъ въ другую какую деревню, я бы воротился, хоть сейчасъ, барину радъ былъ бы снова служить, лишь бы во Всесвятскомъ. А то Наполеонъ всѣхъ выдать можетъ, какъ бѣглыхъ.

Лаврентій задумался. Въ это время на бульварѣ Бонну-вель, гдѣ я стоялъ, затрубили трубы и полился молодцоватый громъ военнаго гвардейскаго оркестра. Мы подбѣжали къ окну. Быстрымъ залихватскимъ маршемъ шелъ отрядъ гвардейскихъ зуавовъ; музыканты, съ табличками нотъ передъ глазами, шли и играли на ходу какую-то необыкновенно-подмывающую штуку. Веселая толпа блузниковъ, дѣтей и щеголей шла слѣдомъ, заглядывая на бритыя головы и алыя фески импровизированныхъ алжирцевъ. Громадные омнибусы катились за городъ. Былъ какой-то не то народный, не то императорскій праздникъ. Я взглянулъ на опечаленное и задумчивое лицо Лаврентія.

— Поѣдемъ-ка добровольно въ Россію,—сказалъ я.

— Нѣтъ, боюсь, да и барина по правдѣ жалко; какъ я ворочусь безъ него и что̀ скажетъ старая барыня. Сегодня отъ васъ къ нему забѣгу, вотъ припасъ ему деньжатъ на табакъ...

И чудакъ показалъ десятифранковую монету.

— Вы же теперь знаете мой адресъ! пишите мнѣ въ Россію,—сказалъ я ему.

Онъ опять помолчалъ.

— Если бы земли намъ дали, кажется, и я скорѣе бы домой воротился. Матери нѣтъ у меня; только тётка, да и та продана вмѣстѣ со слободой. Ну, да все ничего; воротись баринъ, сядь опять во Всесвятскомъ — вотъ такъ бы и пошелъ! Жаль его, сердечнаго. Надо бы ему и бѣлья сегодня; чортъ знаетъ, однако, по правдѣ сказать вамъ, извините, что это за человѣкъ такой: ему бы только лежать, ничего не дѣлать.

Лаврентій махнулъ рукой и болѣе не говорилъ ни слова.

— Наше вамъ почтеніе-съ!—сказалъ онъ и вышелъ, давъ слово мнѣ писать.

Я подождалъ, пока онъ спустился по лѣстницѣ изъ восьмого этажа моей конурки, именовавшейся апартаментомъ номера сорокъ-четвертаго, и нагнулся изъ окна надъ улицей, смотря, какъ уйдетъ Лаврентій. Внизу онъ показался

снова уже въ ливреѣ барона Ротшильда, которую онъ, очевидно, оставлялъ у привратника. Онъ ловко застегнулъ золотыя пуговицы на блѣдно-голубомъ кафтанѣ, съ малиновыми отворотами, загнулъ на бекрень круглую, съ кокардой сіятельнаго и магическаго герба, шляпу, подтянулъ на рукахъ перчатки, вынулъ, не спѣша, на послѣдней ступенькѣ крыльца, знакомую уже душистую «баядеру» — закурилъ ее отъ сигары какого-то прохожаго полковника, остановленнаго имъ однимъ легкимъ кивкомъ головы, заложилъ руки въ карманы, и пошелъ, гордо поглядывая, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, всякаго оттѣнка и всякихъ націй и возрастовъ. И гдѣ были въ это время мысли смиреннаго Лаврухи? Во Всесвятскомъ? въ Мазаской ли тюрьмѣ? У сестринаго ли мужа въ Миргородѣ или гдѣ на теплой, давно-оставленной печкѣ какой-нибудь бѣлокурой Гали или черноволосой Пасти?

Въ Россіи я прожилъ уже два мѣсяца осени 1860 года. Варшава и Полѣсье, поѣздка по шоссе на Кіевъ и Царства Польскаго, между сплошныхъ зеленыхъ вѣковѣчныхъ дубравъ, стонавшихъ тысячами птичьихъ стоновъ, съ перебѣгавшими черезъ бѣлое полотно свѣжей новой дороги лисицами и какими-то еще темно-сизыми, пушистыми звѣрками, величиной съ большую кошку; потомъ возвратъ на родимый хуторъ на пароходикѣ новаго общества, по Днѣпру, еще въ полую воду его картинныхъ береговъ, то плоскихъ и песчаныхъ, то крутыхъ съ лѣсами и скалами, — все это мелькнуло и смѣнилось тихой жизнью маленькаго домика среди ровной, гладкой и окаймленной однимъ небомъ поляны, у маленькой рѣчонки.

Но моя родина въ это время уже была полна давно ожидаемыми слухами. Въ воздухѣ было чутко, хотя все ждало и жило по-старому. Сосѣдній священникъ съѣздилъ въ городъ и привезъ кстати мою почту. Я кинулся къ газетамъ. Въ кучѣ почтовыхъ пакетовъ мелькнуло письмо съ заграничнымъ знакомымъ штемпелемъ и французскою почтовою маркой, на которой хорошо сразу узнался и бонапартовскій примелькавшійся глазамъ профиль, и его знакомая бородка. Пока мой гость раскуривалъ трубочку и собирался вторично заговорить о пшеничкѣ, обѣщанной ему не въ зачетъ прежнихъ субсидій, я распечаталъ письмо. Оно было отъ Лаврентія Блинченко изъ Парижа.

Вотъ оно.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣичъ! Милостію Божеею, нашъ баринъ Аркадій Андреевичъ Дольскій, въ больнице Святыя Маделены, сего дванадесятова августа, 1860 года, помѣръ. Жызнь ихъ была при жизни злосчастна, а смѣрть и тѣмъ паче. Я пахаранилъ ихъ на свой щчѣтъ; последнеи дѣньги стратилъ, равно-жѣ какъ и на личеніе ихнее. Силы души масй нету — а разсказать трудно о ихъ канчинѣ—почти какъ нищіе скančались. Но Богъ меня за нихъ не оставитъ. Напишите при чемъ мнѣ быть. Я больно часто отлучался для нихъ отъ должности, и уже мнѣ отказали отъ службы у барона, — а дворникъ, что былъ ниже меня по лесницe, слукавилъ и теперь взялъ мое мѣсто. Я же почти опять безъ куска хлѣба. Не напишите ли вы моимъ господамъ Софьѣ и Александру Аркадьевичамъ; пусть мене вазьмутъ, наймутъ, а я имъ за деньги на возвратъ па родину мою въ Рассею отслужу. А я ихъ батеньку досмотрѣлъ до конца, и живата маво не жилѣлъ; а готовъ я опять имъ служить по найму, либа пусть мине земли дадутъ, какъ тутъ пишутъ и слыхать про законы. Вы же ихнимъ миластямъ припомните, что я и ихнія миласти выносилъ на рукахъ; а Ликсандра Аркадьичъ мне когда-то шутя волосы прожгли... Вашего благородія усердный слуга Laurent.—Septembre 9. 1861. Paris».

По отысканному адресу я сейчасъ написалъ подробно къ вдовѣ неимѣвшаго чина отца г. Дольскаго. У нея точно жили прежде ея внуки; но она умерла, и вмѣсто нея мнѣ отвѣтила какая-то госпожа маіорша Скрябина, что наслѣдники Дольскіе живутъ въ большой бѣдности — сынъ Александръ служилъ въ пѣхотѣ, а нынѣ въ отставкѣ, по случаю огорченія отъ товарищей запиваетъ, принятъ однимъ купцомъ въ откупъ, находится въ Рязани по акцизной части дистаночнымъ, но гдѣ онъ именно живетъ, Скрябина не знаетъ, а что сестра его была въ Нижнемъ замужемъ за мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Горшковымъ, нынѣ овдовѣла, живетъ въ Калугѣ, въ пожилицахъ, или компаньонкахъ, па Московской улицѣ, въ домѣ почетной гражданки Стрѣшневой. Я написалъ къ госпожѣ Горшковой письмо въ январѣ, а въ апрѣлѣ этого 1861 года получилъ отъ нея слѣдующее письмо, писанное очевидно смѣлою и бойкою, по безграмотною до тошноты рукою военнаго писаря,

бьющаго въ составленіи писемъ отъ солдатокъ, горничныхъ и неутѣшныхъ вдовъ изъ дворянокъ на краснорѣчіе, а подписанное страшными каракулями самою дочерью покойнаго Дольскаго, умершаго въ больницѣ св. Маделены въ Парижѣ, давно еще владѣльца степныхъ полтавскихъ угодій и трехъ-сотъ душъ во Всесвятскомъ... Боже! И отецъ ея ѣздилъ искать наслажденій въ Неаполь, въ Байскій заливъ, по той тріумфальной тропѣ, по которой ѣздили во времена сказочной древности сказочные императоры Рима! Жалкая отрасль угасающихъ дворянскихъ родовъ...

«Милостивый государь и преусердный благодетель и благотворитель мой! Вашему Высокоблагородію благоугодно было въ вашъ вояшъ во Францыю навестить мѣсто жительства нашего покойнаго родителя, но не известились мы, видѣли-ли вы его, не видѣли-ли, а холопа и слугу нашего Лаврушку Блинченко нашли-же. Преусерднейше и нижающе кланяясь вамъ, а мы васъ тоже не зная, въ слѣдствіи отношенія Вашего Превосходительства отъ сего истекшаго января 16-го дня 1861 года, имѣемъ честь всенижающе извѣстить. Теперь уже вышло положеніе вышчихъ властей о крестьянахъ и дворовыхъ, а такъ какъ оный бѣглый нашъ холопъ Лаврушка обязанъ намъ прослужить въ полномъ повиновеніи господамъ еще два года, или-же платить намъ оброкъ, заплатя-же и за истекшіе двенадцать годовъ оброкъ-же, какъ и слѣдуетъ понимать оные законы, то мы съ братцемъ Сашею списались черезъ добрыхъ нашихъ благотворителей, купца Должикова и купца Ножикова, и положили черезъ васъ, высокоуважаемый генералъ, просить: о высылкѣ по этапу изъ города Парижа, Франціи французскаго королевства, въ Россію въ горотъ Калугу въ домъ почѣтныя гражданки Стрешневой, онаго бѣглаго и безпачпортнаго бродяги нашего изъ дворовыхъ Лаврентія Данилова сына Блинченка. И буде онъ прибудетъ по этапу, то, уплатя намъ за двенадцать летъ оброкъ, и два года отслужа, или-же заплатя тоже, то мы ему дадимъ вольную. Ваше-же Превосходительство просимъ известить насъ не оставить въ томъ-же времени безотлагательно, куда намъ обратиться через какого посланника или амбассадера, о взысканіи по законамъ съ итальянцевъ, и французовъ, и съ кого именно, буде вамъ извѣстно, за укрывательство и передержательство въ сіи двенадцать лѣтъ и семъ мѣсяцевъ

безпашпортнаго и беглаго нашего слуги и подданнаго Лаврушка Блинченко. Ему-же мы обѣщаемъ наше прощеніе и благословеніе. А тетка его и сестринъ мужъ также померли. Сіе ему тоже скажите.—Мы-же преусерднѣйше и нижающе еще къ вамъ прибѣгаемъ: извѣстите, есть-ли у васъ супруга, или дѣти, или мать, или тетушка, дабы мы знали, за кого Бога молить. А когда место мнѣ или братцу найти можете въ вашихъ окрестностяхъ, и того преусерднѣйше принесемъ за васъ мольбы ко всевышнему. — Апрѣля 10 дня, 1861 года.— За не грамотную, ея собственною рукою подписано составителемъ письма отъ ея особы: «*Софея Горшкова*».— Приписка въ концѣ послѣдней страницы: «У насъ въ городѣ Калугѣ живетъ Шамиль. Не вы-ли содѣйствовали къ его плѣну? Мы читали вашу фамилію. Помогите же и о Лаврушки» *).

Снявъ точную копію съ этого письма, я послалъ подлинникъ въ Парижъ и вскорѣ получилъ превеселую записку отъ мосьё Лорана. Онъ извѣщалъ о своемъ счастіи, что интриги дворника Ротшильда снова побѣждены, что онъ получилъ снова прежнее благоволеніе барона и его старшаго клерка, даже еще болѣе прежняго, именно, ему обѣщали мѣсто правителя фермы на дачѣ барона въ Перигё, что на зиму они снова будутъ въ Парижѣ, а теперь пока ѣдутъ на воды на островъ Іеръ, а оттуда въ Туринъ къ сестрѣ его новой госпожи, гдѣ онъ надѣется увидѣть Гарибальди, и что изъ Турина онъ отпросится у своей хозяйки на поклоненіе къ мощамъ Миколы чудотворца въ Неаполитанское бывшее королевство, въ градъ Бари, а тамъ—«*что Богъ дастъ*».

Новаго своего адреса мосьё Лоранъ мнѣ теперь не передалъ, и потому, вѣроятно, къ узнанію о дальнѣйшей его судьбѣ надо считать слѣды окончательно утерянными.

1861 г.

---

*) Моихъ однофамильцевъ при отчетахъ о взятіи Шамиля—не упоминалось.

СЕЛО СОРОКОПАНОВКА.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДЕПУТАТА ***).

«Ходитъ птичка весело
«По тропинкѣ бѣдствій,
«Не предвидя отъ сего
«Никакихъ послѣдствій!»
(Изъ одного альбома.)

Я объѣзжалъ свой депутатскій участокъ въ*** уѣздѣ, съ цѣлью собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденія губернскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Болѣе двухсотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Иного владѣльца не застанешь дома, — а ѣхать часто приходилось верстъ за семьдесятъ. Другого и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу; надъ всѣмъ онъ задумывается. Нѣсколько владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе отказались отвѣчать; они были—неграмотные. Дѣло, впрочемъ, извѣстное—стóитъ только пустить повѣстку, что вотъ-молъ любопытно узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота?—«А,—подумаютъ владѣльцы,—тутъ что-то неладно; это налогомъ обложить хотятъ!» — И въ отвѣтахъ на повѣстки окажется, что въ уѣздѣ вовсе нѣтъ рабочаго скота.

Описавъ имѣнія покрупнѣе, съ псарнями, винокурнями, сахарными заводами и музыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, башенъ съ звонящими часами и размалеванныхъ сельскихъ конторъ, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ — поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ...

Хутора... много вы измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ среди васъ жили незабвенные Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Конечно, и донынѣ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, безданно и безпошлинно коптя православное небо, живутъ многіе родные по крови этихъ милыхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все ужъ не то. Тѣ же тихіе домики, и также тутъ ѣдятъ и пьютъ, а много воды утекло и многое измѣнилось.

Со мною, въ качествѣ секретаря и землемѣра, ѣхалъ нѣкто Абрамъ Ильичъ Говорковъ.

Съ нимъ мы, между прочимъ, завернули въ многовладѣльческое село Сорокопановку.

— Что̀ это за Сорокопа̀новка? странное имя!—сказалъ я Говоркову, когда мы спустились съ зеленаго холма и поѣхали ровною, гладкою степью.

Скоро засвѣжѣло. Близки были поемные берега большой рѣки. Лугъ, весь въ тростникахъ и озерахъ, шелъ по ея лѣвому берегу. Правый былъ гористый. Съ этого-то праваго берега приходилось намъ подъѣзжать къ Сорокопа̀новкѣ. Ни облачка на небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась сизая туча, и наискось падали изъ нея полосы дождя... А это что̀? Не то овцы, не то дикіе гуси. Подъѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольѣ, мѣрно выстроившись въ рядъ, ходила стая журавлей... Вотъ они завидѣли насъ, остановились; всѣ головы вытянулись; всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами долбятъ землю, должно быть, подбирая народившуюся гусеницу или кузнечиковъ.

— Сорокопа̀новка,—заговорилъ Абрамъ Ильичъ:—какъ мнѣ ее не знать! Вотъ это что̀: здѣсь испоконъ-вѣка живутъ мелкопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ она и начинается; все хатки да хатки, и въ каждой помѣщикъ или помѣщица со своею дворней. Такъ здѣсь жилось еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ здѣсь какихъ-то маіоровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе изъ цѣлой арміи, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Маіоровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопа̀новкой, отъ сорока панковъ, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый

и съ гоноромъ! Еще ихъ дѣды, первые поселенцы, никому не давали проѣзда: а эти, хотя и болѣе тихаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, и многіе буяны. Промежъ нихъ мало грамотныхъ. Иного даже и не отличишь отъ мужика. Пашетъ землю, ѣздитъ ямщикомъ. А спросишь—дворянинъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворня есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иные живутъ въ одной хатѣ. Странныя прозвища повывелись черезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ городъ. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ же они болѣе живутъ?

— Такъ, болѣе ничѣмъ. Иной цѣлый день трубку куритъ, лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой лошадьми торгуетъ,—сущій цыганъ. Барыни сѣютъ бакши, огороды содержатъ; барышни грандъ-пасьянсъ въ карты раскладываютъ, про жениховъ гадаютъ. Неурядица у нихъ страшная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. Хотѣли-было завести у нихъ какое-нибудь начальство, да стали въ раздумьѣ: къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня. Будь это мѣщане, въ посадъ бы ихъ обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, сотскаго или старосту. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жителей въ уѣздъ:—«Выбирайте себѣ голову или сотскаго!»—«Вотъ еще, пойдемъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!»—И дѣлай съ ними, что̀ хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ начальника. Шумъ, гамъ,—наѣдетъ становой, такъ насилу выберется; иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять, за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы? Однажды судились два сорокопановскихъ панка. Дѣло въ томъ, что шли они откуда-то съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулупъ, а тотъ его взялъ да и пропилъ въ первомъ кабакѣ, пока его пріятель тамъ же лежалъ безъ ногъ. Надо было передъ становымъ доказать, что одинъ у другого взялъ тулупъ и отдалъ его назадъ.

— А вѣдь мы же шли?—спрашиваетъ истецъ.

— Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Что?
— Тулупъ.
— Какой?
— Что я тебѣ далъ.
— Когда?!

Минута молчанія. Истецъ переводитъ духъ и начинаетъ снова:

— А вѣдь мы же шли?
— Шли.
— Мнѣ же стало душно?
— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Что?
— Тулупъ?
— Какой?
— Да что я тебѣ далъ.
— Когда?!

И дѣло опять начиналось словами: *«а вѣдь мы же шли?»* Становой кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся выгналъ.

Но вотъ и сама Сорокопановка.

Я высунулся невольно изъ крытой нетечанки и велѣлъ остановиться.

Лѣвый берегъ рѣки шелъ вдаль, весь затопленный плёсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ оправлялъ лошадей, мы встали въ сторонѣ. Мой спутникъ прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помѣщикъ Куличокъ,—сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ:—онъ высѣкъ сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлопятый: живутъ они теперь дружно. Вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ

престарѣлая дѣвушка, Любовь Вѣнцеславская, писательница и поклонница всякаго рода птицъ, пѣвчихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою рай или, скорѣе, лавку московскаго охотнаго ряда.

Болѣе получаса Аврамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, разсказывалъ исторію крошечныхъ домиковъ, сидѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ косогорамъ. Всѣ они тонули въ садахъ. Кое-гдѣ торчали бревна колодезныхъ журавлей, скворешницы, бѣлыя избы и опять сады.

— Чьи эти два чистенькіе дворика? — спросилъ я Говоркова.

Дворики, какъ оказалось, принадлежали двумъ сорокопановскимъ дамамъ, Дарьѣ Адамовнѣ Павловой, съ лѣвой стороны рѣки, и Дарьѣ Адамовнѣ тоже Павловой, съ праваго берега рѣки. Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣку, дѣйствительно носили одинакія имена и фамиліи, хотя не были сродни другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство этой фамиліи искони существовало и по лѣвую, и по правую сторону рѣки. Эти дамы были, притомъ, совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была подвижная и румяная, съ носомъ, торчавшимъ вверхъ; затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу или небывалую ссору въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна, съ правой стороны, хотя была также ничуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и посплетничать,—но зато почти никогда не улыбалась, не вертѣлась, все дѣлала молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи... Иначе, Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была, какъ о ней выражались въ Сорокопановкѣ, Дарья Адамовна Комедія, а Дарья Адамовна, съ правой стороны—Трагедія.

Въ то время, какъ сосѣди этихъ помѣщицъ съ обѣихъ сторонъ рѣки занимались хлѣбопашествомъ, иной разъ сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ работницамъ, а сами только гадали на картахъ про молодыхъ пожирателей дѣвичьихъ спокойствій или. какъ говорили тамъ о нихъ, про

«ненасытецкихъ сердцеѣдовъ» и «безпардонныхъ сумасводовъ», и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда рѣчка замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить другъ дружку «на свѣчку», то-есть посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ на освѣщеніе; когда же рѣка весной пышно стремила свои воды межъ родныхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на пустой еще берегъ, и переговаривались другъ съ дружкой черезъ рѣку...

— Ну, какъ же тамъ у васъ все идетъ?—вѣжливо начинала Дарья Адамовна Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и сурово шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо,—отвѣчала Дарья Адамовна Комедія, веселымъ и почтительнымъ тономъ, также шевеля спицами чулка.

— Ну, хорошо, хорошо... и терновку перелили въ бутылки?

— Перелила...

— И солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ...

— Скажите! Вотъ какъ!.. Такъ, значитъ, и кабана посадили кормить къ розговѣнью?

— Посадила.

— Вотъ какъ! Скажите!.. Это очень даже, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна!—произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ зависти.

— Да-съ, любопытно! а вамъ-то что, завидно, что ли, тетенька?

— Ну, матушка, завидно, не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ...

— Ну, такъ что-жъ что переплылъ?

— А то, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы!—произносила Дарья Адамовна Трагедія, едва шевеля отъ злобы спицами чулка...

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову.

— А что, развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и другому кому тогда... не сверну головы!

— Какъ? такъ это мнѣ?—подхватывала Трагедія, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ! именно вамъ!—язвила сосѣдка.

— Ну, тогда ужъ позвольте вамъ послать кукишъ!—произносила Трагедія, протягивая руку въ направленіи къ лѣвому берегу рѣки.

— А при этой вѣрной оказіи позвольте послать и вамъ цѣлыхъ два!—кричала Дарья Адамовна Комедія.

Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ ея сосѣдка, надо говорить мужику, а не дамѣ.

— А вы, Дарья Адамовна, кажется, просто мерзавка...—кричала противница.

— И, матушка! мерзавка, не мерзавка, только всѣмъ ужъ извѣстно, что у васъ иногда губы пухнутъ...

— Какъ пухнутъ? отчего? — спрашивала озадаченная Комедія: — это быть не можетъ, и я этого никогда не замѣчала!

— Можетъ-быть, только замѣчала это я! я! я!—кричала съ ожесточеніемъ Трагедія:—и еще я вамъ доложу, что вы въ спальнѣ въ шкапу держите водку и пьете ее на ночь, и отъ того у васъ носъ бываетъ краснаго цвѣта и глаза не свои.

— Тьфу!—плевала на это негодующая Комедія и, сказавъ:—бѣсъ, а не женщина!—уходила домой, переволнованная до глубины души.

Иногда, впрочемъ, такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ и каждая сосѣдка, сказавъ: «ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора за работу!»—расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за шишами, плевками и всякою перебранкой, утомленныя барыни высылали на рѣку своихъ работницъ. Зубастыя бабы оглашали тогда окрестность не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады.—«Да ты ужъ замолчи!» кричала одна работница другой, стоя на плетнѣ огорода: «ты ужъ замолчи, потому что я ужъ знаю, какая ты!»—«Ну, а какая же я, какая?»—«Да такая же, какъ и твоя мать!»—«А какая моя мать? говори, сякая ты, такая! говори?»—«Да такая же, какъ и ты!»—«А я какая, сякая ты, такая?»—«Да такая же, какъ и всѣ вы!» И этотъ речитативъ, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ рѣки зрителяхъ, тянулся нескончаемо. Слободка долго вол-

новалась, раздѣлившись на два враждебные лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и не знающіе пощады и снисхожденія...

Но таковы судьбы человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣку, встрѣчались снова друзьями, ухватившись за руки, чмокали другъ дружку въ губы, произнося: «ахъ, это вы, душечка! вотъ пріятный сюрпризъ!»

Разъ какъ-то (случилось это въ самую засуху) Дарья Адамовна Комедія прибѣжала послѣ обѣда, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь.—«Что съ вами, душечка?—спросила хозяйка.— «Ахъ, и не спрашивайте! Я такъ взволнована, такъ взволнована!—«Да что же тамъ такое?» Гостья достала платокъ, отерла глаза и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: «Вотъ послушайте, ангелъ! вотъ какой со мною сдѣлался неожиданный случай!»

Она стала читать:

«Къ хищницѣ отъ жертвы:

«...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе: я влюбленъ—голову совсѣмъ потерялъ. Разумѣется, вамъ участь: блаженство посланное, а моя? чѣмъ же я виноватъ? хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки; если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу не откажите подарить меня вашею рукою; вы меня знаете; теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки, всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

«*Ивана...*» (фамилію гостья прикрыла пальцемъ)

«а также и шерсти, только той, которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!»

Гостья кончила, но отъ волненія не могла произнести ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!..

— Ахъ!—воскликнула гостья, и радостныя слезы снова зачастили по ея щекамъ.

Вслѣдъ затѣмъ сосѣдки стали шушукаться и шушукались до того, что положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое...

Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, счастливая сосѣдка, получившая письмо, также сидѣла послѣ обѣда. Дверь отворилась и въ ея комнату вошла Дарья Адамовна Трагедія. Эта вошла гордо, молча поклонилась и таинственно сѣла на диванъ... На ея рукѣ висѣлъ ея обычный ридикюль. Она раскрыла его стальную пасть и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ изъ этой пасти сперва клубокъ шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ, вышелъ потомъ бронзовый наперстокъ, тамбурная иголка, оловянныя очки, рогулька для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, клочка два ваты для затыканія ушей, стальной игольничекъ, ножницы и кирпичикъ, обернутый въ чехолъ, для пришпиливанья работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметріи на столѣ, скинула нитяныя перчатки, безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, и я къ вамъ тоже... съ новостью!

— Съ какою? — спросила хозяйка, насторoживъ уши, какъ моська въ то время, какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жюжю!» или «Фидель», ты философствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку...

Гостья оставила спицы, взглянула черезъ очки, сказала: «Ну, пропала и я, ма-шеръ», — вынула со дна ридикюля письмо и стала его читать:

«Хищницѣ отъ жертвы:

...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство сорокъ десятинъ и мельница— жду отвѣта; не мучьте, потому что мучить можно муху или что-нибудь другое, но не мучьте меня, нѣжный другъ, душечка! Слова ваши льются, какъ бы алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю, и притомъ у васъ чисто русское сердце.

«*Иванъ...*» (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

— Что же это?—вскрикнула помертвѣлая Комедія.

— А что?

— Да одна и та же рука.

— Врете!

— Нѣтъ, вы врете.

Раздались двѣ звонкія пощечины, свалка. Полетѣли чепцы съ головъ. И снова Сорокопăновка чуть не полгода была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло,—сказалъ я Говоркову, въѣхавъ въ Сорокопăновку:—гдѣ списокъ? Тычко, Крячко, Макарищенко... Съ кого бы начать?.. Оно, разумѣется, статистика тутъ мало чѣмъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ, конечно, не имѣется, сахарныхъ заводовъ, оркестровъ, промышленности и торговли—также. Однако, всетаки надо составить списки крестьянъ и дворовыхъ; измѣрить, хотя приблизительно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну земель и строеній, узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ.

— Куда же намъ ѣхать? гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій? Не къ Павловымъ же ѣхать...

— Совѣтую къ Вѣнцеславской... Она образованнѣе другихъ. У нея и домъ побольше. Дворъ стоитъ въ рощѣ, за косогоромъ, надъ рѣкой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съѣздъ и къ другимъ.

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Былъ знойный полдень, когда песчанымъ прибрежьемъ, мимо сорокопăновскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородовъ, мы въѣхали въ опушку густой дубовой рощи, круто взбиравшейся въ гору и примыкавшей къ общей околицѣ поселка. Въ этой рощѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любови Павловны Вѣнцеславской.

Пробираясь между дубами и орѣшниками, между упругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую крышу новаго тесоваго домика. Скоро въѣхали во дворъ. Куча какихъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятень, кладовыхъ и погребовъ — стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ виднѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопăновскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора пры-

гала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, безхвостая ручная сорока. На перилахъ крытой галлереи сидѣли двѣ тоже ручныя старыя совы. Туча голубей кружилась въ воздухѣ, спускаясь къ кровлямъ двора. На шнуркѣ вдоль галлереи висѣли мѣшочки съ сушеными травами, распространявшими въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдованные, и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавъ неловкое теньканье, будто устыдился и замолчалъ... Вприпрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, рыжій голландскій пѣтухъ. За нимъ другой—бѣлый. Куры подняли гдѣ-то невообразимый крикъ.

Мы постояли, поглядѣли и пошли на крыльцо. Ни души не было и тамъ. Вдоль стѣнъ и у дверей крыльца, до самаго потолка, шли клѣтки съ разными птицами, и сколько ихъ было здѣсь: мохнатыя, пестрыя, кривоносыя, длинноносыя, большія, малыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ клѣточкамъ и клѣткамъ. Двѣ сойки вза-пуски передразнивали собаку; изъ-сѣда черный, старый воронъ, какъ нѣкій магъ, сидѣлъ на скамьѣ у порога, уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату въ цвѣтахъ. Зала встрѣтила насъ низенькими комнатками, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ — будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были гравюры временъ Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дуранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти», словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ останавливается рѣдкій посѣтитель подобныхъ мѣстъ, въ комнаткахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлыхъ временъ. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьяно,—дополняло обстановку залы.

Мы откашлялись. Сперва вбѣжала, также кашляя и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и совершенно разслабленная бѣлая болонка, съ глазами, до-чиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и ху-

денькая хозяйка, съ сѣдыми локонами, съ платкомъ въ рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь какихъ-то цвѣтовъ и олeньихъ головокъ.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать!—заговорила сорокопăновская барыня.—Я догадываюсь о причинѣ вашего пріѣзда... не такъ-ли?

Съ этимъ словомъ она присѣла на стулъ, приглашая и насъ садиться на диванъ. Мы обмѣнялись привѣтствіями и пояснили ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда была готова; я даже губернатору не разъ говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Даже мое стихотвореніе объ этомъ онъ хотѣлъ помѣстить тогда въ вѣдомостяхъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ два года здѣсь живу безвыѣздно, среди сада, цвѣтовъ и моихъ птицъ... Люди! Эй! Палашка, Ѳеська, кто тамъ?

На звукъ ея дребезжащаго голоса явились въ дверяхъ нѣсколько веселыхъ и улыбающихся головъ. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «жизнь наша хоть куда: ѣдимъ и спимъ мы вдоволь и будутъ ли также хороши наши дни послѣ, какъ теперь, у этой рѣдкой барыни, это еще вопросъ...»

— Кофею! Да отпрячь лошадей господъ чиновниковъ.

— Мы не чиновники, — вмѣшался Говорковъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулѣ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она нюхала), и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и какъ бы озадаченная приливомъ нежданныхъ, бившихся наружу, сладкихъ чувствъ.

— Да, да! — заговорила она:—наконецъ сбываются мои грёзы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то, часъ пробилъ! когда же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ, и теперь его члены собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ... двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои?.. Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяцъ...

— Повѣстка?!—спрашивала сама себя добродушная старушка:—зачѣмъ же свѣдѣнія? Развѣ нельзя безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой.

Я былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, господа сорокопановцы, приготовили свои отвѣты?—спросилъ я.

— И они, вѣроятно, какъ и я,—отвѣтила Вѣнцеславская.

— Нехорошо, Любовь Павловна!—отнесся Говорковъ:—а мы надѣялись на васъ. Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право досадно и совсѣмъ совѣстно!..

И она стала набивать носъ душистымъ табакомъ, отъ котораго распространился по комнатѣ запахъ жасмина...

— Дѣло простое, — вмѣшался я: — всѣ почти владѣльцы Сорокопановки имѣютъ развѣ однихъ дворовыхъ. Значитъ, намъ нужны свѣдѣнія только о числѣ дворовыхъ людей, о ихъ содержаніи, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается намъ сообщить о ихъ содержаніи, и о работахъ и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя приблизительно вашу подусадебную землю по каждому двору...

— О содержаніи, о работахъ, цѣну усадьбамъ?—повторяла про себя въ раздумьѣ хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, ѣли мое, ходили въ моемъ, какъ тутъ считать!.. Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли...

И она развела руками.

— Да у меня же и земли кстати нѣтъ, — продолжала она: — есть домъ и кухня, да садъ, да и только; люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное... Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете...

Мы стали ее утѣшать, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дня. Она опять понюхала табаку и задумалась...

Подали кофе, потомъ завтракъ, и не оглядѣлись, какъ подали и обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говор-

ковъ, между тѣмъ, написалъ циркулярную повѣстку ко всему сорокопановскому обществу, съ приглашеніемъ явиться въ 4 часа пополудни, въ тотъ же день, въ домъ госпожи Вѣнцеславской, для сужденій объ общемъ дѣлѣ, къ такому-то депутату губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Повѣстка была вручена призванному въ залу, совершенно круглому и румяному мальчику, увальню лѣтъ пятнадцати. Ему сказано: обойди, а еще лучше, обѣгай всѣхъ господъ по селу; дай прочесть бумагу и расписаться и проси къ 4 часамъ къ Любовь Павловнѣ; да скажи, что непремѣнно. Въ повѣсткѣ прибавлено: «просятъ захватить печатныя програмы, разосланныя три мѣсяца назадъ, и отвѣты на нихъ, буде таковые готовы». Мальчикъ, бравъ повѣстку, смѣялся. Улыбнулись и мы съ Говорковымъ, глядя на его круглыя щеки, русую, плотными рядами стриженую голову и жирное, круглое туловище. Въ открытое окно было видно, какъ этотъ толстый Меркурій перебѣжалъ садъ, не безъ труда вскарабкался колючій плетень и перевалился черезъ него въ сочную и густую траву чьего-то сосѣдняго огорода, а оттуда зашагалъ въ темной рощѣ, зеленѣвшей на той сторонѣ рѣки...

Намъ зѣвалось. Какое-то блюдо, вкусное, сытное, съѣденное за столомъ, особенно склоняло къ дремотѣ. Птицы пѣли; листья чуть шушукали. Запахи всякаго рода пробирались изъ сада въ окно. Любовь Павловна сидѣла, тоже задумавшись. Абрамъ Ильичъ прямо заснулъ. Я кашлянулъ. Мы извинились передъ хозяйкой, запросто попросили позволенія соснуть и, тыкаясь носами въ дверь, пошли въ коридоръ...

— Какъ-же-съ, и комната готова,—замѣтила кротко хозяйка, обративъ къ намъ совершенно сонные глаза: — кстати, и другіе подоспѣютъ тогда!

Мы очутились въ темной и прохладной комнатѣ, съ запахомъ инбиря и чуть-ли не калганнаго корня, выходившимъ изъ какой-то конторки; пащупали перины, подушки и завалились спать.

Два, чуть-ли даже не три часа мы спали. Ни лучъ свѣта, ни жужжанье назойливой мухи не прерывали сна. Инбирь и калганъ пріятно щекотали обоняніе. Тишина въ домѣ и кругомъ была невозмутимая. Я помню, что заснулъ, все обдумывая въ потьмахъ: «откуда проникаютъ эти запахи? изъ шкапа, или это наливки стоятъ гдѣ-нибудь на полкахъ,

или на печкѣ вверху, и пахнутъ... «Глаза какъ-то сами собою раскрылись у меня перваго. Гражданскія заботы возникли въ умѣ.—«Какъ же это?»— разсуждалъ я впотьмахъ:—«свѣдѣнія комитету нужны скоро, особенно о мелкопомѣстныхъ; а эти господа, кажется, и не думаютъ о важности ихъ составленія?»

— Абрамъ Ильичъ!—шепнулъ я:—Абрамъ Ильичъ!

Говорковъ очнулся.

— А? что?—спросилъ онъ.

— Не пора ли вставать?

— Нѣтъ, поспимъ еще. Никого что-то пока не слышно. Къ чему же...

Сонъ опять сталъ меня одолѣвать. Но подъ окномъ загоготалъ гусь, а потомъ пѣтухъ затрубилъ, какъ военная труба, и мы встали.

Свѣтло и весело встрѣтила насъ опять та же зала, съ картинками и гарусными подушками. Только вмѣсто собачки по полу уже ходили двѣ галки, въ сафьянныхъ панталончикахъ, серёжкахъ, и, по остроумному соображенію, для чистоты, съ ситцевыми мѣшочками подъ хвостомъ.

— Вотъ,—замѣтилъ Говорковъ, зѣвая во весь ротъ: —губернскому предводителю грозятъ, что крайній срокъ подачи свѣдѣній для комитетовъ не будетъ отсроченъ, — а Любовь Павловна, передъ такою реформою, мѣшочки подъ галокъ подвязываетъ!

И онъ опять зѣвнулъ, за нимъ и я.

— А что? — спросилъ Говорковъ: — я думаю, парижскіе и лондонскіе публицисты никакъ не воображаютъ, чтобы дѣло у насъ такъ дѣлалось, чтобы мы, положимъ, такъ зѣвали?

— И я думаю то же...

Мы опять зѣвнули и расхохотались. Никто не являлся въ залу. Въ открытое окно къ сторонѣ двора было видно только, какъ два какихъ-то мальчика, игравшіе предъ тѣмъ въ бабки, спали, раскинувшись на землѣ, а престарѣлая комнатная женщина, сидя у амбара на землѣ, спала, держа въ рукѣ недовязанный чулокъ съ прутками и, развѣся губы, клевала сѣдою головой.

— Что́-жъ тутъ дѣлать? — спросилъ я:—сосѣди не собираются, да и хозяйки нѣтъ, а время уходитъ. Скоро и вечеръ: завтра надо еще въ три мѣста ѣхать? Что́ намъ дѣ-

лать? Вѣдь все это спитъ, Абрамъ Ильичъ, спитъ вся деревня, какъ въ сказкѣ.

— Спитъ, да еще какъ! слышите?..

Изъ коридора въ это время послышался тоненькій, очевидно женскій, хотя довольно забористый храпъ: звуки вылетали изъ комнаты самой хозяйки.

— Надо готовить астролябію, — сказалъ сердито Говорковъ: — хотя одну или двѣ усадьбы обойдемъ и нанесемъ ихъ на планъ.

Мы отправились къ нетечанкѣ, достали ящикъ съ астролябіей, разбудили мальчиковъ, спавшихъ подъ сараемъ, и отрядили ихъ добыть кольевъ. Старушка подъ амбаромъ спала попрежнему. Мы пошли въ садъ. Передъ нами, съ обрыва надъ рѣкой, открылась вся разнообразная и живописно-пестрая картина Сорокопановки. Вотъ рядъ мельницъ по косогору. Вотъ хатки и домики, въ раскидку, бочкомъ и спиной одни къ другимъ, раздѣленные садами, оврагами и просто площадями зеленыхъ пустырей, величиной въ иное хуторское поле. Волы, коровы и лошади ходили по этимъ пустырямъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди села, паслось цѣлое стадо овецъ; въ другомъ кто-то запахалъ пол-площади подъ гречиху и на неогороженной пахати уже всходила зелень. Толстыя, дряблыя и совершенно лысыя отъ дородности свиньи шатались привольно по всѣмъ угламъ села, тыкаясь въ калитки и почесывая спины у крылецъ и оконъ. Стаи голубей носились въ безоблачномъ небѣ. На три или на четыре версты раскидывалась во всѣ стороны любопытная Сорокопановка, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, а всего этого понемножку...

— Ну, долго же этотъ мальчишка-посланецъ будетъ обходить съ повѣсткой господъ здѣшнихъ обывателей!—сказалъ Говорковъ: — я думаю — просто спитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, подъ заборомъ!.. Каково? — продолжалъ онъ, — ни души не видно — всѣ спятъ! Смотрите, гдѣ же тутъ дождаться кого-нибудь на нашу сходку?

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на близкій вечеръ, Сорокопановка была еще царствомъ мертвыхъ. Кое-гдѣ только заливались криками горластые пѣтухи, да дюжины двѣ индѣекъ въ чьемъ-то огородѣ прерывали общую тишину дикими возгласами.

— Вотъ если бы, — сказалъ Говорковъ: — какой-нибудь

французскій миссіонеръ случайно забрелъ сюда и не зналъ, что это Россія, онъ прямо сказалъ бы въ своихъ запискахъ, что былъ въ такомъ-то селѣ Верхняго Кіанга, Соро ко-пан-чун-ху... И свиньи даже напоминаютъ про Китай!..

Явились мальчики, отряженные за кольями. За ними со двора показалась и Любовь Павловна. Протирая глаза и съ подрумяненными отъ сна щечками, она, слегка зѣвнувъ и закрывъ ротъ бѣлою ладонью, подошла къ намъ, когда мы ставили астролябію и наводили ее на уголъ ея усадьбы.

— Что это? Вы уже и за работой! Ахъ, что значитъ неутомимость! — начала Любовь Павловна: — это не то, что мы.

— Долгъ требуетъ!—сурово замѣтилъ Говорковъ, копаясь у кольевъ и неистово вколачивая ихъ въ землю.

— Вотъ, мы начнемъ съ вашего уголка, Любовь Павловна!—сказалъ я, наводя вѣхи далѣе къ усадьбѣ священника, а за нимъ нѣкоего подпоручика Свербѣева.

— Ахъ, какъ же это?—проговорила Вѣнцеславская, шагая за нами вдоль плетня: — не освѣжились! а я велѣла вынести сюда и варенья.

Мы вышли на улицу. Мальчики ставили вѣхи, тянули цѣпь; Говорковъ отмѣчалъ углы въ записной книжкѣ. У дома священника надо было взять вправо и вести вѣхи по краямъ огорода Любовь Павловны. Тутъ вышелъ самъ отецъ Павелъ. Поглаживая лысину, онъ молча намъ поклонился и съ недовольнымъ и пристальнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на вѣхи. Подоспѣла и Ѳедосья съ подносомъ. Мы наложили на блюдца варенья и стали ѣсть.

— Что это, Любовь Павловна, прошлогоднее?—спросилъ отецъ Павелъ.

— Разумѣется, прошлогоднее! Гдѣ-же еще быть новому!

— Эхъ, братъ, да говорятъ тебѣ — лѣвѣе, — ворчалъ, между тѣмъ, Говорковъ, направляя парня съ вѣхами. Онъ свернулъ за тополи, огибая усадьбу Вѣнцеславской.

Когда мы съ блюдцами въ рукахъ, облизываясь, немного позамѣшкались съ отцомъ Павломъ, начавшимъ разсказывать, что вотъ у какихъ-то Андреевыхъ дѣти въ сыпи, Говоркова окружили новыя лица.

Сѣдовласый и толстый старикъ, едва передвигая ноги, подошелъ къ астролябіи, уставя на нее отекшія щеки; какая-то низенькая, коренастая, круглая дамочка въ чер-

номъ коленкоровомъ платьѣ и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами навыкатъ, ходила тутъ же, съ палкою, судорожно подергивая на рукѣ ридикюль, изъ котораго торчали бумаги. Другая дама, въ голубой полинялой шляпкѣ, блѣдная, но съ черными южными глазами и черными густыми бровями, стояла также въ этомъ обществѣ, будто попавъ сюда невзначай. Это были: старикъ Свербѣевъ, дамы — извѣстная уже Трагедія и Комедія.

А между тѣмъ, вдали стали показываться и другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли: неслужащій дворянинъ Чубченко, съ неслужащимъ же сыномъ Чубченкомъ-младшимъ, оба съ виду простые мужики, въ простыхъ мѣщанскихъ свиткахъ и съ длинными бородами. Отъ моста близъ рѣки отдѣлилась группа новыхъ дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополченскихъ сапогахъ и съ эспаньолкой. По хлыстику въ его рукахъ, а болѣе, разумѣется, по эспаньолкѣ, нельзя было не узнать въ немъ общаго воздыхателя и сердцеѣда. Всѣ эти лица молча подходили, едва намъ кланялись и, перешептываясь, останавливались въ сторонѣ. Всѣ съ подозрительно недовѣрчивымъ вниманіемъ слѣдили за нашими дѣйствіями.

Такъ, я думаю, слѣдили японцы отважныхъ моряковъ, нѣкогда смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Іедо и Нагасаки; такъ и индійцы временъ Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришельцевъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ...

Работа шла своимъ чередомъ. Никто попрежнему не рекомендовался. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ и насъ самихъ яркими лучами.

Первый отозвался подпоручикъ Свербѣевъ.

— Па-а-звольте-съ! вы, кажется, не такъ уголъ взяли!— замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чего-съ?—свирѣпо огрызнулся Абрамъ Ильичъ, поднявъ отъ колышка налитое кровью и озлобленное лицо.

— Надо взять вотъ какъ... Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гарема... Ну, я и снялъ.

— Можетъ быть, можетъ быть! — возразилъ со вздохомъ Говорковъ, докидывая послѣдній уголъ.

Группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе!—отозвалась Вѣнцеславская.

— Да-съ!—подхватилъ чей-то женскій голосъ:—за жалованье можно!

Сказавшую поспѣшно остановили. Свербѣевъ принялся помогать Говоркову. Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ Дарьи Адамовны Комедіи вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Явился коверъ, нѣсколько лавокъ. Всѣ сѣли. Новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись, стали разговорчивѣе.

— Да не выпить-ли, господа, тутъ же и чаю?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично!—отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Дарья Адамовна Трагедія побѣжала за сливками.

Всѣ усѣлись съ печатными программами вокругъ стола. Чернильница отца Павла поставлена передо мною, явились перья и бумага.

— А что, господа-депутаты, — сказалъ Свербѣевъ: — мы люди простые, гдѣ намъ постигать ваши статистическія тонкости. Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать...

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

Вѣнцеславская разливала чай; какая-то дѣвица курила папиросу за папиросой. Всѣ пріумолкли. Я объяснилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи.

— Что, господа, откладывать! берите перья. Пишите въ клѣткахъ противъ ревизскихъ душъ, сколько у кого крестьянъ и сколько дворовыхъ.

— Да у насъ почти у всѣхъ одни дворовые...

— Такъ и пишите, дворовые.

Всѣ написали; пошли толки. Павлова-Трагедія объявила, что у нея всего одна душа, мужского пола, отличный поваръ, но что онъ уже два года содержится въ губернскомъ острогѣ и что она его показываетъ теперь потому, что онъ большихъ достоинствъ и что она надѣется получить за него выкупъ. У Павловой-Комедіи по ревизской сказкѣ оказалось другое любопытное явленіе: у нея было три души женскаго пола—бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 14, хотя первыя двѣ значились *незамужними*.

— Теперь, господа, сколько у кого грамотныхъ?—отнесся я: — какіе вамъ платятъ оброки, сколько у кого недоимки,

и во чтò обошлось кому обученіе ремеслу или мастерству вашихъ дворовыхъ?

Написали и это. Свербѣевъ, между прочимъ, хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1000 руб. серебромъ...

— Бога вы не боитесь, Сысой Иванычъ, — усмѣхнулась Павлова-Трагедія, заглянувъ въ его бумагу: — ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфенка обучался за харчи...

— Ну, такъ сто рублей!—смягчился, глядя на меня, Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ и баста!—отрѣзалъ отецъ Павелъ:—и то широковато.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клѣтку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ, Дарья Адамовна Комедія задвигалась по стулу, собираясь что-то сказать.

— Чтò вамъ, сударыня?—спросилъ я.

— Я, право, не знаю, какъ тутъ быть!—сказала она:— двѣ ревизіи сряду у меня люди были показаны при сорока-пяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, ни клочка...

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ!—бухнулъ Свербѣевъ, подмигивая на остальныхъ.

Число господскаго и крестьянскаго скота, количество земли пахотной, сѣнокосной, лѣсной и выгонной также было записано примѣрно. Всѣ справлялись другъ у друга, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главныя статьи программы были рѣшены.

— Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевыхъ и усадебныхъ участковъ,—сказалъ я:—а также къ настоящему положенію.

Всѣ стали въ духѣ. Бесѣда не умолкала.

Вечеръ лилъ потоки огней и, казалось, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже обѣ Павловы повеселѣли и дружно разговаривали.

— Вы, Сысой Иванычъ, первый назначайте: по чемъ кладете десятину пахотной земли?—спросилъ отецъ Павелъ Свербѣева.

— А по чемъ? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ: вѣдь это на вѣчныя времена отходитъ.

— Какъ сто?!—Полтораста!!..—отозвался чей-то голосъ, и всѣ за нимъ зашумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

— Меньше двухсотъ нельзя!—до охриплости и съ пѣной

у рта кричала незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ единаго зуба во рту и съ чернымъ зонтикомъ: — нельзя! какъ можно, и того мало... и того... Вѣдь это наше, наше! Да говорятъ же вамъ—наше! Триста... Меньше трехсотъ нельзя!

Она расплакалась.

— Полноте, гдѣ же слыханы такія цѣны,—сказалъ я:— вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правительства...

Всталъ Свербѣевъ.

— Нѣтъ, ужъ па-а-звольте; вотъ, напримѣръ, мой хлыстикъ: онъ стòитъ въ лавкѣ цѣлковый—да купецъ-то можетъ за него просить хоть пятьдесятъ. Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ одинъ разъ и говоритъ: что̀, говоритъ, можно взять за этотъ архалукъ?..

— Ну, пошла коза на базаръ! — возразилъ священникъ.

Всѣ были въ замѣшательствѣ.

Я пустился объяснять, какъ цѣнится земля. Всѣ соглашались со мной. Но цѣну требовали все-таки невозможную. Уже въ сумеркахъ помирились на 75 цѣлковыхъ.

— Засѣданіе закрывается!—сказалъ я, раскланиваясь:— завтра надо будетъ по планамъ опредѣлить величину усадебныхъ участковъ каждаго. Абрамъ Ильичъ займется этимъ съ утра и къ обѣду все кончитъ.

Всѣ встали, удивляясь, какъ это скоро все кончилось.

Всѣ начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ, кто на все время пребыванія нашего въ Сорокопàновкѣ на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣнцеславской, непокидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Всѣ изъявили желаніе провести насъ до ея дома. Мѣсяцъ взошелъ и обливалъ яркимъ свѣтомъ сады и тихія улицы. Соловьи пѣли, прерывая наши толки о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ и обуви и о цѣнности усадебъ. Дарья Адамовна Трагедія распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для повара Терешки, а неграмотный Чубченко-сынъ — о цѣнности башмаковъ и юбокъ отцовскихъ работницъ. Вечеръ закончился катаньемъ по рѣкѣ на лодкѣ отца Павла, причемъ Свербѣевъ не преминулъ заломить фуражку съ кокардой на бекрень и затянуть волжскую пѣсню, а потомъ вклеилъ разсказъ о катаньѣ на лодкѣ по ка-

кой-то рѣкѣ у Шамиля. И когда отецъ Павелъ сказалъ запросто: «врешь, Сысой Ивановичъ, на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» подпоручикъ прибавилъ: «Есть, хотя мы еще до нихъ не доходили!».

Блаженные, тихіе уголки! Свербѣева вообще слушали не безъ любопытства. И никто во всей Сорокопáновкѣ (не перечь только отецъ Павелъ!) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирилъ и не ссорилъ Австріи съ Франціей и Англіи съ Италіей, какъ Свербѣевъ. Рѣшили на рѣкѣ, что вѣрнѣйшая цифра стоимости годового содержанія дворовыхъ съ души будетъ высшая 40, средняя 20 и низшая 10 руб. сер. въ годъ.

— А какъ вдругъ по сорока цѣлковыхъ велятъ намъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это подпишемъ?—робко спросила Павлова-Комедія.

— Ну, что же, и будете!—сказалъ, усмѣхаясь, Свербѣевъ.

Общество смолкло и погрузилось въ думу.

— Э, господа,—сказалъ подпоручикъ:—совѣтую, пишите больше; а то еще скажутъ, что вы морили людей голодомъ!

Мы распростились съ остальными и ушли въ усадьбу Вѣнцеславской, гдѣ снова улеглись въ знакомой комнаткѣ съ запахомъ инбиря и калгана. Кто-то постучалъ въ окно—я отворилъ его.

— Вы потрудитесь,—сказалъ съ надворья Свербѣевъ:—завтра назначить сходку здѣшнимъ дворовымъ, надо имъ пояснить, чего имъ ждать и кого слушать.

— Такихъ сходокъ въ нашихъ инструкціяхъ не положено,—отвѣчалъ съ кровати Говорковъ.

— Нѣтъ, какъ ужъ хотите, а я ихъ вамъ соберу,—настаивалъ у окна Свербѣевъ:—смотрите же, поговорите. Боньшюи!..—Онъ ушелъ.

Инбирь и калганъ скоро насъ усыпили.

Было совсѣмъ свѣтло, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, противъ свѣта и держа у самаго носа конецъ гусинаго пера, свирѣпо чинилъ его, отхватывая ножомъ огромные куски.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Господи!

— А чтó такое?

— Да вотъ вамъ-то хорошо, а я съ зари возился, но хоть плюнь...

— Что же именно?

— А то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломаетъ. Обошелъ я, представьте, всю дачу сорокопановскую, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? Спросишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьбы, двора, сада, огорода? А они въ отвѣтъ: «то мое, что видите, да и то, чего не видите и что перешло вонъ туда, это его проклятый отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ мною уже прошеніе подано!» И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзъ въ бокъ другой, садъ этого втемяшился въ огородъ того, а посреди ихъ всѣхъ усѣлся колодецъ или свиной хлѣвъ третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозится жаловаться на Свербѣева и на меня, Павлова-Трагедія даже съ полѣномъ за какимъ-то Никищенкомъ по улицамъ стала бѣгать,—носится съ бумагами и тычетъ мнѣ подъ носъ. Ходятъ толпами, на плетни влѣзаютъ и смотрятъ, что я дѣлаю. А двое подъ рукою объявили напросто, что поколотятъ всякаго, кто ихъ обмѣритъ.

— Ну, и что же вы?

— Приблизительно прикинулъ всякую усадьбу и баста. А тамъ пусть они же сами окончательно опредѣлятъ свои границы.

Мы вышли въ залу. Хозяйка сидѣла за чайнымъ столомъ. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и куцая сорока, и паралична болонка. Не успѣли напиться чаю, какъ явились жареные въ сметанѣ перепела, форшмакъ изъ карася и селедокъ, яичница съ ветчиной и еще что-то.

— Однако, пора бы и дальше,—сказалъ Говорковъ, распуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки: — но что-то господа обыватели нейдутъ.

— Да вотъ и они!—сказала хозяйка, глянувъ въ окно.

Вчерашніе наши знакомцы вошли снова и чинно сѣли въ залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать.

— Програмы готовы?—спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! потрудитесь внести въ списокъ имена представившихъ.

Свербѣевъ тоскливо взглянулъ на Чубченка. Тотъ повелъ плечами.

— А крестьянъ скоро у насъ выкупятъ?—спросилъ Свербѣевъ.

— Мнѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти...

— Какъ рѣшитъ комитетъ и какъ утвердятъ выше,—прибавилъ Говорковъ.

— Ну, а барщина попрежнему будетъ три дня на крестьянъ и шесть дней въ недѣлю на дворовыхъ?.. Вѣдь у насъ всѣ дворовые,—отнеслась Вѣнцеславская, тоскливо ловя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшитъ губернскій комитетъ...

Младшій Чубченко перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо. Они размахивали руками.

Свербѣевъ долго и упорно чесалъ у себя въ затылкѣ и сопѣлъ, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merci*, за все—за все... мерси-съ... Но позвольте на пару словъ...

Отведя меня въ сосѣднюю комнату, онъ сказалъ: «ничего, ничего», заперъ дверь, опять подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не могъ выговорить ни слова. Руки его дрожали, лицо было въ поту. Глаза смотрѣли въ землю.

— Экутѐ,—началъ онъ, оглядываясь:—насъ никто не видитъ! Я человѣкъ прямой... Безъ тонкостей... Скажите всю сущую правду, что̀ тамъ съ нами будетъ? Я никому не скажу! а намъ нужно. Откройте по секрету... Экутѐ — между честными людьми.

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю... Вѣдь я выборный, вашъ же дворянинъ...

— Ну... экуте́!.. полноте—я вамъ...

Свербѣевъ сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука.

— Вотъ... благодарность... помилуйте, между нами... это приношеніе всего нашего общества,—прошепталъ онъ, дрожа и, красный, какъ ракъ, сжимая мои руки.

Я разсмѣялся, отвелъ его руки.

— Или мало?—спросилъ онъ, еще болѣе смѣшавшись.

— Полноте; не стыдно ли вамъ!—сказалъ я, отступая къ двери:—я вашъ же товарищъ! Клянусь вамъ, я ничего болѣе не знаю... Честью вамъ клянусь.

Свербѣевъ быстро сунулъ опять руку въ карманъ, круто

повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, и я видѣлъ, какъ онъ свирѣпо махнулъ головой въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «не поддается, христопродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ отмѣнной сухостью.

— Итакъ, вы ничего намъ болѣе не скажете?—спросила Вѣнцеславская.

— Ничего, къ сожалѣнію...

Подпоручикъ, между тѣмъ, оправясь и презрительно стукнувъ ногою, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ. Хозяйка хотѣла-было начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ остальнымъ и сказалъ:— «что же, господа! здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать. У! Тончайшій человѣкъ». И онъ, съ судорожнымъ смѣхомъ, развелъ въ мою сторону руками.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣшивалъ усердные поклоны.

— Па-а-звольте, однако!—отозвался опять Свербѣевъ:—у отца Павла, если угодно, во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне и дворовые. Поговорите съ ними. Мы просимъ васъ.

— Право, господа, незачѣмъ... Ну, что же я имъ буду говорить? Не время еще, ничего еще не рѣшено!

Говорковъ кивнулъ мнѣ пальцемъ. Я подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю!—сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте! пойдемте! — сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всѣмъ обществомъ. Вѣнцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что рано еще уѣзжать и что намъ слѣдуетъ остаться отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягли, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Садомъ мы пошли къ усадьбѣ священника. Изъ-за плетня мы увидѣли толпу крестьянъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Священникъ, въ подрясникѣ, ходилъ передъ ними и что-то имъ объяснялъ. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Свербѣевъ, съ ироническою улыбкой, косясь на меня, издали помахивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. За ними слѣдовала уже запряженная наша перекладная.

— Ну,—шепнулъ я Говоркову:—что же ваша рѣчь? Пора ужъ ѣхать!..—Говорковъ обдернулъ фалды своего сюртука,

ступилъ шагъ, кашлянулъ, глянулъ въ землю и, какъ-то странно пискнувши, началъ:

— Что, ребята, вѣрите ли вы мнѣ?

Отвѣта не было.

— Я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы мнѣ и тому, что̀ я скажу? Иначе не сто̀итъ и словъ терять.

Двое изъ передняго ряда крестьянъ усмѣхнулись. Остальная толпа хранила молчаніе. Всѣ, держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Это были бо̀льшею частью дворовые, бобыли бобылей, то-есть батраки мелкопомѣстныхъ. Лица угрюмыя, притупленныя отъ лѣни и праздности. Одежда у всѣхъ была сборная: у иного тулупъ, у другого ополченскій поношенный кафтанъ съ нумерованными пуговицами; у кого бѣлая рубаха, съ гребешкомъ на веревочкѣ, у кого дырявая свитка, или порыжѣлый плисовый жилетъ. Здѣсь же стояла плечистая сердитая баба, въ сапогахъ и въ старомъ кучерскомъ армякѣ.

— Вѣримъ, говори!—робко сказалъ моложавый, широкоплечій парень, въ кожаномъ фартукѣ, нѣчто въ родѣ кузнеца или скорняка:—отчего не повѣрить—на то ты присланъ, ваше благородіе.

— Ну, такъ слушайте же!—сказалъ Говорковъ, усиливая голосъ. Крестьяне сдвинулись тѣснѣе.

— Давно уже, ребята,—продолжалъ Говорковъ:—давно у васъ идутъ толки о вольности. Не такъ ли?

— Еще бы!—послышалось среди дворянъ.

— Ну, такъ знайте же, что господа сами хотятъ вамъ дать вольность. Да надо только подождать... Въ Россіи пятьдесятъ да и съ хвостомъ еще губерній, а въ губерніяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ. Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло получше.

— Ну, а метла на небѣ, звѣзда-то, что по вечерамъ видна, что̀ значитъ?—спросилъ изъ толпы сѣдой, какъ лунь, старикъ. Ему не дали договорить и удержали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ. Его слушали внимательно. Отецъ Павелъ, надѣвъ очки, что̀-то торопливо пріискивалъ въ раскрытомъ на подоконницѣ Евангеліи.

А солнце свѣтило ярко и вмѣстѣ безмятежно. Пѣтухи и другія птицы затихли и будто также внимали неслыханнымъ рѣчамъ Говоркова. Тучка набѣжала на солнце. Прохладная тѣнь надвинулась на луга и на половину села, съ зеленѣю-

щими на берегу и далеко видными усадьбами Павловыхъ. За церковью раздавалось серебристое ржанье жеребенка, искавшаго потерянную имъ, среди огромныхъ сельскихъ пустырей, мать.

Часа черезъ два крестьяне разошлись, молча, не глядя другъ на друга и долго не надѣвая шапокъ. Слова Абрама Ильича ихъ какъ-то озадачили. Парень въ кожаномъ фартукѣ особенно долго не могъ угомониться. Онъ стоялъ на бугрѣ, среди улицы, провожалъ глазами остальныхъ, и мысли его, казалось, были далеко-далеко...

— Что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ думаете? — спросилъ я Говоркова, когда мы выѣхали изъ Сорокопàновки.

— Скверно на душѣ! — отвѣтилъ мой спутникъ: — никого, кажется, не обидѣлъ, а что̀-то такъ неловко, такъ неловко...

1859 г.

ФЕНИЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Школа.

«Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талія и все въ порядкѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ».

Вопросы жизни Пирогова.

— «Гдѣ остановился Ноевъ Ковчегъ.

— «На Арбатѣ...

Сцена на экзаменѣ.

Случилось какъ-то, въ одной изъ южныхъ губерній, губернскому предводителю дворянства заѣхать въ бѣдный выселокъ, на перепутьѣ съ какого-то званаго пира. Пока кучеръ выбивался проселкомъ напрямикъ, собралась сильная гроза. Небо обложило тучами. Не успѣла карета поровняться съ дверью низенькой мазанки, а довольно тяжелый сановникъ вскочить въ сѣни, какъ дождь хлынулъ и громъ раздался у самыхъ оконъ. Заходила ходенемъ бѣдная мазанка, и захлопотался при видѣ высокаго посѣтителя старикъ-хозяинъ, отставной, или, собственно, уволенный безъ прошенія изъ сосѣдняго суда, протоколистъ Басорскій. — «Ахъ ты, Боже мой, Господи!»—воскликнулъ онъ, мечась безъ толку въ темной каморкѣ. Съ трудомъ напялилъ онъ зеленоватый сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, провелъ ладонью по бородѣ, усѣянной сѣдой щетиной, тяжело вздохнулъ, засте-

гнулся на всѣ пуговицы и съ трепетомъ явился къ его превосходительству.

— Кто тамъ?

— Это я, ваше пре—ство! хозяинъ!

— А! ты откуда?

— Здѣшній, тутъ и родился-съ...

Слуга подъ шинелью пронесъ изъ кареты снадобья для чаю, сигары и французскую книжку. Предводитель усѣлся къ окну. Чтеніе, однако, не шло въ голову. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; ручьи съ ревомъ неслись подъ колесами кареты и ногами свѣсившихъ уши лошадей.

— Васька! Да гдѣ же у тебя глаза-то? — крикнулъ сановникъ въ окно, указывая пальцами.

Сѣдовласый кучеръ Васька молча снялъ попону и укрылъ любимую пристяжную лошадь. Подали чай. Хозяйка стерла со стола.

— Много у васъ земли?

— Десять десятинъ, ваше пр—ство! — грустно отвѣтилъ хозяинъ, ступивъ отъ двери и пощипывая то пуговицу, то назойливые волосы на бородѣ.

— Гм! Есть еще какія-нибудь угодья, заведенія?

— Есть овечки, пара воловъ; траву косимъ, корову держимъ, свиней кормимъ, куръ.

— Что же, это хорошо!

— Гдѣ хорошо, ваше сіятельство! Сбыту вовсе нѣтъ. Городъ далеко, дорога большая тоже, сами изволите знать. Вотъ у нашего засѣдателя, черезъ рѣчку, лѣсу тысяча десятинъ, дубу; цѣны никакой нѣтъ, ну, никакой ровнехонько— такъ и гніетъ. По рѣкѣ бы его хорошо сплавлять. За полтораста верстъ оглобля полтинникъ стоитъ. Такъ и сидимъ; какъ проѣдетъ кто-нибудь, получишь тамъ за сѣно, да за чай. А то и на сапоги, да на юбчёнку женѣ не хватаетъ...

— Какъ же ты, чѣмъ живешь?

— Перебиваемся кое-какъ.

— Да, о лѣсѣ ты, дѣйствительно, вѣрно замѣтилъ; по рѣкѣ его точно хорошо бы сплавлять. Написалъ бы ты, братецъ, проектъ, высшему бы начальству передалъ...

— Не могу, ваше пр—ство; мнѣ запрещено проекты подавать, подписку взяли...

— Отчего?

— По злой судьбѣ, такъ выразиться — оштрафованъ,

якобы въ ябедахъ и въ составленіи кляузныхъ бумагъ замѣшанъ...

Предводитель на это ничего не сказалъ.

Буря, между тѣмъ, угомонилась. Гость напился чаю, закусилъ яичницей, сдѣланной наскоро хозяйкой, толстой апоплексической бабой въ миткалевой юбкѣ и въ платкѣ на головѣ, спросилъ: — прояснилось-ли на дворѣ? — получилъ утвердительный отвѣтъ и велѣлъ подавать лошадей.

— Ну, любезнѣйшій, чѣмъ же мнѣ тебя отблагодарить? — спросилъ гость, вынимая, хотя еще не развязывая, кошелекъ. Хозяинъ въ это время явился съ подносомъ.

— Не откажите наливочки! — сказалъ онъ.

— А, очень радъ! однако, какъ же насчетъ платы-то? что̀ съ меня возьмете за сѣно и за закуску? — все еще улыбаясь и не развязывая кошелька, прибавилъ гость.

Жена глянула на мужа, судорожно запахнулась платкомъ и, кланяясь, отвѣтила:

— Ничего намъ не надо, ваше превосходительство; мы и на чести одной довольны, а о васъ наслышались — о вашей добротѣ!

— О, нѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу. Говорите, говорите, что̀ вамъ надо? не надо ли мѣста? Я все сдѣлаю, все могу! — отвѣтилъ гость, пряча кошелекъ въ карманъ.

У жены при словѣ о мѣстѣ дрогнули руки. Изъ ея памяти еще не выходили тѣ свѣтлые городскіе дни, когда купцы несли къ ней сахаръ, муку, рогожки, рыбу и все. Мысль о попыткѣ получить новое тепленькое мѣстечко пріятною улыбкою расположилась и на лицѣ мужа.

— Если ужъ ваша милость, если на нашу дворянскую бѣдность...

Въ это время предводитель случайно взглянулъ въ окно...

По прояснѣвшему двору, вприпрыжку по лужамъ, бѣжала изъ сосѣдняго мелколѣсья дѣвочка, лѣтъ семи или восьми, въ одной рубашечкѣ, босая и съ лукошкомъ какихъ-то ягодъ. Не замѣтивъ кареты за угломъ, она разлетѣлась и стремглавъ вскочила въ сѣни. Капли сбѣгали съ ея густыхъ, нерасчесанныхъ волосъ и дрожали на полныхъ, изъ-сиза раскраснѣвшихся щекахъ. Глаза внимательно и пугливо остановились на незнакомцѣ.

— Чья это? — спросилъ предводитель.

— Дочка наша; простите, такая глупая, шаловливая! —

отвѣтила мать, дѣлая знаки глазѣвшей на гостя дочери:— ушла за ягодами, пострѣлёнокъ, да и промокла.

— А! Очень радъ! Привезите ее ко мнѣ, и я ее пристрою. Ты хочешь, дѣвочка, въ городѣ жить?

Дѣвочка закинула за плечи длинные волосы и молча повела глазами изъ сѣней въ растворенныя на крыльцо двери.

— Ваше пр—ство! вѣкъ будемъ Бога молить! — заговорилъ отецъ.

— Ну-да! ну-да! Вы ее доставьте мнѣ, а тамъ уже я ее пристрою!

Съ этими словами гость сѣлъ въ карету, лошади двинулись. А мужъ и жена долго еще стояли, глядя то на дорогу, то на дочку, и тутъ же положили, что не надо упускать такого благодатнаго случая.

— Вотъ, нечаянно-негаданно, — судили они: — Господь далъ праздникъ; теперь ужъ Феничка наша — отрѣзанный ломоть. Какъ тамъ ни говори, а все же со двора долой, съ рукъ долой, и сами сытѣе будемъ. Промаячитъ тамъ, какъ ни на есть, живучи у большихъ людей. Еще и денегъ припасетъ и насъ прокормитъ. Богатая рука хоть кому помога.

Черезъ мѣсяцъ, Иванъ Григорьевичъ Басорскій, обитатель уединеннаго хутора, запрягъ пару воловъ, одѣлся въ свою чунарку, взялъ кулекъ съ закуской и припасеннымъ кстати на базаръ масломъ, посадилъ съ собою дочку и отвезъ ее въ губернскій городъ. Былъ вечеръ,—лакомка-предводитель воротился съ именинъ отъ губернатора. Жена встрѣтила его еще въ коридорѣ.

— Что это ты, Павелъ Романовичъ, затѣялъ? Какихъ это ты нищихъ вздумалъ брать на прокормленіе?

— Какъ? что?—спросилъ съ нѣжностью мужъ, давно, поправдѣ, забывшій и стоянку на хуторѣ, во время грозы, и свое обѣщаніе.

— Да помилуй, тамъ съ утра въ людской ждетъ тебя какое-то чучело, съ краснымъ носомъ, и такъ странно смотритъ. Онъ привезъ какую-то дѣвочку.

Позвали нежданнаго гостя. Сановникъ, тѣмъ временемъ, копая зубочисткою въ зубахъ, все уже успѣлъ припомнить, и совѣстно ему стало послушаться супруги, которая настаивала, чтобы скорѣе этихъ попрошаекъ прогнали со двора.

— Хорошо, мой любезнѣйшій, хорошо! Ступай себѣ, поѣзжай; твое дѣло рѣшеное. Ступай, я позабочусь о судьбѣ

твоей дочки! — сказалъ предводитель, принимая изъ дрожавшихъ рукъ просителя бумаги о рожденіи и крещеніи дѣвочки.

— Ваше превосходительство, не оставьте!

Иванъ Григорьевичъ не распространялся болѣе потому, что, въ чаяніи разлуки съ дочерью, закатилъ уже порядкомъ за галстукъ въ сосѣднемъ кабачкѣ, и на утро, съ трудомъ помахивая на воловъ, съ предводительскаго двора поѣхалъ обратно на хуторъ.

Дѣвочка приведена къ барынѣ. Въ ситцевомъ платьишкѣ, материнскомъ полинялομъ платкѣ на головѣ и съ загрязнившимися ножками, она не понравилась генеральшѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Химочка...

— Это что́ такое?—спросила генеральша въ носъ, оправляя одежду замарашки и относясь къ своей наперсницѣ Маρоѣ Кондратьевнѣ, тощей, вдовой и бездѣтной домоправительницѣ изъ вольноотпущенныхъ.

— Это имя у малороссовъ значитъ Афимья, Феничка. Притомъ же, сударыня, какіе теперь дворяне у насъ бѣдные! Стыдно смотрѣть!

Генеральша еще строже взглянула въ лицо дѣвочки.

— Грамотѣ умѣешь?

— Умѣю-съ...

— А руки отчего у тебя выпачканы, а?

Дѣвочка съ напряженнымъ удивленіемъ взглянула себѣ на пальцы, потомъ на блѣдныя, начавшія дрожать, губы предводительши.

— Что же ты не отвѣчаешь? а? Говори же?

— Ахъ, сударыня, да вы посмотрите, вѣдь ужъ это таково заведеніе,—возразила домоправительница:—вѣдь у нея и глаза, какъ у кошки, смотрятъ. Что ты смотришь такъ на барыню? У, звѣрёнокъ...

Домоправительница не кончила. Первая генеральша глубоко вздохнула, закатила глаза, потребовала капель и, охая, опустилась въ кресло. Къ вечеру дѣвочка была сослана на кухню.

— Я тебя, Павелъ Романовичъ, не понимаю! — сказалъ предводительша мужу:—ну, какъ быть до того малодушнымъ, безъ характера, до того флюгеромъ, что куда вѣтеръ повѣетъ, туда и ты? Выдумали прежде мыльные пузыри пу-

скать, и ты началъ; потомъ въ столицахъ стали обѣды задавать всякимъ проѣзжимъ артистамъ и знаменитостямъ, и ты туда же. А теперь ударились всѣ на благотворенія, и ты за ними! Да гдѣ же твой характеръ? Это просто смѣшно и жалко!

Мужъ сталъ утѣшать.

— Да помилуй, душа моя, о чемъ твоя забота? Твоей заботы быть тутъ не должно! Пойми меня, и только! Горе въ томъ, говорю я тебѣ въ тысячный разъ, что ты никогда не понимала и не хочешь понять ни моихъ замысловъ, ни моихъ стремленій и идей. (Жена возвела глаза къ небу и, вздохнувъ, сильнѣе прижала стклянку съ эфиромъ къ носу). Нынче вѣкъ такой! Надо отличать себя въ кругу сословія стремленіемъ къ добру. Надо поражать, ярко кидаться въ глаза. Coup d'état, ма-шеръ, во всемъ! На моемъ мѣстѣ отъ меня требуютъ, ждутъ добра...

— Хорошо добро! разводить нищихъ! Лучше бы вы подумали объ уплатѣ вашихъ долговъ, да поменьше въ карты съ дворянами играли!

— Ну, слушай, эту дѣвочку еще можно взять на руки, это еще—дитя природы.

— Смѣшно и глупо, смѣшно, и больше ничего! И съ чѣмъ это сообразно! У самого состояніе на волоскѣ, сынъ въ гвардіи служитъ, дочь — невѣста и почти на выдачѣ, а онъ, какъ Евгеній Сю, по вертепамъ бѣдности ходитъ, да подбираетъ себѣ членовъ въ богадѣльню! Паясничество, и больше ничего!

Въ это время дверь тихо отворилась; съ кошачьей улыбкой, чуть трогаясь ковра, вошла и стала у порога Мароа Кондратьевна.

— Что тебѣ, Мароуша?

— Тамъ, сударыня, эта дѣвочка, которую ихъ милость приказать изволили оставить на кухнѣ, просто на стѣну лѣзетъ: реветъ-ревмя, какъ батракъ какой. Просто удержу нѣтъ, и какъ бы еще чего дурного не сдѣлала!

Барыня выразительно взглянула на мужа.

— Вотъ тебѣ и стремленіе къ добру, и дитя природы! (Домоправительница, постоявъ немного и не замѣчая къ себѣ участія, вышла). — Слушайте, милостивый государь, — сказала, даже вскочивъ на кровать, супруга: — я не желаю, я не хочу, чтобъ эта дрянь тутъ оставалась долѣе; сейчасъ ее вонъ! Слышите ли? сейчасъ!

Мужъ, уже зная насквозь свою жену, тоже не отличавшуюся знатнымъ происхожденіемъ, мало обратилъ вниманія на это ѣдкое восклицаніе.

— Посуди хладнокровно,—сказалъ онъ, потирая лысину:— ее можно отдать въ пансіонъ. Пять лѣтъ она тамъ пробудетъ: двѣсти цѣлковыхъ въ годъ, и того тысяча. Пансіонъ мадамъ Барежъ—очень хорошій пансіонъ!

— Да это курамъ на смѣхъ! У тебя нѣтъ тысячи цѣлковыхъ на карету для дочери, на рояль, а ты бросаешь въ грязь! У тебя сынъ безъ порядочной верховой лошади; долгъ въ опекунскомъ совѣтѣ за два года не заплаченъ!

Мужъ задумался. Наконецъ, нагнулся къ уху жены и шепнулъ ей:

— Ну, что же, душа моя, дѣлать? Срокъ мой исходитъ; скоро новые выборы. Надо, во что бы то ни стало, пустить въ ходъ какое-нибудь благотвореніе въ пользу бѣднѣйшей части сословія! Объ этомъ заговорятъ, и дѣло въ шляпѣ. Судьба этой дѣвочки должна быть устроена, и я ее устрою.

Прошло нѣсколько дней. На таинственныхъ совѣщаніяхъ въ спальнѣ было положено замарашку одѣть и приготовить къ поѣздкѣ. Предводительская дочка, напыщенная и гордая барышня, тронутая слегка оспой, сидѣвшая съ утра за фортепьяно, которое, впрочемъ, какъ-то ей плохо покорялось, и надменно-молчаливо выходившая къ гостямъ, что не мѣшало ея лицу украшаться еще отмѣнно-некрасивыми угорьками на лбу и на носу, взялась за снабженіе ее платьемъ. Изъ старой распашонки, съ обильнымъ запасомъ ругательствъ, передѣланъ мѣшковатый нарядъ, куплены козловые башмаки. Волосы заплетены косами и перевиты бархаткой, въ руки данъ носовой платокъ.

— Ты умѣешь читать? — спрашивала предводительская дочка.

— Умѣю.

— А молитвы знаешь?

— Знаю.

— Кто же тебя училъ читать?

— Горихвостовъ, Петръ Михайловичъ, сосѣдъ нашъ; а папенькѣ все некогда было!

Посадили Феничку въ экипажъ, съ предводительскимъ секретаремъ, и повезли по широкой улицѣ. Дѣло въ томъ, что предводитель, по старому знакомству и новымъ отноше-

ніямъ, былъ друженъ съ директрисой мѣстнаго благороднаго института. Старушка была у него въ долгу за какую-то значительную услугу съ его стороны передъ губернаторомъ и, какъ разсудительная женщина, ждала только случая отблагодарить его. Онъ написалъ къ ней, что высылаетъ на ея заботы, для помѣщенія въ «благодѣтельное для сиротъ учреждение», бѣдную дѣвочку-дворянку, дочь «престарѣлаго», «немощнаго» и «заслуженнаго отставного чиновника» его губерніи, дѣвочку, просто чудомъ открытую имъ среди страданій убогой семьи, въ одну изъ его поѣздокъ по службѣ, по бѣднѣйшимъ закоулкамъ края. У директрисы случилась свободная вакансія, и дѣвочка была тутъ же принята и записана въ первый дѣтскій классъ подъ именемъ *Евфиміи Ивановой Басорской*. Новая ученица вошла подъ кровъ опрятнаго, щегольского, красиваго зданія, съ золотою надписью. Утро стало смѣняться вечеромъ, уроки рекреаціями, прогулки репетиціями. Много смѣнилось косыночекъ, износилось чулковъ и передничковъ. Дѣтство уступило мѣсто отрочеству, отрочество юности. Тамъ прибавилась округлость, здѣсь увеличена мѣрка платья, тамъ зашевелились неясныя грёзы. Изъ ребенка незамѣтно стала взрослая дѣвушка...

А между тѣмъ, пока совершилось десять узаконенныхъ лѣтъ, много судебъ прошло и внѣ ея мѣста воспитанія. Предводитель вскорѣ былъ не избранъ, уѣхалъ въ огорченіи въ деревню, гдѣ и скончался отъ удара, среди долговъ, на рукахъ жены и дочери. Его мѣсто увидѣло трехъ новыхъ преемниковъ. О дѣвочкѣ Басорской забыли всѣ. Да мало думали о ней и собственные ея папенька и маменька. Знали они, что куда-то, по милости генерала, въ науку отдана ихъ дочка, а куда именно и въ какую науку, они, грубые люди, даже хорошо и не дознавались. Матушка, здоровенная баба, попрежнему возилась съ утра до поздняго вечера, доила коровъ, варила обѣдать и ужинать, яростно скребла ножемъ бѣлый липовый столъ, чистя хату передъ праздниками, ткала зимой холсты, пряла, откармливала и продавала свиней, по праздникамъ молча съ мужемъ напивалась до омертвѣнія, или отправлялась «повеселиться» къ такой же охотницѣ до хмельного, къ кумѣ-мѣщанкѣ, въ сосѣднюю вольную слободу. Мужъ во всемъ оказывался слабѣе, хотя также, съ грѣхомъ пополамъ, хлопоталъ по хозяйству, ходилъ дома въ простой свитѣ, задавалъ

кормъ воламъ, смотрѣлъ за пасѣкой, мололъ хлѣбъ на мельницѣ, ѣздилъ по разнымъ надобностямъ по сосѣдству, но болѣе шатался по уѣздному городу, стряпая потихоньку желающимъ просьбы и аппеляціи и при этомъ, разумѣется, также усердно служа Бахусу. Когда ему и женѣ сосѣди говорили: «а что, гдѣ же ваша дочка?»—они отвѣчали:—«э! на свѣтѣ не безъ милости добрыхъ людей; выйдетъ изъ науки, намъ же подмога будетъ!»

Между тѣмъ, какъ сказано, прошло десять лѣтъ, и Феничкѣ приходилось покинуть науку. Отца по почтѣ увѣдомили отъ института, что дочь его кончила съ отличіемъ курсъ ученія, и чтобы онъ за нею пріѣхалъ, или, если пожелаетъ, оставилъ бы ее, по уставу заведенія, еще на нѣсколько времени въ пепиньеркахъ при институтѣ. Насилу отыскала бумага за печатью заведенія уѣздъ, волость, глухой хуторъ и въ хуторкѣ, въ бѣдной мазанкѣ, самого Ивана Григорьевича Басорскаго. Старикъ сталъ искать очки. Оказалось, что руки его въ эти десять лѣтъ пріобрѣли еще болѣе дрожанія. Напяливъ на носъ оловянныя очки и вскрывъ пакетъ, онъ прочелъ письмо сначала про себя и потомъ женѣ.

— Вотъ еще что!—говорила мать:—учили, учили, и опять учить! Слава тебѣ, Господи, ужъ теперь невѣста; въ Филипповку будетъ восемнадцать лѣтъ! Мнѣ будетъ помощница! Вотъ лѣвая рука, да и нога у меня, тоже лѣвая, совсѣмъ какъ изъ дерева стали. Параличъ, что ли, подбирается! А тутъ нужно подати платить! Гдѣ безъ помощницы обойтись, и не думай этого, и не гадай! Не у насъ. такъ за хорошаго человѣка замужъ отдадимъ!

Мужъ, не замѣчавшій до этого, чтобы женѣ нужна была помощница, не прекословилъ. Потолковали и съ сосѣдями. На волахъ за барышнею было положено не ѣхать, потому что это совѣстно и на смѣхъ поднимутъ. А когда доходу въ годъ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, за вычетомъ того, что проживешь, то на лошадей не кинешься. Рѣшили Ивану Григорьевичу дойти пѣшкомъ въ «губернію», а тамъ нанять «будку» у жида — и привезти Феничку домой, на покой. Иванъ Григорьевичъ завязалъ въ узелъ платка три цѣлковыхъ на наемъ жида, взялъ мелочи, про запасъ, для выпивки дорогою, перекинулъ черезъ плечо шинель и сапоги и пошелъ въ путь большою дорогой, въ губернію...

Тѣмъ временемъ, Евфимія Ивановна была въ раздумьѣ. Годы воспитанія въ свѣтлой, шумной школѣ мелькнули для нея незамѣтно. Она даже ни разу въ этотъ срокъ не написала домой, и только теперь мысленно стала рѣшать вопросъ, какъ она поѣдетъ домой и какъ встрѣтитъ отца. Изъ маленькой замарашки она стала уже рослою, стройною дѣвушкою, съ полными, бѣлыми плечами, которыя такъ и рвались изъ-подъ зеленаго платья, съ густою каштановою косою и карими глазами. Она уже отлично танцовала; красиво и ловко кланялась; ходила, точно лебедь бѣлая по синю-морю плавала; шнуровалась въ рюмочку; знала она русскую литературу до Пушкина, по руководству Греча. — Писала очень мило по-французски, въ классныхъ упражненіяхъ, на предметы о восходѣ солнца, о трехъ розахъ и о значеніи Шатобріана въ искусствѣ. Декламировала изъ Федры Расина и умѣла дѣлать при публикѣ физическіе опыты надъ электрической машиной и воздушнымъ насосомъ. Отъ подругъ заслужила имя «душечки-Фенички» и «божества», прошла съ ними усердно періодъ поѣданія «грифелей», «мѣлу» и испиванія «уксуса» и, готовясь къ выпускному экзамену, раздѣлила съ ними также усердно человѣчество на «противныхъ штатскихъ» и «обворожительныхъ военныхъ», что̀ не мѣшало, впрочемъ, ей съ ними «обожать» подслѣповатаго и чахоточнаго учителя русской словесности, у котораго блѣдныя ланиты въ классахъ постоянно пламенѣли, и «презирать» учителя математики, сѣденькаго старичка съ подагрой, несмотря на то, что онъ былъ изъ военныхъ. На публичномъ испытаніи Феничка Басорская играла въ четыре руки съ княжной Раисой Вонзковской, изъ сосѣднихъ западныхъ губерній, громкій и ослѣпительный концертъ Тальберга. Потомъ она одна, въ числѣ двухъ другихъ солистокъ, пѣла «Гимнъ» на слова: «Гдѣ вы, гдѣ вы, дни намъ милы?» — сочиненный на случай однимъ городскимъ статскимъ генераломъ, славившимся подписями къ портретамъ разныхъ сановниковъ, и увлекла всѣхъ своимъ густымъ, звонкимъ и широкимъ сопрано. Учитель музыки, худенькій, черненькій человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ, млѣлъ при этомъ отъ удовольствія и, совершенно теряясь, направо и налѣво лепеталъ о ней полузнакомой публикѣ безсвязныя похвалы. Когда пришелъ срокъ, громко прочитали ся имя въ числѣ другихъ дѣвицъ: Евфимія Басорская получила шифръ и похвальную книгу...

Но не это собственно занимало всѣ языки. Горожане и толпы съѣхавшихся къ выпуску родныхъ узнали цѣлое драматическое событіе, эффектная сторона котораго тотчасъ ярко бросилась всѣмъ въ глаза и увлекла всѣхъ. Пронеслась вѣсть, что за этою хорошенькою дѣвицею, которая такъ мило пѣла институтскій гимнъ, престарѣлый отецъ-хуторянинъ, сѣдовласый старецъ, пришелъ за нѣсколько десятковъ верстъ пѣшкомъ. По неизвѣстной причинѣ, у всѣхъ въ умѣ мелькнули тотчасъ образы Эдипа и Антигоны. Когда Иванъ Григорьевичъ, гладко выбрившись въ цирюльнѣ и выпивъ съ колбаской, въ сосѣднемъ кабачкѣ, стаканъ забористаго травнику, вошелъ въ залу, гдѣ происходило еще какое-то послѣднее испытаніе, родъ педагогической бесѣды, изобрѣтенія учителя математики, изъ семинаристовъ, — всѣ глаза и лорнеты обратились на него, на его сѣдую голову, потертый сюртукъ и красный носъ. Дамы стали сильно шушукаться и приходить въ волненіе. Локти и шали задвигались, подъ мѣрные вопросы экзаменатора: «А что приличнѣе въ свѣтѣ гражданину и гражданкѣ?»—«А къ чему насъ долгъ ведетъ, когда мы впадаемъ въ грѣхъ и преступленіе?»—Многія даже перезнакомились тутъ же въ залѣ, безъ чего прежде только холодно оглядывали другъ-друга съ головы до ногъ, или небрежно черезъ плечо. — «Вообразите, моя милая, у этой Басорской, говорятъ, нѣтъ даже теплаго капота, чтобы уѣхать».—«Говорятъ, у ея отца всего десять десятинъ земли и одна корова». — «Жена его сама ѣсть варитъ!» — «Э! это бы еще ничего! Но она, бѣдная, сама этого не знаетъ и не сознаетъ: восьми лѣтъ ее увезли изъ дому. Бѣдная, бѣдная!..» — Изъ этихъ толковъ составилось то, что̀ такъ особенно любятъ составлять барыни. Былъ по̀жертвованъ теплый капотъ, нѣсколько бѣлья и башмаковъ. Не забыты были и два, довольно ловко сшитыя, хотя и поношенныя платья; одно букмуслиновое, съ пелеринкою, а другое гроденаплевое, съ воланами. Жертвованныя вещи сыпались щедро. Нѣкоторыя самолюбивыя дамы даже впослѣдствіи усердно просматривали нумера газетъ, тайно отыскивая, не припечатаютъ ли гдѣ-нибудь ихъ имени за посильныя приношенія на пользу ближнихъ. Замѣшали даже какого-то откупщика, который до того времени сидѣлъ только за счетами и весьма безграмотно подписывалъ свое прозванье, а тутъ счелъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ,

покровителемъ наукъ и художествъ и чуть не философомъ. Онъ пожертвовалъ кушъ въ пятьдесятъ рублей серебромъ, на каковую сумму тутъ же, по совѣту учителя русской словесности, было куплено много книгъ, между прочимъ, изданіе сочиненій Жуковскаго и Муравьева «Путешествіе по святымъ мѣстамъ», и совершена подписка на три литературныхъ, два музыкальныхъ и одинъ дамскій рабочій журналъ. Книги и билеты на журналы поднесены госпожѣ Басорской, въ особой коробкѣ, раздушенной и разрисованной, вмѣстѣ съ другими подарками, одною изъ выходящихъ дѣвицъ, причемъ нѣкоторыя изъ дамъ, въ слезахъ и чуть не умирая отъ жалости, почти вслухъ восклицали при Феничкѣ:

«Только осторожнѣе, осторожнѣе, ме-дамъ; чтобъ не обидѣть ее, ахъ, чтобъ не обидѣть ее подарками! Она дѣвушка съ чувствомъ!»

Феничка приняла всѣ подарки съ граціозною улыбкою и съ какимъ-то особенно праздничнымъ чувстомъ радости, перецѣловавъ плечи у дарительницъ и увлекши въ сотый разъ всѣхъ своею миловидностью, застѣнчивостью, румянцемъ, полнотою щекъ и молодого стана. Надавали подруги Феничкѣ и она имъ клятвъ въ «вѣрности и дружбѣ до гроба», обѣщали другъ другу писать обо всемъ—обо всемъ, и часто-часто—причемъ княжна Раиса Вонзковская даже проколола себѣ палецъ и кровью написала ей на лоскуткѣ бумаги: «въ бѣдѣ и въ горѣ доставь мнѣ случай тебѣ помочь, и я все отдамъ, все сдѣлаю, чтобъ быть тебѣ полезной!» Взяла Феничка съ собою на дорогу неоконченную работу Мери Кахновичъ broderie anglaise, запаслась какимъ-то особенно неистовымъ, переданнымъ ей одною изъ подругъ, романомъ Поля Феваля, и поѣхала съ такою мыслью: «бѣдность—вещь нехорошая и довольно, какъ говорятъ, противная; но я постараюсь озолотить дни и часы старыхъ родителей, и подъ шалашомъ водворить рай! О, да, постараюсь!..» И, раскрывъ дорогою, въ трясучей и темноватой будкѣ жида, книжки, она переложила на новую страницу вышитую тамбуромъ закладочку, оправила платье и взглянула на отца. Отецъ молча сидѣлъ въ углу будки и, уткнувъ носъ въ воротникъ, смутно глядѣлъ изъ-подъ полости окна на дорогу.

Что̀ ему думалось въ эту пору? При первомъ свиданіи съ

дочерью, когда вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи лампъ, его ввели по длинному ковру въ залу, ему показалось, что передъ нимъ очутилась если не сама сказочная богиня, то, по крайней мѣрѣ, царица-фея. Такъ показалась ему нарядна и представительна его собственная дочка, его Феничка. Онъ даже чуть-было не приложился къ ручкѣ, чуть невольно не попросилъ извиненія, точно былъ виноватъ чѣмъ-нибудь, и потомъ пристально-пристально посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, скрипя табакеркой и собираясь сказать ей особенно что-нибудь милое. Но ничего не сказалось; тщетно онъ искалъ въ чертахъ смущенной, съ своей стороны, и миловидной дѣвушки черты былой Фенички. А другія дѣвицы, княжны и помѣщицы, генеральскія и асессорскія дочки, о которыхъ ему разсказывалъ до прибытія его дочери словоохотливый сосѣдъ по мѣсту въ залѣ, ходили мимо и посылали Феничкѣ то улыбки, то особые знаки любви, дружбы и равенства. Ликовалъ втайнѣ Иванъ Григорьевичъ: «поди съ нашею Химкою! вонъ она съ кѣмъ за панибрата».

Съ этими чувствами онъ и въ дорогу выѣхалъ. Да уже въ дорогѣ немало призадумался, сожалѣя, что безъ парада, въ простой жидовской будкѣ пустился, и что было бы лучше какъ-нибудь купить дрожки, или коляску и лошадей бы купить, одѣть дочку во всѣ одежды, какія только подарены, и провезти такъ по уѣзду—знай-де, любуйтеся такою писанною красавицею!

Не то ожидало ее дома.

Пріѣхали они въ праздникъ, послѣ обѣда перекусивъ и переодѣвшись по близости, въ корчмѣ, неравно дома гости есть. Перышкомъ вспрыгнула Феничка изъ будки, оправила платье, достала шелковый красный платокъ, припасенный подарокъ для матери, и быстро вошла въ сѣни.

— Нѣтъ, дочка, постой, не ходи: мать спитъ послѣ обѣда; какъ бы не разсердилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу маменьку видѣть, маменьку!..

И она вошла въ темную комнату, гдѣ съ закрытыми ставнями отъ мухъ покоилась старуха. Дочь наклонилась къ морщинистой, запекшейся щекѣ ея и не рукой, а тѣмъ же нѣжнымъ поцѣлуемъ разбудила мать. Отецъ не безъ основанія удерживалъ дочь: отъ матушки несло водкой. Какъ уже сказано, былъ праздникъ и послѣобѣденное время. Мать раскрыла мутные посоловѣлые глаза и долго не могла придти

въ себя; наконецъ, утерла ротъ, встала, оправила на головѣ платокъ и сказала:

— А! это ты, Химко! Хорошо, что ты пріѣхала, только плохо, что мать такъ ни за что разбудила. Впередъ того не дѣлай! Видно, что этому не учили тамъ, гдѣ ты была!

Дочь была озадачена.

— Ну,—начала ласковѣе матушка:—дай же, я подивлюсь на тебя, какая ты стала!

Окна растворили. Старуха сперва пристально осмотрѣла на всѣ стороны подаренный платокъ, потомъ дочку, напилась потомъ воды, перебрала и перещупала всѣ дочкины наряды и книги, бѣлье и разныя бездѣлушки. Наконецъ она задумалась, вышла на крыльцо, сѣла, сложила руки, зѣвнула, перекрестила ротъ и сказала:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла чай пить и теперь хочешь?

— Нѣтъ, маменька, не хочется; если вы выпьете, такъ и я.

— Э! дура же ты, коли это говоришь. Нѣтъ у насъ чаю для себя и въ заводѣ, и не за что пить, а держимъ только для пріѣзжихъ!

Дочь потупилась и смолчала. Немного погодя опять зѣвнувъ, мать взглянула на дочку мимо мужа, стоявшаго молча у двери, и спросила:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла въ нарядѣ ходить и чтобъ за тобою глядѣли, чулочки да башмачки тебѣ подавали?—Дочь уже ничего не говорила.—То-то же, дура ты будешь, коли это и помыслишь! Нѣтъ на то у насъ прибытку, а сами все дѣлаемъ, дѣлай и ты!

Сердце Фенички задрожало; она кинулась къ матери на шею и со слезами стала увѣрять, что она ее любитъ, будетъ любить вѣчно и папеньку и раздѣлить съ ними труды и подъ убогой крышей.

— Убогая? Нѣтъ!—перебила мать:—и глупо ты говоришь! Чѣмъ же она убогая? Батько твой только въ прошломъ году ее и перекрылъ; самъ и солому возилъ!

Вечеромъ она вышла за ограду хутора. «Вотъ то поле, гдѣ я за гусятами гонялась, вотъ мельница, подъ которою я въ камушки играла, вотъ лѣсокъ, откуда я тогда, въ дождь и бурю, бѣжала съ лукошкомъ». Размечталась Феничка. Не сознавала она въ ту пору еще ясно ни того, что у нихъ нѣтъ ни работника, ни работницы, ни того,

что на десять верстъ кругомъ нѣтъ у нихъ ни одной живой и истинно-человѣческой души. А мѣстечко и вечеръ были обворожительны, закатъ солнца золотилъ и обливалъ тонкимъ румянцемъ верхи пирамидальныхъ тополей, края облаковъ и груды дальнихъ косогоровъ. Воробьи шумными стадами перелетали съ вербы на плетень и съ плетня на огородъ. Неоглядная степь застлалась вечернею мглою. Надъ крышею хаты подымался тонкою струйкою голубоватый дымокъ. А за нимъ былъ садъ, а за садомъ дорога, городъ, заведеніе, подруги, княжна, выпускъ, обѣщанія, клятвы, надежды...

— Вотъ и видно сейчасъ бѣлоручку! — произнесла мать, выйдя на порогъ хаты, съ засученными рукавами, подоткнутою юбкой и съ ухватомъ: — другая бы скинула ситчикъ и все, что почаряднѣе, да матери бы помогла, да коровку бы сдоила, а она глазѣетъ по верхамъ!

Евфимія Ивановна, еще въ первомъ пылу неопытной энергіи, на другой же день сбросила платье, надѣла какую-то старенькую накидку, вышла на крыльцо, боязливо оглянулась во всѣ стороны, взяла ведро, нашла мать, попросила ее показать, какъ доятъ коровъ, и, несмотря на страхъ, наводимый на нее жирною рогатою коровой, глотая слезы, усѣлась доить... Но это были только цвѣтки. Мать отобрала у нея деньги, какія были, отобрала всѣ платья и повела съ мужемъ рѣчь, что хорошо бы ему отвезти эти платья въ уѣздъ и запродать ихъ исправницкой племянницѣ, а Феничкѣ другого, попроще, накупить, — все выгода будетъ, а ей же не въ шелкахъ да кисеяхъ ходить. Сказано и сдѣлано. Батюшка съ матушкой заперлись и подѣлили между собою привезенныя деньги. На столъ же Феничкѣ были брошены два куска московскаго линючаго ситцу, по двугривенному аршинъ, и было предложено самой пошить себѣ платья: да поскорѣй; «неравно женихи почуютъ и наѣдутъ!», а на тѣ деньги, сказано, наймется степь у балтинскаго винокура и прикупятся два десятка овецъ. И дѣло! Съ тѣмъ же дѣтскимъ рвеніемъ принималась горячо за иглу Феничка и въ три недѣли, между топкою печи, крошеніемъ лука, капусты и бураковъ, доеніемъ смурой коровы, поступившей исключительно подъ ея попеченіе, и ухаживаніемъ за отцомъ, который почти ежемѣсячно страдалъ послѣ запоя сильными приливами къ груди и удушьемъ,

сшила себѣ, по образцу оставшагося завѣтнаго зеленаго платья дешевенькое платье и нѣсколько передниковъ. Въ это время она порывалась нѣсколько разъ писать къ подругамъ, особенно къ одной мечтательной, съ золотыми кудрями, генеральской дочкѣ, Мери Кахновичъ, съ которою была очень дружна. Но некому было отвезти письма на почту, и она отложила письмо до другого времени.

Отецъ оправился. Наступилъ какой-то праздникъ. Съѣхались на хуторъ сосѣди, частію, чтобы навѣстить выздоровѣвшаго сосѣда, а частію, какъ надо было ожидать, чтобы посмотрѣть сосѣдскую дочку. И всѣ женихи, хотя немолодые, незнатные и некрасивые, а женихи въ околоткѣ хорошіе. Отставной юнкеръ Перепелица, вдовый винокуръ и заика Тюрюковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, съ разстроеннымъ желудкомъ, охотникъ до псовой травли, и самъ г. Горихвостовъ, когда-то бывшій въ университетѣ, когда-то учившій Феничку грамотѣ, а теперь совершенный пьяница и больше ничего. Этотъ бѣдственный «пропоица» Горихвостовъ, бывшій еще въ памяти всѣхъ ухарскимъ молодцомъ, ходившій и говорившій, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «съ кондачка», теперь, отъ запоя въ одиночку, впадалъ уже въ делиріумъ-тременсъ и представлялъ совершенную развалину. Онъ уже почти не отрезвлялся, хотя рѣдко терялъ самосознаніе и даже присутствіе какого-то особаго остроумія. Въ часы здоровья онъ ѣздилъ верхомъ на заѣзжихъ съ товарами жидахъ, стрѣлялъ въ нихъ, посредствомъ дворовыхъ людей, залпомъ изъ ружей, холостыми зарядами, обматывалъ ихъ, съ лошадьми и телѣгами, соломой и послѣ зажигалъ эту солому издали ракетами; запаивалъ всякаго, кто къ нему ни являлся изъ новичковъ, и съ тысячами другихъ проказъ слылъ притчею околотка. Послали-было къ нему года четыре назадъ, въ ту пору, когда онъ еще книги читалъ и ѣздилъ кое-куда, и говорилъ мѣтко и ядовито, и на человѣка походилъ, послали-было къ нему увѣщевать его заслуженнаго и уважаемаго всѣми помѣщика, знавшаго его еще ребенкомъ. Помѣщикъ, строгій и трезвый съ юношества, явился къ нему, не вѣря еще въ его порокъ. Войдя въ домъ Горихвостова, онъ засталъ странную картину: самъ хозяинъ полу-раздѣтый сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ на столѣ была дере-

вянная баклага съ водкой, а въ углу на стулѣ полулежала растрепанная Өеська, его экономка, тоже пьяная и въ слезахъ. При видѣ посѣтителя, хозяинъ всталъ и потерялся. Дѣтство, молодость, жизнь, университетъ, профессоры, товарищи, погубленная будущность — все передъ нимъ въ мгновеніе мелькнуло. Онъ жалко улыбнулся и, запахиваясь, долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ, сказалъ:

— Вотъ это, Акимъ Савельичъ, водка, а вотъ это — Өеська, а я пьянъ!

Ничто не помогло, и напрасенъ былъ заѣздъ увѣщевателя. Судьба Горихвостова окончательно была рѣшена: онъ гибъ, какъ многіе гибнутъ въ глуши деревень, жертвою праздности, лѣни и бездѣйствія ихъ окружающихъ.

Таковы-то были гости Ивана Григорьевича, завертывавшіе иногда изъ своихъ темныхъ и глухихъ норъ, изрѣдка раздѣлить съ нимъ и съ его сожительницей удовольствія питій и брашенъ. Нечего говорить, что всѣ они могли питать и дѣйствительно питали въ сердцѣ надежду поискать и получить въ обладаніе руки новоприбывшей красавицы Евфиміи Ивановны. Съѣхались они.

— Сударыня, позвольте! — отрапортовалъ первый изъ нихъ, юнкеръ Перепелица, злодѣйски подергивая усы и козыремъ подходя къ ручкѣ Евфиміи Ивановны.

— И—и мнѣ по-о-озвольте!—заикаясь, загудѣлъ толстый винокуръ Тюрюковъ, храпя и выставляя увѣсистый животъ.

Мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, робкій по болѣзни и застѣнчивый съ женщинами смолоду, не сходя съ мѣста, только отвѣсилъ издали поклонъ. А Горихвостовъ, въ качествѣ перваго учителя Фенички, рѣшилъ доставить себѣ другое, болѣе дружеское привѣтствіе. Онъ на порогѣ еще разставилъ руки и сказалъ:

— Моя первая и моя послѣдняя ученица! Краса нашего края, роза долинъ и медъ утесовъ! сюда!—и протянулся къ ней съ объятіями. Феничка, перепуганная видомъ сальнаго сюртука и небритой бороды, попятилась-было назадъ и, жалобно приседая, поспѣшила уклониться къ притолкѣ двери, но Горихвостовъ не угомонился.

— Э-хе, нѣтъ, нѣ-ѣ-ѣтъ?? — заговорилъ онъ, — и прочіе гости поддерживали его знаками согласія: — такъ съ старыми дядьками не здороваются!

Феничка все еще медлила.

— Эхъ! дура жъ ты, дура, — подхватила мать и плюнула:—коли Петро Михайловичъ цѣлуется, то и цѣлуйся, съ такими можно; онъ нашъ! И хуторъ у него, дочка, хорошій, и всего вдоволь; и уже я къ вамъ заберуся, Петро Михайловичъ, и отвоюю у васъ на заводъ бычка! Дадите, Петро Михайловичъ, бычка на заводъ, изъ-подъ вашего смураго быка?

— Дамъ! не дать маменькѣ!— злодѣйски замѣтилъ Горихвостовъ и, разгладивъ усы, въ два пріема въ засосъ поцѣловалъ раскраснѣвшуюся Феничку. Хозяева засуетились съ обѣдомъ.

А за обѣдомъ господа гости показали, какого они поля ягоды. Съѣли борщъ; съѣли жаренаго поросенка. Выпили передъ борщемъ по первой, выпили послѣ поросенка по второй и третьей. Гости были крѣпче, а хозяинъ свернулся первый. Былъ онъ добръ и кротокъ отъ рожденія, у жены находился подъ башмакомъ, а хмельное дѣлало изъ него звѣря. Какъ напьется, и пойдетъ буянить, и все хочетъ показать, что онъ — первый въ домѣ и во всѣхъ дѣлахъ. Такъ случилось и тутъ. До этого дня онъ на дочку смотрѣлъ жалостливо и нѣжно и сбавлялъ ей работы у матери. А тутъ вдругъ показалось ему, что она брезгаетъ родителями, да и гостями. Хозяйка и дочь прислуживали.

— Не люблю я этихъ чортовыхъ бѣлоручекъ!—гаркнулъ неожиданно зловѣщимъ голосомъ Иванъ Григорьевичъ, смотря на дочку и покачиваясь.

— И я не люблю!—И я!—подхватили гости

— А еще больше я не люблю, — продолжалъ хозяинъ, свирѣпѣя:—когда бабы забираютъ верхъ! Бабы! знай свое мѣсто, и баста! — и онъ ударилъ кулакомъ по столу, причемъ загремѣла посуда и у самой старухи-жены дрогнули руки. Феничка взглянула на отца и окаменѣла; она впервые почувствовала въ этой обстановкѣ приливъ какого-то необъяснимаго отчаянія и ужаса.

Басорскій опять ударилъ кулакомъ по столу и на этотъ разъ еще швырнулъ о-земь миску.

— Слышь! дочка! подноси гостямъ и мнѣ водку!

Феничка, облокотясь о печку, стояла неподвижная и блѣдная, чуть дыша и не слыша словъ отца.

— Химко!—крикнулъ отецъ:—да развѣ ты ужъ не слышишь? Служи по гробъ твоей жизни! пас... — И онъ под-

нялся съ лавки, направляясь къ печкѣ и не слыша ногъ подъ собою. Горихвостовъ остановилъ его и разомъ усадилъ.

— Иванъ Григорьевичъ, не буянь; угомонись и не безпокой дочки; онѣ барышня деликатная, очень деликатная и не снесетъ позора! Чему васъ, барышня, учили, скажите? Учили васъ: «Печально я гляжу на наше поколѣнье?..» Феничка отвѣтила кое-какъ, шумъ увеличивался.

Подали водки. По слову отца, мать передала дочкѣ подносикъ, и та пошла разносить «очищенную». Потомъ по требованію гостей и отца, она дрожащимъ голосомъ, безъ аккомпанимента, спѣла какой-то романсъ, протанцовала тотъ танецъ, которому тамъ въ заведеніи ее учили. И когда всѣ уже лежали по лавкамъ, она вырвалась изъ хаты, безсознательно взобралась сперва по лѣстницѣ на чердакъ, потомъ, при взрывѣ хохота пирующихъ, пугливо сползла оттуда, удерживая платье, прошла дворъ, огородъ, и въ невыразимомъ страхѣ, блѣдная и трепещущая, забилась на сѣнникъ, ежеминутно ожидая кого-нибудь изъ приходящихъ въ себя посѣтителей.

«Въ жизнь мою,—говорила она впослѣдствіи: — я не воображала, чтобъ могла перенести такія муки и страданія, какія перенесла въ ту ночь, когда пробуждавшіеся собесѣдники до самой зари то начинали снова пить, то пѣли пѣсни, то выходили съ фонаремъ и свѣчами изъ хаты, лазили на чердакъ, шарили по двору, кричали пѣтухами и кликали меня среди ночной тишины».

Богъ вѣсть, оттого ли, что замѣтили отсутствіе дочки при гостяхъ, по другой ли причинѣ, только отношенія къ ней семьи высказались вскорѣ. Отецъ, проспавшись, также сталъ къ ней безразличенъ и болѣе сухъ, нежели строгъ. Но мать просто ее возненавидѣла. Миски, ложки въ мытье уже не подавались ей, а прямо швырялись. Слова «бѣлоручка», «барышня», «недотрога» и «гордячка» не сходили у злобной бабы съ языка. Съ утра до поздней ночи она, какъ говорится, уже просто грызла свою дочку. Стоило Феничкѣ задуматься о чемъ-нибудь, она сейчасъ зашипитъ: «ну, о чемъ задумалась? все о городскихъ женихахъ?.. Какъ же, жди ихъ! Такъ и кинутся на дрянь!» — Стоило дочкѣ съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ, выйдя на порогъ, проговорить, хотя бы это былъ мѣщанинъ, мать сей-

часъ опять: «вонъ она, вонъ. Хорошихъ минуетъ, а съ побродягами нюхается! Что же? Мнѣ за тебя топиться въ рѣчкѣ, что ли, какъ пойдетъ про тебя худая молва?»

Сначала дочка плакала, потомъ привыкла; тяжела была ея жизнь. Изъ скупости и затаенной злости на дочку, мать не брала работницы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ уѣзднаго города ѣхалъ какъ-то на хуторъ Басорскаго уѣздный лѣкарь, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-восьми. Давно уже ходили по околотку слухи о тяжеломъ положеніи дочери въ семьѣ Басорскаго. Теперь лѣкарь ѣхалъ потому, что, какъ его увѣдомили, «панночка Химка» ходила на рѣку, въ прорубь, за водой, да надѣла башмаки на босу ногу, простудилась и уже третій день лежитъ въ огнѣ и бредитъ.

Лѣкарь засталъ ее въ горячкѣ. Прогналъ отъ нея всякихъ бабъ и знахарокъ, шептавшихъ надъ нею съ утра, какъ надъ покойницей, употребилъ всѣ средства, искусствомъ и удачей произвелъ переломъ въ болѣзни, объявилъ, что она спасена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раструбилъ по всей окрестности и въ городѣ о ея дивной красотѣ и вполнѣ безпомощномъ, среди семейства, положеніи. Слова его не пропали даромъ.

О дочкѣ Басорскаго заговорили. Но больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ о ней лѣкарь.

— Это, вы не повѣрите... это сущій перлъ, перлъ! — говорилъ онъ:—вообразите! въ сильнѣйшей бѣдности, въ нищенствѣ, и что же бы вы думали? Красавица, сущая красавица, какихъ свѣтъ не создавалъ! Я не взялъ за ея лѣченіе ни одной копейки денегъ! Ну, да этого ли одного она стоитъ!

Дамы ахали, пищали, передавали по двадцати разъ иначе всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ вѣсть о «перлѣ», найденномъ въ грязи ихъ «мизернаго уѣзда», и занялись снова, какъ и губернскія дамы, отрадною для самолюбія мыслью-выниманія «того перла изъ грязи».

Молодой лѣкарь, за красоту бакенбардъ и орлиный носъ носившій въ ихъ сокровенныхъ бесѣдахъ имя Сашки, выигралъ при этомъ въ общемъ мнѣніи на сто процентовъ. «Какъ! ѣздить въ стужу и метель за столько верстъ въ глушь, на хуторъ, вылѣчить, можно сказать, чудомъ, и ничего не взять! это непостижимо; это—ангелъ-благодѣтель,

изрѣдка только посѣщающій міръ и въ рѣдкіе случаи прикрывающій его крыломъ снисхожденія и безкорыстія».

II

«Благодѣяніе у насъ — это по-моему что-то среднее между ханжествомъ и отъявленнымъ взяточничествомъ, одна изъ ступеней, черезъ которыя идутъ къ хорошей карьерѣ».

Изъ одной передовой статьи.

Былъ вечеръ. Феничка значительно оправилась, но еще блѣдная и слабая, въ хорошенькой блузѣ, сшитой собственными руками, лежала въ своей комнаткѣ на кроваткѣ, полузавѣшанной старымъ ситцевымъ пологомъ. Свѣчка горѣла на притолкѣ высокой печи, освѣщая уголъ кровати, подушки, сундукъ, прикрытый коврикомъ, и вещицы Фенички на столѣ и на окнѣ: банки съ помадой и духами, гребенки, ножницы, рабочій ящичекъ, сочиненія Жуковскаго и Муравьева и нѣсколько туалетныхъ бездѣлушекъ, память школьнаго времени, пощаженныхъ еще матерью и отцомъ. Феничка полулежала, окутавъ ноги одѣяломъ и опершись спиной о груду подушекъ. Распахнувъ ленты бѣлаго, хорошенькаго чепчика на головѣ, она опустила усталую руку и смотрѣла на дверь. Дверь отворилась. Вошелъ лѣкарь.

— Что, Яковъ Антоновичъ, гдѣ вы были?

— У вашего батюшки; спорилъ все и убѣждалъ его.

— Въ чемъ это?

— Да все въ томъ же. Ну, съ чѣмъ это сообразно! Развѣ вы на то созданы, чтобъ на босу ногу ходить, да простужаться? Сгоряча-то вы и не то сдѣлать можете; да что же изъ того! Вѣдь наймитесь вы, поступите съ вашимъ обученіемъ куда-нибудь, такъ и вы сами будете спокойны, и работницу наймете домой. Эка уважительная причина: мыть кадки, обѣдъ стряпать, коровъ доить! Да на это нужно какую-нибудь Матрену въ пятнадцать пудовъ вѣсомъ, а не васъ!..

— Я думала лично присмотрѣть за стариками.

Лѣкарь засмѣялся.

Феничка повернулась въ подушкахъ и вздохнула.

— Яковъ Антоновичъ!

— Что-съ?

— Вы давно въ городѣ были?

— Вчера.

— Ну, какъ тамъ? очень весело?

— Извѣстное дѣло: святки, отплясываютъ, катаются, обѣды задаютъ, влюбляются...

— А вы влюблены?

— Я-то?

Феничка кивнула ему головой и, улыбнувшись, стала съ подушки пристально смотрѣть на него. Лѣкарь поправилъ золотыя очки, тревожно оглянулся по комнатѣ и, припавъ къ кровати, полушопотомъ произнесъ:

— Я васъ давно люблю, крѣпко люблю... А ты меня, Феня, любишь?

Евфимія Ивановна на это неожиданное признаніе сперва-было откинулась къ стѣнѣ. Но лѣкарь очень ловко схватилъ ее за руку. Какъ видно, онъ въ этомъ былъ уже довольно опытенъ.

— Скажите же мнѣ... Скажи мнѣ, ты меня любишь?

И онъ опять поправилъ золотыя очки.

Оттого ли, что Феничка въ свою болѣзнь успѣла его оцѣнить и полюбить, оттого ли просто, что, благодаря замкнутости и непрактичности своего воспитанія, она составила въ головѣ самыя дикія, неестественныя и отвлеченно-туманныя понятія о человѣкѣ и о любви, и теперь, какъ это случается сплошь да рядомъ, кинулась съ своею любовью и невинностью къ первому попавшемуся мужчинѣ,—только прошло нѣсколько дней, и Феничка уже отвѣчала пожатіемъ на пожатіе руки лѣкаря, и уста ихъ, какъ говорилось въ романахъ г. Воскресенскаго, наконецъ, слились въ безконечный поцѣлуй...

Нечего прибавлять при этомъ, что матушка въ означенное время лежала безъ ногъ, а батюшка былъ въ отсутствіи. Лѣкарь очень поздно, почти на зарѣ, уѣхалъ съ хутора въ городъ.

— Да вы, мамочка, да ты, душка, скажи мнѣ,—говорилъ онъ, сладко разставаясь съ больною:—скажи мнѣ по-правдѣ: хочешь, я устрою твою судьбу и вовѣки тебя не оставлю?

Феничка въ томленьи смотрѣла на него и не медлила отвѣтить:

— Яковъ Антоновичъ! Отнынѣ судьба моя въ вашихъ рукахъ. Что̀ вы мнѣ скажете, то я и сдѣлаю; убѣжимъ хоть на край свѣта!

— Ну, на край свѣта нечего бѣжать. А вотъ что! Есть у меня одна пріятельница, дамочка, тутъ верстахъ въ семнадцати живетъ. Я не то, что у нея домашній врачъ, хотя прежде ее и лѣчилъ, а она, собственно, въ меня влюблена; ну, я попрежнему къ ней изъ жалости и ѣзжу. У нея два мальчишки сына, одному семь, а другому восемь лѣтъ, и она ищетъ гувернантки. Домъ отличный, и она сама—божество доброты и любезности. Хотите... хочешь, я тебя туда пристрою? цѣлковыхъ триста въ годъ дастъ, и къ тому же платье и все готовое!

Феничка вздохнула.

— Ахъ, Яша, я одного боюсь: ты меня тамъ при ней ужъ не будешь такъ любить!

— Какъ можно! Тамъ-то и легко, тамъ-то мы и будемъ видѣться. У нея дремучій садъ... Я къ ней постоянно по пятницамъ и по понедѣльникамъ ѣзжу, подъ предлогомъ золотухи у старшаго сына. А цѣлковыхъ триста навѣрное дастъ. Я ужъ устрою.

Условія приняты. Старикъ и старуха Басорскіе были уговорены, со слезами и причитаньями отпустили дочку, говоря, что хоть и жалко имъ такъ остаться на дряхлости безъ опоры, и она уже дѣвка на выдачѣ, и женихъ есть, ну, да Богъ съ ней, пусть идетъ въ добрые люди хлѣбъ добывать, авось и ихъ не забудетъ. При переѣздѣ дочки къ госпожѣ Черпаковской, батюшка съ матушкой не забыли, однако, взять впередъ деньги за полгода и конфисковали еще часть ея бѣлья, кое-что изъ новаго платья и шубку, ссылаясь на то, что коли барыня добрая, то и нашьетъ ей всего этого.

Барыня, дѣйствительно, была добра. Приняла она Феничку по первому слову доктора. Увидя ее, тревожно оглянула ее съ ногъ до головы и, тутъ же посмотрѣвъ на себя и на свои красы въ зеркало, успокоилась и сказала съ улыбкой:

— Очень рада, моя милая; только какъ вы худы и блѣдны!

Въ этомъ замѣчаніи слышалась невольная радость. Яковъ Антоновичъ, какъ увѣрялъ ее не разъ, любилъ полныхъ и аппетитныхъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія и разспросовъ о родителяхъ, Лукерья Романовна Черпаковская, имѣвшая красное въ пятнахъ лицо, какъ у голландскаго матроса, и сѣдоватые усы на верхней губѣ, встала съ дивана, отряхнулась, сказала:—«а вотъ мы теперь и за урокъ!»—и поплыла въ волнахъ юбокъ въ отведенную гувернанткѣ комнату.

Мальчишки были представлены гувернанткѣ съ книгами, очиненными карандашами, перьями за ухомъ и перепачканными пальцами и куртками. Феничка, затянутая въ бѣлое кисейное платье, сшитое тайкомъ отъ матери на часть задатка помѣщицы, сѣла, облокотила о столъ блѣдныя, еще худощавыя руки и съ тревожнымъ біеніемъ сердца, чуть шевеля губами, начала урокъ. Старшій, золотушный Миша, предсталъ первый.

— Вы заповѣди учили?

— Учили; и еще дальше, еще *Вѣрую*.

— Ну, какая пятая заповѣдь?

Ученикъ запнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этой не училъ, а училъ только вотъ до сихъ поръ! — И онъ ткнулъ грязнымъ пальцемъ въ перепачканную и чуть живую страницу.

— Да, они только до сихъ поръ учили!—замѣтила мать, слѣдившая первый урокъ съ тревожнымъ любопытствомъ.

Выступилъ Коля съ голубыми глазами на выкатъ, какъ два стеклянныхъ яйца. Этотъ уже просто оказался способнымъ болѣе ковырять въ носу и глядѣть по сторонамъ, чѣмъ слышать и понимать что̀ бы то ни было въ урокѣ. Онъ тутъ же устремилъ все свое вниманіе на муху, ожившую гдѣ-то за печью и начавшую перелетать то на плечо учительницы, то на гребень въ ея волосахъ, то̀ на песочницу и изрѣзанную книжку географіи. Три раза гувернантка спросила, сколько дважды три, и потомъ, какой главный городъ въ Россіи. Мальчикъ почесался за спиной, переступилъ съ ноги на ногу, и вдругъ носъ его началъ безъ видимой причины сопѣть.

— Ахъ, чуть ли и у него не золотуха!—сказала съ нѣжностью мать и заставила его высморкаться въ собственный свой платокъ, поцѣловала его и ушла, сказавъ учительницѣ:—душенька, вы его берегите и поменьше мучьте уроками; онъ мнѣ напоминаетъ своего отца!—Послѣднія слова сказаны были по-французски.

Урокъ былъ вскорѣ конченъ, оставивъ въ мысляхъ Фенички одну пустоту и невыразимую скуку. Она ясно видѣла, что битва съ головами ребятишекъ стоитъ любой битвы жизни, но еще болѣе видѣла она, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго призванія и способности къ наукѣ обученія, что сама она еще дитя, которому надо учиться, и что, нако-

нецъ—увы!—и это самая горькая истина—въ эти два года изъ ея головы вылетѣли всѣ книги и тетрадки, вызубренныя ею въ заведеніи, до того, что она сомнѣвалась, ужъ училась ли она когда-нибудь этимъ книжкамъ и тетрадкамъ, и, задавая какой-нибудь вопросъ ребенку, она съ тревогою думала: «а что, какъ онъ возьметъ у меня изъ рукъ книгу, закроетъ и скажетъ: а ну-ка, не смотря туда, сами отвѣтьте, когда основанъ Римъ, сколько было въ древности патріарховъ и кто взошелъ на русскій престолъ послѣ Іоанна Калиты?»

Яковъ Антоновичъ Семереньковъ, лѣкарь, попрежнему ѣзжалъ къ Черпаковской и заставалъ Феничку за уроками. Наступила весна; кругомъ чирикали птички. Воздухъ былъ точно напоенъ паромъ молодого вина. Жилки на вискахъ Фенички бились усиленно. Въ ушахъ былъ звонъ, въ сердцѣ неизъяснимая томительная тревога. Въ то время, какъ ученикъ передъ нею рапортовалъ скороговоркою: «Попрыгунья стрекоза лѣто цѣлое пропѣла... Ты все пѣла, это дѣло, такъ поди же—попляши!»—Семереньковъ сбоку нашептывалъ, то по-русски, то по-французски:

— Вотъ и хорошо, и мило, жизненочекъ, что вы тутъ, и мы съ вами видимся! А то, въ самомъ дѣлѣ, вздумали разыгрывать положеніе малютки, который «Велизарію шлемъ нося, просилъ для Бога пищи лишь дневныя!» Теперь и батюшка вашъ сытъ, и мы неразлучны; пойдемте въ садъ!

Миша съ Колей усылались посмотрѣть, гдѣ мамаша, а докторъ съ гувернанткой, пока она возилась въ кладовой, закрывали урокъ и шли въ садъ собирать цвѣты. Вообще же Черпаковская мало подозрѣвала Якова Антоновича и была совершенно спокойна. Такъ прошло три или четыре мѣсяца. Иногда она съ гувернанткой пускалась даже въ сокровенныя объясненія.

— Ахъ, ма-шерчикъ, — говорила она, оправляя передъ зеркаломъ къ пріѣзду Семеренькова на своемъ плотномъ станѣ какую-нибудь новую шнуровку или платье: — я чувствую... я предполагаю, по нѣкоторымъ признакамъ, по таліи, что я буду скоро счастливѣйшая женщина.

Феничка на это только молча и нѣжно припадала къ ея плечу. Барыня не замѣчала, что сама перешиваетъ платья отъ жиру, а у гувернантки, наоборотъ, появляются безъ причины, ежедневно, то головокруженіе, то тошнота, то быстрые переходы отъ веселья къ слезамъ и особенная блѣдность лица.

Сидѣла какъ-то передъ вечеромъ Черпаковская на крыльцѣ въ садъ, съ сосѣдкою по имѣнію, госпожею Чуланчиковою, слывшею первою особою въ кругу благотворителей и благотворительницъ уѣзда и даже губерніи. Дѣти съ гувернанткой и лѣкаремъ пошли рвать къ пруду ежевику. Черпаковская, на языкѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не хотѣла уступить сосѣдкѣ въ дѣлахъ добра, и потому теперь обѣ барыни просто надсѣдались, хвастая своими поступками.

— Вы не повѣрите, ахъ, вы не повѣрите! — говорила госпожа Чуланчикова, богомольная помѣщица, взроствившая у себя какую-то сироту-племянницу:—какое счастіе оказать благодѣяніе! Я моей Фросинькѣ ничего не жалѣю; теперь ее выдала за хорошаго человѣка, за гусара, и все ей откажу— и Марьевку, и Дарьевку, и Коростели. Я же, бѣдная вдова, умру какъ-нибудь; авось она меня на старости не покинетъ...

Фросинька, дѣйствительно, вышла замужъ. Но мужъ въ первыя же сутки узналъ, къ сожалѣнію, что она больна неизлѣчимою падучею, что было скрыто тетушкой-благодѣтельницей. Судьба этой Фроси, замѣтимъ кстати, разыгралась впослѣдствіи очень грустно: падучая навредила во время родовъ: она умерла, оставивъ чахоточнаго сына. Чуть племянница закрыла глаза, тетушка тонкимъ образомъ выпроводила гусара-мужа ея изъ деревни, сказавъ, что она обѣщала сдѣлать счастливою племянницу, а не его, и взяла на попеченіе новорожденнаго. Съ нимъ началась та же исторія. Она выхолила его чуть не въ хлопкахъ, трубя всѣмъ о своихъ пожертвованіяхъ, и выростила въ качествѣ своего наслѣдника. Мальчикъ, мѣняя въ годъ, черезъ безалаберность вздорной бабы, по три, по четыре пансіона, вышелъ, наконецъ, съ поползновеніями пожить тепло, поѣсть сытно и прожить вѣкъ, сложа руки и ничего не дѣлая, какъ наслѣдникъ 3,000 десятинъ. И что же? Благодѣтельница умерла. Вскрыли завѣщаніе—она отказала все свое имѣніе, бывшее благопріобрѣтеннымъ черезъ мужа, какому-то стряпчему Фролу Терентьевичу Балаболкину, о которомъ прежде и помину не было, съ тѣмъ, чтобы тотъ имѣніе распродалъ и деньги за него роздалъ бѣднымъ... Многіе эту госпожу за такое поведеніе возславословили. Но круто пришлось сиротѣ-наслѣднику: кинулся онъ туда-сюда—ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ. Вспомнилъ объ отцѣ, котораго ни разу не видѣлъ. Совѣстно, видно, стало уже идти къ нему за ми-

лостыней, онъ и повѣсился у могилы всѣми оплакиваемой бабушки.

Но этого еще не было, когда шли событія нашего разсказа, и благодѣтельная выдача замужъ племянницы за гусара была еще въ сильномъ ходу у сосѣдки Черпаковской.

— Я вотъ тоже, — замѣтила послѣдняя на хвастливую обмолвку сосѣдки:—я тоже пристроила у себя одну сироту, Яковъ Антоновичъ рекомендовалъ. Такая тихая, знающая... мамзель Басорски...

Съ этими словами глаза Черпаковской, устремленные въ садъ, неожиданно обратились къ окну въ гостиную, и она тревожно насторожила уши. Ей показалось, что черезъ гостиную, изъ комнаты гувернантки, раздался затаенный смѣхъ и кашель.

— Да, подите вы! — говорила сосѣдка:—одна Марьевка моя чего стòитъ, да Дарьевка, а о своихъ заботахъ я и не говорю...

Смѣхъ сталъ явственнѣе. Черпаковская вскочила, какъ съ огня, выпрямилась и быстро пошла черезъ гостиную. И что же представилось ея взорамъ?—Феничка сидѣла, обнявшись съ молодымъ эскулапомъ, и послѣ неосторожнаго веселаго смѣха о чемъ-то, готовилась уста свои и его слить въ новый безконечный поцѣлуй... Боже мой, что произошло при этомъ!

— Какъ? такъ для этого я тебя, дрянь-мерзавка, пригрѣла, чтобъ ты шуры-муры тутъ заводила!? Вонъ!..

Феничка выскочила на крыльцо, въ чемъ была. Ее посадили въ какую-то телѣгу и умчали въ городъ. А лѣкарь потерпѣлъ еще болѣе. Сосѣдка Чуланчикова увѣряла, крестясь и отплевываясь, что своими глазами видѣла, какъ Черпаковская выбѣжала вслѣдъ за нимъ простоволосая, съ упавшимъ на спину чепцомъ, и гнала его черезъ дворъ и часть улицы, не то метлой, не то кочергой, ударяя по чемъ ни попало. Скандалъ былъ произведенъ общій, и всѣ надолго, чуть ли не на годъ или болѣе, оставили посѣщать домъ Черпаковской...

Но странное дѣло! Лѣкарь опять при этомъ выигралъ. Молодая часть мѣстнаго общества, падкая на романическіе случаи, рѣшительно стала на его сторону. Онъ до того возвысился въ общихъ толкахъ, что пріобрѣлъ значительно въ практикѣ и уже пріѣзжалъ въ каждый домъ не иначе, какъ съ улыбкой. Одно вредило ему у мѣстной власти, носившей

чинъ городничаго и падкой до мистицизма: онъ все отнѣкивался жениться на Феничкѣ Басорской. Хотя первые два мѣсяца онъ даже давалъ ей кровъ, пищу и спокойствіе, у одной вдовы мѣщанскаго сословія, подъ видомъ того, что черезъ него она «невинно пострадала», однакоже, умѣлъ ловко обойти этотъ щекотливый для себя вопросъ, на Феничкѣ не женился, остался также уважаемымъ и любимымъ всѣми, и даже, перечислившись въ губернскую больницу, сталъ съ успѣхомъ свататься за дочку зажиточнаго купца.

А Феничка? — Некому было за нее вступиться. Къ отцу и къ матери она боялась показаться въ такомъ положеніи и рѣшилась, послѣ ряда жгучихъ сценъ съ лѣкаремъ, прибѣгнуть къ другой обывательницѣ уѣзднаго города, знавшей ее прежде, и бросивъ окончательно лѣкаря, послала ему обратно всѣ его вещи и подарки, платья, часы, шляпки, мебель и ковры. Семереньковъ все это принялъ съ благодарностью и написалъ къ ней съ посланнымъ, что она еще забыла возвратить ему двѣ голландскія рубашки, вышитыя кружевами, а что онѣ ему нужны при отъѣздѣ въ губернскій городъ.

Городская обывательница, пріютившая Феничку, была тихая труженица. Вдова покойнаго учителя русской словесности и штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, она происходила изъ сословія мѣстныхъ крѣпостныхъ людей, познакомилась съ покойнымъ мужемъ, будучи по найму въ купеческомъ домѣ, полюбилась ему за румянецъ щекъ, густоту темной косы, полноту плечъ, и черезъ два года истинной любви обвѣнчалась съ нимъ и до конца его дней сохранила при немъ ту же неподдѣльную доброту души, мягкость нрава и силу непритворной любви. Этотъ учитель былъ чудакъ. Перейдя изъ гимназіи къ сану педагога, онъ предался непомѣрной честности въ исполненіи долга и писанію стиховъ. Составивъ книжонку лирическихъ пѣсенъ, онъ отпросился на вакансіи въ губернскій городъ, тиснулъ ее и послалъ въ Петербургъ, при письмахъ къ двумъ журналистамъ.

Одному, бывшему уже въ большомъ чинѣ, имѣвшему теплую квартиру и значительный доходъ, онъ написалъ по его печатному адресу простодушно-льстивое письмо, прося похвалъ и прилагая письмо къ другому журналисту, безчиновному бѣдняку и кумиру тогдашней молодежи, говоря

что не знаетъ, куда ему писать. Чиновный журналистъ, какъ и слѣдовало ожидать, расхвалилъ уѣздную музу, сказалъ, что восходитъ новая звѣзда поэзіи, привелъ нѣсколько жалкихъ отрывковъ изъ книжки и тутъ же прибавилъ, въ обращеніи къ дамамъ, что его знаетъ вся Россія, знаютъ даже, гдѣ онъ живетъ, а что есть люди опасные въ литературѣ, къ которымъ онъ хотя по порученію и относится, но съ ними не знается. Журналистъ-бѣднякъ пролилъ на книжку всю свою желчь, называлъ автора чистѣйшею бездарностью и съ увлекательно-жгучею откровенностью во всеуслышаніе взывалъ къ сочинителю, напоминая ему о долгѣ жизни, о правдѣ и о положительной любви къ ближнимъ.

Учитель бросилъ печатать, зарылся оскорбленный, сгорая отъ стыда, въ свои дѣла и въ десять лѣтъ успѣлъ сдѣлать столько для училища, сколько передъ нимъ не сдѣлали другіе въ сорокъ лѣтъ. Мальчики его боготворили. Не было и съ его стороны дня и минуты, когда бы онъ съ благоговѣніемъ не произносилъ имени строгаго критика. Послѣднюю копейку тратилъ, скупая журналъ, гдѣ онъ печатался, и вырывая оттуда его статьи; каждаго заѣзжаго морилъ разспросами о человѣкѣ, убившемъ его литературныя дѣтскія надежды и сдѣлавшемъ изъ него человѣка. Зато журналистъ-хвалитель, разоблаченный однимъ студентомъ, привезшимъ въ тотъ уголъ всѣ пасквили на него, писанныя отъ вдохновеннаго пера Пушкина до послѣдняго изъ поэтовъ молодого поколѣнія, сталъ для него чѣмъ-то неисчерпаемо позорнымъ, дикимъ и гадкимъ. Послѣдній мальчикъ въ школѣ уже зналъ въ настоящемъ свѣтѣ это имя, и даже сама Глаша, сожительница учителя, въ толкахъ о какой-нибудь уѣздной гадости, ссылалась на позорное имя этого журналиста.

Библіотека учителя наполнялась свѣтлыми созданіями духовныхъ дѣтей Пушкина и Гоголя. Онъ жадно слѣдилъ за наукой и поэзіей. Читая передъ смертью тоже почти предсмертную критическую поэму своего любимца, гдѣ мелькнули огненныя слова: «если мы сойдемъ съ поприща свѣта, одно насъ утѣшаетъ — литература русская бросила путь болѣзненнаго романтизма, побрякушекъ и всякихъ непризнанныхъ геніевъ и пошла по пути другому, гдѣ уже мерцаетъ свѣточъ истины и добра», — бѣднякъ уронилъ книгу, заплакалъ и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «ахъ,

Глаша! все хорошо да жутко мнѣ умирать—пусть онъ меня корилъ; да за что этотъ-то меня хвалилъ? Вѣдь онъ хвалилъ только подобныхъ себѣ!»

Феничка видѣла этого учителя у Черпаковской и была очарована его особенною, задушевною рѣчью.

Теперь она явилась къ его вдовѣ, потому что та оставалась безъ куска хлѣба, жила уже второй мѣсяцъ, распродавая книги покойника, которыхъ, между тѣмъ, никто не хотѣлъ брать, и начавъ съ горя заниматься повивальнымъ искусствомъ. Феничка скрыла свои слѣды отъ отца и матери и явилась, привезя съ собою только ящикъ съ необходимою одеждой и даровыми школьными книгами. Она условилась съ Глафирой Ивановной брать работу и шить, а та продержитъ ее, пока ей можно будетъ снова явиться въ свѣтъ. Горестны были дни этихъ двухъ страдалицъ. Работы почти не отыскивалось, и по цѣлымъ днямъ иной разъ онѣ сидѣли безъ куска хлѣба. Наконецъ, какъ-то въ февралѣ, священникъ въ комнаткѣ Глафиры Ивановны окрестилъ новорожденную дѣвочку, дочь Фенички, думавшей еще такъ недавно, что любовь кончается одними поцѣлуями и что новорожденныхъ дѣтей находятъ въ огородахъ, подъ лопушкомъ,—благословилъ спасенную мать и отъ неизвѣстнаго—это былъ онъ самъ—оставилъ на зубокъ ребенку десять рублей серебромъ.

Нищета двухъ сожительницъ перешла всякій предѣлъ. А языки работали: Глафиру Ивановну уѣздныя сплетницы ненавидѣли за покойнаго мужа, ученаго гордеца, не шедшаго къ нимъ съ поклономъ, а Феничку ежедневно распинали просто изъ какого-то дилетантизма.

Священникъ попытался-было съѣздить къ уѣздному предводителю, съ предложеніемъ открыть для несчастной Басорской подписку; куда тебѣ! Насилу ноги унесъ. Было натолковано тутъ и о попранной нравственности уѣзда, и о соблазнѣ окружающихъ, и чуть не затѣяли бѣдную постоялицу Глафиры Ивановны предать суду. Прибавлять ли еще къ этому, что мать и отецъ Фенички притащились къ ней, сдѣлали жалкую, вопіющую сцену и прокляли ее... Съ той поры входъ для нея, въ качествѣ гувернантки, былъ закрытъ во всѣ дома уѣзда и губерніи.

Добрая Глаша просто убивалась и таяла отъ того, что у нея не покупали библіотеки покойнаго мужа.

Но крѣпко держалась душа у одной Фенички. Кое-какъ перебиваясь, она продала все, что̀ имѣла, послѣднія вещицы и бездѣлушки, платье и сочиненія Муравьева, но съ Пушкинымъ, найденнымъ въ библіотекѣ мужа хозяйки, не разставалась. Въ немъ для нея олицетворялась та нравственная жизнь, тотъ свѣтъ науки и мысли, которыми она запаслась, хотя не скоро, вершками и одними намеками, въ заведеніи. Тутъ только она поняла, что какъ ни страшно-тяжело, какъ ни убійственно было ея положеніе, она готова была умереть голодною смертью, но не отдала бы своихъ, даже мелкихъ знаній за тотъ жирный и барскій покой, которымъ пользовались окрестныя тупоумныя и безголовыя барышни.

Она плакала горькими слезами, проклинала ту форму, въ какой пришла къ ней наука, тѣ пріемы, гдѣ она не приняла знанія ни свѣта, ни людей, и пала, обманутая первымъ негодяемъ, — но не роптала на себя за науку. Наука пробудила въ ней въ горькую минуту дремавшую природу, самосознаніе проникло въ душу и сердце, она съ замирающимъ восторгомъ ухватилась за чтеніе обширнаго собранія книгъ покойнаго мужа Глаши, погружаясь по мѣрѣ чтенія въ какія-то особенно крѣпкія, гордыя и насмѣшливо-торжествующія грёзы. Ни днемъ, ни ночью уже не покидалъ ее поэтъ, который говорилъ, сходя съ поединка за честь и свое сердце въ преждевременную могилу:

«Но долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!»

Между тѣмъ, перепала кое-какая работа отъ пріѣхавшей судиться съ сосѣдкой одной барыни-франтихи.

Феничка оправилась и уже ходила. Долги въ мучной лабазъ и въ лавки кое-какъ были заплачены.

Попыталась Феничка предложить барынѣ свои услуги учительства дѣтей ея на отъѣздъ, въ другое имѣніе барыни, за три губерніи далѣе, чтобы забыть и память своего околотка. Барыня сказала, что подумаетъ, и черезъ недѣлю, уѣхавъ въ спокойномъ дормёзѣ, отказала записочкою на раздушенной бумажкѣ.

Въ запискѣ говорилось, что она не понимаетъ, какъ мамзель Басорская рѣшилась предлагать ей свои услуги, послѣ того, что̀ съ ней было, о чемъ весь городъ и въ особенности супруга судьи знаетъ, и какъ ея присутствіе по-

дѣйствуетъ на неопытныхъ крошекъ-дѣтей, когда на жизни ея лежитъ тяжелое, несмываемое преступленіе. Въ заключеніе совѣтовалось сходить въ Кіевъ на богомолье.

Феничка, прочтя это посланіе, невольно призадумалась.

III.

«Сударыня! у васъ еще не все погибло. Смотрите, еще у васъ есть благотворительныя особы, жаждущія вамъ помочь!»

Изъ увѣщательнаго письма одного филантропа-чиновника.

Прошелъ тяжелый, горькій годъ. Кое-какъ промаявшись, прожила Феничка. Она съ отчаянія давно уже была готова на все махнуть рукой. Въ этотъ годъ нѣсколько мѣсяцевъ стоялъ въ городкѣ одинъ кавалерійскій полкъ. Общество оживилось, зашумѣло. Пошли собранія, вечеринки, катанья за городъ. Дамы разорились, справляя визитныя платья и стараясь затереть нарядами полковыхъ дамъ. Феничка, не покидавшая иглы, не слишкомъ, однакожъ, поддавалась любезностямъ кавалеристовъ, сразу отыскавшихъ въ темномъ окошечкѣ глухого переулка ея картинное личико. Офицеры просто дежурили у переулка, гдѣ она жила, сѣти были разставлены ловкія. Ничто не щадилось, даже Глаша явилась какъ-то съ запасами всякихъ снадобьевъ для дома, съ парою ситцевыхъ кусковъ на платье и заячьимъ мѣхомъ на шубу, увѣряя, что прислали родичи изъ ихняго выселка, и стала посматривать на Феничку глазами, пылавшими соблазномъ и особенною улыбкою. Феничка ее разбранила и привела въ слезы. По отходѣ полка, городскія барыни, дѣйствительно, указывали на Феничку, которая изъ-за угла, въ платочкѣ, смотрѣла, какъ выѣзжали офицеры. Но опредѣленнаго ничего не было, и язвительныя догадки далѣе не шли.

Но вотъ терпѣніе Фенички лопнуло. Работы опять истощились. Глафира Ивановна свела дружбу съ какимъ-то становымъ и собиралась переселиться къ нему въ участокъ, въ качествѣ няньки его сиротъ. Феничка ударилась-было еще съ предложеніемъ гувернантки въ два-три мѣста. Ей отказали и она рѣшилась прибѣгнуть къ памяти своихъ былыхъ подругъ. Съ замирающимъ сердцемъ сѣла она, написала три письма: одно къ княжнѣ *Раисѣ Вонзковской*

написавшей ей когда-то кровью изъ пальца клятвенное обѣщаніе помочь ей въ случаѣ нужды; другое къ *Мери Кахновичъ*, учившей ее когда-то шить broderie anglaise и бывшей дочерью значительнаго чиновника Рязанской губерніи, и третье къ *Пашенькѣ Булавеньевой*, хотя тоже бѣдной дочери учителя рисованія при родномъ ей заведеніи, но важной потому, что она предполагала жить гувернанствомъ и могла узнать поэтому хорошія мѣста.

«Душечка Раичка, или нѣтъ — ваше сіятельство, Раиса Владиміровна!—начиналось письмо къ первой:—вспомните нашу дружбу, наши мечты, грёзы, клятвы и обѣщанія. Теперь пришелъ случай взывать къ вашему милосердію: я въ крайней нищетѣ. Денегъ мнѣ не нужно, но умоляю пріискать въ вашей окружности мнѣ мѣсто учительницы при дѣтяхъ или компаньонки въ семейномъ домѣ. Условія какія угодно; лишь бы мнѣ избавиться отъ нищеты, не скрою, угрожающей даже голодною смертью».

Второе письмо говорило: «Меричка! помнишь, какъ я за тебя рѣшила задачу изъ математики и написала сочиненіе по-нѣмецки. Теперь требую и отъ тебя помощи: попроси твоего отца, который, кажется, статскій генералъ и служитъ въ столичной уголовной или гражданской палатѣ, пріискать мнѣ мѣсто. Я сейчасъ пріѣду».

Въ третьемъ повторялось почти то же самое, съ прибавленіемъ только просьбы поклониться старому отцу Пашеньки, Петру Ѳедотычу, который, кажется, писавшую любилъ и всегда ей ставилъ за рисунки пять.

На первое письмо пришелъ отвѣтъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Княжна писала смѣсью французскаго съ англійскимъ языкомъ, говорила, что за ней ухаживаетъ тьма жениховъ, что она у дяди, на Вислѣ, живетъ въ богатѣйшемъ замкѣ, что носитъ такіе-то и такіе-то наряды, а что въ модѣ, впрочемъ, много шелку и бархату; просила Феничку завернуть къ ней когда-нибудь погостить, а чтобы, впрочемъ, она не хандрила (слово поставлено русское французскими буквами: не khandrilla) и сама влюбилась въ какого-нибудь хорошенькаго улана или кирасира. Княжна совершенно не поняла письма и просьбы Фенички.

На второе письмо отвѣтила не сама Мери Кахновичъ, а ея папенька, статскій генералъ, и отвѣтилъ съ отмѣнною

аккуратностью, въ первую же почту:—«Милостивая государыня, Евфимія Ивановна! Ваше почтеннѣйшее письмо застало мою Машеньку ужъ въ замужествѣ, за коллежскимъ совѣтникомъ Веденѣевымъ. Да на сіе замѣчу, что она вамъ и не отвѣтила бы и я ее отнюдь къ тому бы не допустилъ. Ваша исторія съ докторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Семереньковымъ, здѣсь также оглашена. Вамъ остается смириться и возложить надежды и упованіе на милосердіе Божіе. А вслѣдствіе отношенія вашего къ дочери моей и вашей подругѣ, что вы въ нищетѣ, то посылаю вамъ при семъ 25 рублей серебромъ, съ чѣмъ имѣю честь быть, въ совершенномъ почтеніи и преданности, милостивая государыня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Андреемъ Васильевымъ, сыномъ Кахновичъ».

Третье письмо пришло вслѣдъ за вторымъ и совершенно смутило и повергло въ холодное и безвыходное отчаяніе Феничку.

Пашенька Булавеньева писала,—и Феничка тщетно усиливалась въ ея рѣчахъ угадать былую сверстницу своей отроческой жизни. Феничка помнила ту драму изъ ея жизни, когда она кончала курсъ. Пришествіе Феничкина отца за нею въ заведеніе пѣшкомъ обратило общее вниманіе. А между тѣмъ, Пашенька Булавеньева кончала курсъ въ то время, какъ старику Булавеньеву директриса должна была отказать отъ каѳедры рисованія потому, что его руки какъ-то неловко примерзли въ одну изъ зимъ, не прикрытыя щегольскими теплыми перчатками, когда онъ заблудился въ предмѣстьѣ города, поздно возвращаясь домой съ уроковъ,—и стали сильно трястись. Феничку проводили съ романтическими возгласами, а Пашенька перешла въ холодную комнату, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ приходилось жить круглый годъ на пенсіи огорченнаго отца. Старикъ недолго пожилъ: параличъ додѣлалъ его карьеру, и письмо Фенички застало Пашеньку уже на полной свободѣ. Пашенька, проживая уже въ сомнительно щегольскихъ комнатахъ, разодѣтая въ атласъ и въ блонды и разъѣзжая на пролеткахъ какого-то безсемейнаго купца, писала такъ: — «Ангелъ и шерчикъ Феничка! Все трынъ-трава на бѣломъ свѣтѣ. Я сама вздыхала горлинкой и точила слезы отчаянія; все это— чепуха. Теперь я пью шампанское, какъ гусаръ, танцую канканъ и читаю романы Дюма-сына и компаніи. Утѣшься

я ты. Спѣши, пріѣзжай къ намъ. Здѣсь въ той злачной юдоли, гдѣ я живу, не знаютъ ни печалей, ни воздыханій. Посуди сама, что мнѣ предстояло? Состарѣться старой дѣвой или выйти за чахоточнаго чиновника! Оглянись кругомъ себя и спѣши! Если ты любишь и читала Беранже, то вспомни его пьесу: «Je volerais vite, vite, vite, si j'étais petit oiseau!» Явись въ веселый, безцеремонный и вѣчнодовольный кругъ, гдѣ нынѣ обрѣтается и твоя вѣрная Пашета Булавеньева».

Истина во всей ея наготѣ представилась Феничкѣ. «Какое паденіе?.. Надо ее выручить!» повторяла она. Отверженная всѣми, забытая и оскорбляемая всѣми, она почувствовала приливъ невыразимѣйшаго негодованія. Предразсудки, клеветы, зависть и себялюбіе взяли свое. Послѣдніе шаги по пути чести были ею пройдены. Ѣхать въ другую губернію? Но съ какими средствами и куда пристроить ребенка?

Въ одно утро, собравъ свои небольшіе пожитки и запасшись частицей заработанныхъ трудомъ денегъ, Феничка отнесла свое дитя на время къ священнику, простилась съ своей хозяйкой и, договорившись съ какою-то купеческою четою, ѣхавшею въ тотъ же губернскій городъ, гдѣ она училась, отправилась въ путь. Остальная ея надежда была — прибѣгнуть, еще съ незапятнанною совѣстью, къ бывшей своей директрисѣ и упросить ее дать съ какимъ-нибудь мѣстомъ при заведеніи честный кусокъ хлѣба. Она прибыла въ городъ.

Было воскресенье.

Принарядившись въ чистое и бѣлое кисейное платье, прикрывшись платочкомъ, въ вязаныхъ перчаткахъ и подъ старенькимъ зонтикомъ, она подошла съ другими надеждами и вѣрованіями къ знакомому зданію. Швейцаръ, стоя у щегольской лѣстницы, не узналъ ея.

— Дома Анна Карловна?

— Дома, да никого не принимаютъ.

— Доложи, что пришла бывшая здѣшняя воспитанница Басорская.

Швейцаръ оглянулъ ее съ ногъ до головы и пошелъ докладывать. Феничку позвали.

Но продолжать ли мнѣ?.. Директриса, та же ласковая, строгая и чопорная дама, сидѣвшая постоянно у круглаго стола передъ диваномъ, въ то время, какъ лучшія восп-

таннипы сидѣли тутъ же поодаль, занимаясь работами и изрѣдка отвѣчая на ея вопросы, приняла Феничку озабоченно-нѣжно. Взоромъ велѣла остальнымъ дѣвицамъ выйти и усадила ее близъ себя.

— Все такъ, все такъ, моя милая! — говорила она на просьбы Басорской, державшей себя вообще пристойно и гордо: — я понимаю ваше положеніе! Вы, точно, хорошо кончили курсъ. Да что же мнѣ дѣлать! У насъ кровать на кровати, мѣста нѣтъ не только классным дамамъ, даже дѣтямъ. Всѣ должности заняты...

— Ахъ, maman, да вы примите меня хоть куда-нибудь хоть кастеляншей, за бѣльемъ смотрѣть; хоть...

Феничка не договорила. Директриса сидѣла, опустя глаза, мяла въ рукахъ платокъ и была очевидно въ волненіи.

— Притомъ же, — начала она: — не скрою отъ васъ, не хочу васъ обидѣть, здѣсь прошли... такіе... слухи... понимаете, моя милая!

— Боже мой, — заговорила Феничка и закрыла лицо руками:—вы меня призрите, отогрѣйте, защитите; вѣдь я ваша, я съ голоду умираю. Насъ одинъ Господь разберетъ, я ли виновата; а вы меня спасите, поднимите; вашъ голосъ заставитъ молчать другихъ. Я же не убійца, не воровка, не преступная... Ради моего ребенка, maman, защитите меня!

Директриса быстро встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, это невозможно,—оставьте меня.

Феничка встала, отерла глаза, хотѣла еще что-то сказать и молча пошла къ двери...

Добрая директриса, чуть стихли ея шаги, со слезами бросилась на колѣни передъ образомъ, — и воспитанницы изъ сосѣдней комнаты, сквозь дверь, видѣли, какъ она усердно молилась.

А между тѣмъ, внизу, у выхода, произошла сцена другого рода. Сходя по лѣстницѣ, блѣдная, безъ слезъ, измученная и чуть живая, Феничка встрѣтила институтскаго эконома, двоюроднаго брата директрисы, рьянаго поборника чистоты половъ, блеска притолковъ и дверей, огненной яркости замочныхъ ручекъ и печныхъ задвижекъ и врага хорошаго аппетита и исправныхъ желудковъ. Онъ всегда ненавидѣлъ Феничку за то, что та въ старшемъ классѣ открыто волновала свой столъ, бракуя то пахнувшую свѣчнымъ саломъ похлебку, то макаронный соусъ, куда неожи-

данно примѣшался таракан или цѣлая мышь, или выдаваемую за молоко неподражаемую смѣсь муки, масла и воды. Онъ узналъ ее сразу и сообразилъ въ мигъ, что посѣщеніе начальницы было для этой выпущенной пташки неблагополучно. Онъ поднялъ на лобъ очки, закинулъ голову назадъ, выставилъ ногу впередъ и, обращаясь къ Феничкѣ, сказалъ:

— Вы бы, сударыня, ноги вытирали. Мало еще намъ съ вами въ заведеніи было хлопотъ; а то еще съ воли приходите, шатаетесь тамъ, да ковры у насъ пачкаете. Дѣло нехорошее, сударыня, вотъ что...

Ничего не видя и не слыша, вышла Феничка на крыльцо. Она пріостановилась, ухватилась рукой за лобъ. Голова ея горѣла, глаза неопредѣленно блуждали. Въ это время подлетѣлъ на рысяхъ лихачь-извозчикъ. «Эхъ, барыня, прокачу, возьмите!» На другой день въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «изъ Фонтанки вынуто тѣло неизвѣстно какой дѣвицы, бросившейся въ воду съ Николаевскаго моста».

1860 г.

СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА.

РАЗСКАЗЫ.

I.

ПРАБАБУШКА.

Прабабушка моя, Анна Петровна Данилевская, въ дѣвичествѣ Плотникова, была фрейлиной великой княгини, впослѣдствіи императрицы Екатерины Великой, и умерла на восьмидесятомъ году жизни, болѣе пятидесяти лѣтъ безвыѣздно проведя въ родовомъ, степномъ селѣ мужа на Донцѣ. Она была небольшого роста, съ нѣжнымъ, бѣлымъ, въ тонкихъ морщинкахъ, какъ у эрмитажной старушки Дённера, лицомъ и съ большими карими ласковыми глазами. Въ молодости она играла на клавесинѣ, была изъ первыхъ въ придворныхъ веселостяхъ прошлаго вѣка и, любя цвѣты, зачитывалась романовъ Жанлисъ и повѣстей Мармонтеля. Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ, перевезенная въ деревню мужа, она была строгою хозяйкой и постоянно носила черное платье съ небольшимъ шлейфомъ, а подъ чепчикомъ, изъ собственныхъ сѣдыхъ косъ, на гребенкѣ, высокій шиньонъ, который крестьяне тѣхъ годовъ считали колтуномъ. Въ годы силы и здоровья, распутывая дѣла мужа, она съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, на длинныхъ самодѣлковыхъ дрожкахъ, шумѣла на работниковъ, вела приходорасходныя книги, щепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весною и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю ходила пѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ, къ ключу превосходной родниковой воды, чопорно провожаемая двумя гайдуками

изъ дворовой челяди, одѣтыми въ простыя, сѣрыя свиты и съ палками въ рукахъ. «Это—мои камеръ-пажи!»—шутила подвижная не по лѣтамъ старушка, съ пришпиленнымъ шлейфомъ пробираясь полями къ роднику, черпала серебрянымъ стаканчикомъ воды, отдыхала у картиннаго взгорья, поросшаго ракитами, надъ озеромъ, гдѣ бабы, громко горланя пѣсни, бѣлили холсты, и на возвратномъ пути успѣвала еще нарвать пучки лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ: голубыхъ пролѣсковъ, т.-е. подснѣжниковъ, тюльпановъ и дикорастущаго алаго горошка.

Подъ конецъ дней, теряя болѣе и болѣе силы, прабабушка Анна Петровна рѣдко уже покидала опочивальню во флигелѣ, рядомъ съ большимъ домомъ сына. Здѣсь, среди цвѣтовъ и клѣтокъ съ дроздами, да желтощекими жаворонками, прабабушка постоянно сидѣла на постели, въ бѣлоснѣжномъ высокомъ чепцѣ, всѣмъ и каждому ласково и привѣтливо улыбаясь.

Сюда къ утреннему кофе и къ цѣлованію прабабушкиныхъ ручекъ, вымытыхъ въ той же ключевой водѣ, по докладу сѣдого парикмахера Гаврюшки, носившаго на босу ногу башмаки и въ нихъ для прохлады соломенныя стельки, являлась вся огромная, давно угасшая семья: сынъ ея Иванушка, т.-е. мой шестидесятилѣтній дѣдушка, Иванъ Яковлевичъ, памятный въ семействѣ тѣмъ, что чинъ прапорщика гвардіи онъ получилъ еще въ колыбели и далѣе этого чина по службѣ не шелъ, потому что никогда не покидалъ деревни и тихо здѣсь состарился, среди хозяйства, псарни и втихомолку волокитства за сельскими красавицами. За ними шли внуки, т.-е. мой отецъ, дяди, тётки и вся остальная мелюзга правнучекъ и правнуковъ. Старушка кланялась, по тогдашнему придворному обычаю, полукругомъ, т.-е. разомъ всѣмъ, потирая руки приговаривая: «всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?» Поздоровавшись съ матерью, дѣдушка молча отходилъ въ сторону и, потирая хохолокъ сѣдыхъ волосъ, какъ я помню, пришпиленныхъ особою гребеночкой на лысомъ лбу, со вздохомъ садился къ окошку. О чемъ вздыхалъ дѣдушка? Болѣе, вѣроятно, отъ скуки. Также молча, съ реверансами, садились по стульямъ, вдоль стѣнъ опочивальни, и остальные; слушали комплименты старушки, отвѣчали на ея вопросы, пили кофе и, дѣлая новые реверансы, также церемонно расходились по своимъ аппартаментамъ и угламъ.

Казалось, вотъ рай земной; а дѣла, между тѣмъ, были здѣсь очень плохи. Дѣдушка, тихо вздыхавшій въ присутствіи матери, на сторонѣ любилъ покомпанствовать. Продастъ хлѣбъ, либо шерсть, и сейчасъ балъ. Отпросившись у матушки-сударыни въ отъѣзжія поля, онъ исчезалъ иногда по мѣсяцамъ. Вслѣдъ за нимъ, съ охоты наваливали ближніе и дальніе знакомцы. Экипажи наполняли дворъ. Окна большого дома освѣщались. Домашній оркестръ гремѣлъ съ хоръ. Свои пѣвчіе вторили ему изъ столовой. Пушки стрѣляли на дворѣ. Веселыя пары носились въ экоссезѣ и котильйонѣ. Иной разъ и прабабушка Анна Петровна, въ такіе дни, оставляла опочивальню, надѣвала парадный бѣлый робронъ, выходила изъ флигелька, крытаго камышомъ, являлась въ домъ Иванушки, въ высокую залу, увѣшанную портретами предковъ, и играла въ бостонъ, либо, подъ музыку Сарти, церемонно и важно шла съ кѣмъ-либо изъ гостей посановитѣе въ польскій.

Отъѣзжія поля и пиры окончательно разорили состояніе Иванушки. Доходило до того, что въ зимніе вечера, скучая недостаткомъ гостей, онъ высылалъ верховыхъ на ближніе и дальніе проселки и, кто бы тамъ ни ѣхалъ, всякаго чуть не насильно принуждали сворачивать въ гости въ его усадьбу. А между тѣмъ, зачастую слуги, носившіе при гостяхъ фраки, безъ гостей понедѣльно сидѣли на кашицѣ. Прабабушка не знала положенія дѣлъ Иванушки и умерла, считая его хорошимъ хозяиномъ. Дѣдушка утѣшилъ ее особенно тѣмъ, что лѣтъ за тридцать до ея кончины, въ видахъ, впрочемъ, размноженія дичи, засѣялъ сосной болѣе пятисотъ десятинъ сыпучихъ песковъ по берегу Донца, и весь этотъ боръ принялся и выросъ на удивленіе, за что̀ дѣдушкѣ былъ пожалованъ орденъ Владиміра.

На такое чудо, исполненное крѣпостными работниками, съѣзжались смотрѣть многія важныя особы, губернаторъ, архіерей, профессора сосѣдняго университета, а потомъ и самъ графъ Аракчеевъ, по близости съ помѣстьемъ прабабушки также дѣлавшій чудеса, а именно: вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ-называемыя военныя поселенія. Прабабушка сама была не прочь еще въ недавнія времена подеспотствовать, причемъ Иванушка, съ вѣдома ея, ковалъ въ кандалы тѣхъ дѣвокъ и парней, которые на селѣ по ея

выбору не желали въ обычные сроки вѣнчаться. Но она не одобрила ни графа Аракчеева, ни тѣхъ мѣръ, которыми онъ вводилъ близъ нея эти поселенія. «Пріѣхалъ онъ, машеръ, представьте,—передавала она по секрету мелкой сосѣдкѣ, ѣздившей къ ней по праздникамъ съ поклономъ: — пріѣхалъ, живодёръ, выстроилъ подъ Чугуевымъ цѣлую слободу, навалилъ розогъ, а въ сторонѣ велѣлъ, на всякій случай, припасти нѣсколько готовыхъ гробовъ и сталъ это сѣчь непокорныхъ. Однп сѣкутъ, а другіе своимъ тутъ же и могилы роютъ! Сѣкъ онъ этакъ мужиковъ, сѣкъ и бабъ. Одна бабёнка со страху-то, монъ-кёръ, вырвалась изъ-подъ розогъ, да въ безпамятствѣ къ гробамъ-то... А графъ и крикнулъ: не бойся, красавица, выбирай любой; какой хочешь, дамъ на погребеніе! Этакой мужикъ, капральщина! Никакой тонкости! Такіе ли душегубы въ наши дни власть имѣли? Невѣжда-азіятъ! Хоть и графъ, да еще и Александровскій кавалеръ».

И когда графъ Аракчеевъ съ адъютантами и командирами новоиспеченныхъ южныхъ поселеній, нежданный и непрошенный, налетѣлъ въ тихій Пришибъ, помѣстье прабабушки, съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ это одинъ человѣкъ могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною, прабабушка Анна Петровна, оказывая властямъ должный решпектъ, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и разсказать его сіятельству, царскому фавориту, все, что̀ нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, увидѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру надутаго «азіята», вылѣзавшаго изъ высокой, запыленной поселенской брички, а при случаѣ даже дала ему и почувствовать немалую долю своего негодованія и пренебреженія.

Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленной живности, но лакеи не первому ему подносили кушанья! А когда графъ Аракчеевъ, сбившись въ хронологіи какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ повѣствовалъ предъ затянутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно каплуна, спросилъ ее: «да позволь же, мать-сударынька, узнать, какой же тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки сверкнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми, какъ мѣлъ,

губами отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлина моей покойной царицы, Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а во-вторыхъ, этакія ужасти! въ наше время изрядные нравомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнула головой вправо и влѣво, и, подавъ руку оторопѣлому Иванушкѣ, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси.

Произошелъ величайшій переполохъ и замѣшательство. Графъ Аракчеевъ, съ недоѣденнымъ кускомъ каплуна, вскочилъ, не доискавшись хозяевъ, крикнулъ экипажъ и уѣхалъ въ Чугуевъ, гдѣ вновь въ окрестностяхъ посыпались шпицрутены и раздались плачъ и вой бабъ, дѣтей и стариковъ. И когда въ Петербургѣ, прослышавъ объ этомъ событіи, шутники-друзья его спрашивали, что̀ за исторія случилась съ нимъ въ гостяхъ у бѣдовой старушки на Украйнѣ, графъ Аракчеевъ ворчалъ и говорилъ: «да что̀, отцы мои! Какъ ей не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, ѣздивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой якобинки стоялъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то промахъ по хозяйству, ея пятидесятилѣтній сынъ, настоящій владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

— Что̀ это у васъ за перстенекъ на рукѣ?—спрашивали иной разъ Анну Петровну любопытные внучата.

— Завѣтный перстенёкъ, дѣтушки, завѣтный! И съ нимъ связана цѣлая авантюра въ нашей фамиліи...

— Какая такая авантюра?

— Преотмѣнная! Фамилія наша, соколики мои, начинается съ первымъ заселеніемъ Донца и всей этой окольной степи...

— Разскажите, миленькая бабушка, разскажите, какъ заселились эти мѣста и что̀ это за случай съ перстенькомъ?

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, полулежа на постели подъ стеганымъ изъ коричневаго атласа одѣяломъ и облокотившись о высокосложенныя, обшитыя кружевомъ, подушки, либо въ мерлушковой шубкѣ, примостившись бочкомъ на расшатанной, треногой скамеечкѣ, предъ угасавшею печ

кой, и разматывая на прялкѣ нити козьей шерсти, маленькая, сморщенная старушка не разъ передавала все то, что слышала отъ мужа и еще отъ покойной свекрови о заселеніи края, къ пустырямъ котораго, шесть вѣковъ назадъ, обращался пѣвецъ Слова о полку Игоря, восклицая: «О, Донче! Ты лелѣялъ князя на серебряныхъ берегахъ, стлалъ ему зелену траву, подъ сѣнію дубравъ...»

— «Берега нашего Донца, соколики мои,—разсказывала прабабушка:—даже въ ту пору, какъ я сюда переѣхала молодоженкою изъ Питера, были еще во всей, можно сказать, невиданной красѣ. Народу еще было мало, звѣрья много. По лѣсамъ рыскали дикіе кабаны; отъ лисицъ, бывало, не удержишь ни куръ, ни индюшекъ; а волки заходили даже въ сѣни, какъ ударитъ иной разъ, на нѣсколько дёнъ, зимняя вьюга, да за ужиномъ запахнетъ бараниной. Татары и нагайцы, скажу вамъ, шмыгали сюда и при мнѣ. Да и родила я мила-дружка Иванушку какъ разъ въ то время, когда по тотъ бокъ Донца отъ татарскаго набѣга, вдругъ зажглись по сторожевымъ курганамъ костры, а я, тяжелая, безъ маво Якова Евстафьича, съ перепуга сѣла на коня, поскакала къ бригадиршѣ въ Чугуевъ, да на дорогѣ, у андреевскаго попа въ пчельникѣ, матерью стала... Но это все ничего. Не то сказываютъ о временахъ мужнина дѣда. Въ тѣ поры здѣсь была сущая пустыня: мѣловыя горы, вѣковѣчные темные лѣса, тихія въ большущихъ камышахъ воды, на некошенныя степи, безъ жилья и безъ единой людской тропы. Забрелъ человѣкъ, кричи съ холма въ лѣсныя провалья, сколько силъ хватитъ, никто не отзовется. Только иволги, хохотвы, да орлы по буграмъ перекликаются. Звѣрь и птица своею тогда смертію умирали. Такъ было до послѣднихъ почти годовъ царя Алексѣя. Тутъ польскіе паны больно ужъ потѣснили казаковъ за Днѣпромъ: пожгли ихнія церкви, мельницы, винокурни и хутора; тѣ и двинулись сюда.

«Былъ, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморенномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ѣхалъ онъ-атъ, горемычный, безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ пищалью да съ котомкой за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражьяго погрома. Миновалъ одно лѣсное затишье, другое. Слѣзъ съ

коня, напоилъ его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло. Чтò прохлады кругомъ, въ дремучихъ лѣсахъ! Чтò птичьихъ криковъ внизу, по голубымъ затонамъ, да озерамъ! Чтò медвянаго запаху отъ доцвѣтавшихъ въ ту пору дикихъ грушъ и яблонь, и чтò гудѣнія отъ пчелы и всякаго жука, комара и мухи! Упалъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ, да съ волчицей, чѣмъ пропадать какъ псу отъ польскихъ кнутовъ!» Это, други мои, и былъ первый здѣшній осадчій, а вашъ пращуръ, казакъ-подолянинъ изъ-за Днѣпра, Данило Даниловичъ. Чтò сказалъ осáдчій, то и сдѣлалъ: осѣлъ поселкомъ тутъ въ то же лѣто. И какъ напуганная пташка бросаетъ опасныя стороны и прилетаетъ вить гнѣздо въ такомъ тайникѣ, гдѣ ее и вашими глазами, дѣтушки, не увидишь, такъ и Данило перевелъ сюда въ вѣковѣчную глушь, свою старуху и дѣтокъ, и въ скрытности лѣсной, у озера, межъ отрогами холмовъ, вырылъ землянку и срубилъ курень. За Данилой, по его зову: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!» бѣжали сюда его сосѣди. Вырубили лѣсную поляну, выкопали корни. Въ тростники спустили челнокъ. У воды застучалъ о кладку бабій валекъ. Крикнулъ пѣтухъ; загудѣла въ ульяхъ наловленная тутъ же, въ лѣсныхъ дуплахъ, рѣзвая, дикая, степная пчела. Трудно было первымъ поселенцамъ на Донцѣ! Бабы обносились, дѣти напугались звѣрья, сѣрыхъ ужей, да золоторогихъ змѣекъ; всѣ намучились, и старъ, и младъ. По ночамъ боялись свѣтъ зажигать. Сторожа, какъ бѣлки, прятались по верхамъ деревъ. Хлѣбъ сперва сѣяли возлѣ самаго жилья, да и жилье часто разбивали по хлѣбу. Всѣ голодали, на сухаряхъ сидѣли по мѣсяцамъ. Но зацвѣли опять лѣса. Данило съ криками: «на Донецъ, братцы, на Донецъ!» еще перезвалъ товарищей. Вокругъ перваго куреня поднялись, точно грибочки изъ земли, другіе курени. Данилу выбрали сотникомъ.

«Прошли года; изъ куреней въ лѣсу стала слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами, мельницей и съ такою маленькою деревянною церковкой, что не вся въ ней слободка помѣщалась, а многіе слушали служеніе снаружи, по двору и подъ деревьями. Невдали же отъ крѣпостцы Данило сталъ заво-

дить хуторъ, что нынѣ Пришибъ. Одна бѣда: не могъ онъ, други мои, перезвать изъ-за Днѣпра своего названнаго брата и кума, казака Ивана Жука. Сперва прослышалъ онъ, что Жукъ былъ убитъ въ схваткѣ съ поляками; потомъ, что онъ живъ, и что его видѣли въ извозѣ за солью, а потомъ и слухъ о немъ затихъ. Сотня Данилы тою порой обстроилась и богатѣла хлѣбомъ, оружіемъ и всякимъ добромъ. Но не помогали ей ни рвы, ни частоколы, ни пушки. Нагрянули, дѣтушки мои, на нашъ Донецъ поганые татары. Саранчею разъ вечеромъ, подъ самый Юрьевъ день, откуда ни возьмись, налетѣли и вдругъ это устлали всю нашу окольность, а ночью зачали, бормоча и гикая, переправляться въ бродъ по сю сторону Донца. На кого ни наткнутся, сейчасъ его на пику, либо на арканъ. Страхъ напалъ на слободу. Данило Даниловичъ незадолго передъ тѣмъ отправилъ жену и малыхъ дѣтей въ повозкѣ на богомолье въ Хорошевъ монастырь и за нихъ не боялся; онъ боялся за сотенную казну. А казна-то была у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. Выстроилъ онъ сотню подъ ружьемъ, заперъ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окопа пушкарямъ палить по броду, сдалъ на время команду другому, а самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отнесъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника. Только-что опустилъ въ воду боченокъ, смотритъ—по тотъ бокъ колодца, въ камышахъ, стоитъ и глядитъ на него изъ кустовъ, точно привидѣніе, весь бѣлый, другой, незнакомый человѣкъ. Онъ такъ и обомлѣлъ.—«Видѣлъ?» спросилъ Данило.—«Видѣлъ!» отвѣтилъ и тотъ.—«Ну, коли меня убьютъ, а ты уцѣлѣешь, дай знать тутъ въ сотню, гдѣ ея казна». Сказалъ и пошелъ кустами, — а сзади его точно летѣло въ воздухѣ, и послѣ самъ онъ дивился, какъ онъ оставилъ казну на глазахъ невѣдомаго человѣка. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, липовый теремокъ на хуторѣ сотника ограбили, угнали стада и самого долго пытали, гдѣ сотенная казна, и чуть не замучили до смерти. Данилу взяли въ плѣнъ и увели на арканѣ въ неволю въ Крымъ, а потомъ на Кубань. И когда Данило, года чрезъ четыре, подкопавши тайникъ, на хозяйскомъ жеребцѣ бѣжалъ изъ плѣна, явился опять среди своихъ на Донецъ и кинулся къ колодцу, боченка тамъ не было. На-

роду тоже поубавилось. И долго сотня не могла поправиться послѣ татарскаго погрома...»

— Что же, прадѣдушка такъ и не нашелъ боченка?— спросила нетерпѣливая правнучка.

— Постой, пострѣлъ, все узнать успѣешь!

«Такъ прошли еще года два. И вотъ, милые мои, скажу вамъ: разъ Данило стоялъ на пригоркѣ, невдалекѣ отъ остатковъ погорѣлой крѣпостцы, и говорилъ заѣзжему полковому писарю: «вотъ, ваша милость, уже чрезъ нашъ поселокъ и чумаки стали ходить!» А тѣмъ часомъ, действительно, промежъ деревьевъ показался чумацкій обозъ, шедшій изъ-за Донца мимо ихъ окопа. Времена стали другія; о татарахъ было почти не слышно, и край уже кругомъ заселился, по Торцу, по Самарѣ, по Орели и по Берекѣ. Когда обозъ приблизился къ пригорку, съ передняго воза всталъ чумакъ-хозяинъ, подошелъ къ Данилѣ и писарю и спросилъ: «а кто у васъ тутъ сотникъ Данило, чтò поставилъ этотъ поселокъ и такъ долго былъ въ басурманскомъ плѣну?» Получивъ отвѣтъ, покачалъ головой и сказалъ: «да какъ же ты, друже, побѣлѣлъ! Совсѣмъ старый сталъ! Не узнаешь, видно, и ты меня: я — Жукъ, твой названный братъ и кумъ! Ѣхалъ я мимо, вершинами Донца. Слухъ о тебѣ далеко пошелъ, я и завернулъ къ тебѣ на подмогу. Довольно ужъ и мнѣ мотаться по свѣту. Коли приметъ меня твоя братія, и я съ моими хлопцами тутъ же сяду. А кто вашу казну подглядѣлъ и тайно взялъ изъ колодца, я тоже слышалъ. Подобралъ ее и перенесъ въ другое мѣсто бѣглый пушкарь изъ Цареборисова. Да не удалось ему ею поживиться. Онъ недавно умеръ отъ оспы и на духу все показалъ попу. А я отъ народа узналъ. Посылай за казною; она у начальства на рукахъ». Данило поклонился куму въ ноги. Сбѣжались казаки; составили совѣтъ; Данило обо всемъ отписалъ царю и воеводѣ. И долго обозъ того чумака, дѣтушки мои, стоялъ на выгонѣ у Пришиба, а сотня веселилась и поила всю чумацкую братію. Казна отыскалась. А къ осени, сударики мои, чумакъ, дѣйствительно, привелъ къ Данилѣ ватагу другихъ земляковъ, поклонился сотнѣ, и сотня отвела подъ жилье, подъ скотъ и подъ хлѣбъ чумаку и его братіи часть своихъ земель, десятинъ сотъ нѣсколько, межами отъ кургана до кургана и отъ дуба до дуба. Въ сотенной слободѣ прибавилась цѣлая новая улица, и ее прозвали, по имени того чумака, Жуками.

«Такъ прошло еще время, и сотникъ Данило сталъ подумывать о томъ, что сталось съ его сынишкой, Евсташей, котораго царь Петръ, во время его полоннаго терпѣнья, взялъ въ Питеръ и помѣстилъ тамъ въ добрую науку къ нѣкоему ученому процептору. Другіе сыновья Данилы росли дома на свободѣ. Евстафію жъ пошелъ уже двадцатый годокъ, и отецъ къ нему въ новую царскую столицу Санктъ-Питеръ упросилъ съѣздить бывалаго въ Нарвскомъ походѣ и далѣе, тоже простого казака-сосѣда, Кирюшку Горличку. А старикъ Горличка тутъ черезъ рѣку также занялъ землицу и сидѣлъ хуторомъ. Отписалъ родитель въ Питеръ письмо, требуя сына домой къ себѣ на помощь, и послалъ ему три рубля на лакомство, харчей и пару коней съ повозкою на дорогу. Кирюшка пріѣхалъ въ Питеръ, сталъ отыскивать по казармамъ да по товарищамъ сосѣдскаго сына и узналъ о немъ недобрыя вѣсти. Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самого царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаворитки дочка Марьюшка, молоденькая, тихая и изъ себя красавица; звалась, впрочемъ, не Юрьевной, а по мужу матери—Алексѣевной. Жила она съ маткой всегда по близости двора; дворъ въ городѣ—и онѣ въ городѣ, дворъ на дачѣ—и онѣ тутъ же, въ закрытности гдѣ-нибудь на дачѣ. Вышелъ-атъ Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ процептора молодецъ-молодцомъ, румянъ да пригожъ, рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардіи, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самымъ царскимъ, не то что къ окольнымъ, дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ, въ тайномъ спрятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту, полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ: танцовали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ екатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, сударики вы мои, любились Евстафій да Марья, только, наконецъ, и скажи ея матка князю Юрью: что такъ, молъ, и такъ, нѣкто сотничій сынъ, изъ Изюмской слободской провинціи, государевъ сержантъ, Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку, что онъ воистинѣ отмѣннаго нрава, самъ молодецъ, добрыхъ родителевъ, и что есть у его казака-отца не мало маетностей, садовъ, лошадей, овецъ,

одёжи и всякаго добра. Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только объ Евстафіи, но и о его родителѣ: обозвалъ обоихъ хохлацкимъ мужичьёмъ и дегтярниками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозя отодрать его батогами, коли узритъ по близости Марьи. Приняты были, должно-статься, тутъ же мѣры крутенькія. Княжескіе лакеи припасли въ передней, по барскому велѣнію, пукъ розогъ; а ночью, у оконъ Марьюшки, ходили сторожа и разъ, заслышавъ впотьмахъ близъ сада чей-то конскій топотъ, подняли на княжеской дачѣ такую пальбу изъ мушкетовъ, что съ барышней сдѣлался отъ страху припадокъ, и ее насилу къ утру отходили. Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла-чахла и кончила тоже, ангелы мои, совсѣмъ плохо... Пошла Марьюшка съ каммермедхеной своей на рѣку Волынку на дачѣ купаться. Лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только матка Марьюшки ждать-пождать, нѣту дочки и каммермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣчки, представьте, нашли только зеленое голландское шелковое платьице Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смерды обноски этой недогляды-каммермедхены. Значитъ, обѣ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно, какъ камешки. Приволокли невода и лодку, царева хозяйка матросовъ съ острововъ нагнала, искали утопленницъ и не нашли. Порѣшили, что теченіемъ унесло ихъ въ море».

— Что жъ, и вправду утонула Марьюшка? — спросила опять нетерпячая правнучка.

— Ахъ, монъ-кёръ! да сиди ты, егоза, все узнаешь!

«Ударился о землю князь Юрій, не мало плакалъ съ фавориткой; долго служили они панихиды, справляли поминки и угощали нищихъ. На это-то, весьма ужасное и притомъ по истинѣ мерзкое горе-злосчастье и наѣхалъ, представьте, посланный отца, Кирюшка Горличка. Узналъ онъ про все, Евсташи тоже не отыскалъ и долго не рѣшался къ сотнику не то что обратно ѣхать, а даже и писать. Ходилъ онъ, ходилъ по Питеру, да ужъ какіе-то господа, ѣдучи въ Кіевъ на богомолье, довезли его и высадили на пограничной украинской линіи въ Бѣлгородѣ.

«Такъ протянулось, други вы мои, время до войны со

шведами и до самой Полтавской баталіи... Первыя слободки пустили отъ рѣки въ степь, какъ корни на вешней грядкѣ, другія слободки и хутора. Сотникъ же Данило, надо вамъ, миленькіе, доложить, жилъ со своими сукцедентами и съ товарищами все тутъ же, на излюбленныхъ прйдонецкихъ мѣстахъ, все въ той же занятой, по черкасской обыкности, долинѣ, въ крѣпостцѣ и въ миломъ сердцу сотенномъ Прйшибѣ, какъ прошла молва, что на выручку арміи подъ Полтаву, съ юга, отъ Азова, спѣшитъ со свитой черезъ тѣ окольности самъ царь Петръ Алексѣевичъ, а впереди себя послалъ отряды свѣжихъ войскъ. Ахти мнѣ! всполошились поселенцы. Какъ царя встрѣчать! Двадцать седьмого мая, какъ теперь помню, сказывалъ мужу свёкоръ, царь выѣхалъ изъ Азова степью на Бахмутъ, Изюмъ и Зміевъ; въ Изюмѣ онъ изволилъ кушать, справлять день своего рожденія и ночевать у г. Шидловскаго,—а второго іюня былъ уже въ Харьковѣ. Отстоялъ тамъ ясный соколъ-атъ нашъ, въ праздникъ Вознесенія, позднюю обѣдню, прочелъ всенародно, какъ есть среди соборнаго храма, апостола, осмотрѣлъ городъ и крѣпость, бурсака какого-то по-латынски спросилъ, съ бабами на базарѣ побалагурилъ, чье-то дитя бралъ на руки, ласкалъ. Въ тотъ же день его величество отъѣхалъ къ Полтавѣ и двадцать-седьмого іюня, на Сампсонія, разбилъ шведовъ. И, стало-быть, коли второго іюня царь Петръ Алексѣевичъ былъ въ Харьковѣ, то перваго іюня былъ онъ въ гостяхъ у сваво вѣрнаго изюмскаго сотника Данилы. Стоялъ тутъ въ Прйшибѣ все еще старый липовый теремокъ, однимъ-одинъ у рѣки. Только вишенье, лѣсное орѣшье, да яблони возлѣ него разрослись, послѣ татарскаго погрома. А кругомъ, въ разсыпку по зеленой полянѣ, возлѣ крѣпостцы и на хуторѣ, стояли соломенные казачьи курени, сарайчикъ, мельницы, да маленькая въ лѣсу церковка. Наканунѣ, отъ сосѣдней слободки Балаклеи, показалось войско и, не доходя Прйшиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванные, четверками, рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди, на парѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его трудно было и разсмотрѣть, показался какъ есть въ простой некрашенной одноколкѣ самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника,

Варварѣ Даниловнѣ, Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообѣдалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановлюсь; сдѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да зайду на пироги къ старику-сотнику, поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и флотиліи и за его полонное терпѣнье!» А поверхъ мѣловыхъ прибрежій Донца, отъ Изюма до Пришиба, гдѣ ѣхалъ царь, опять, дѣтушки мои, полнымъ цвѣтомъ цвѣли некошенныя поля, жаворонки заливались, дрофы да стрепеты перелетали; снизу же, отъ Донца-рѣки и отъ озеръ доносились, словно райскіе, запахи всякіе, да звонкіе крики дикихъ гусей, журавлей и лебедей. И нѣсколько разъ онъ, ясный соколъ-атъ нашъ, останавливался и заставлялъ ординарцевъ да генераловъ свиты рвать пучки цвѣтовъ. «Часть поднесемъ въ презентъ хозяйкѣ въ Пришибѣ, а остальное пошлемъ на пробу въ Питеръ, въ гофъ-аптеку; нѣтъ ли тутъ какихъ хорошихъ цѣлебныхъ зеліевъ?» И царская свита, морщась отъ жары да пыли, рвала тѣ самые цвѣты, которые и я вамъ, дѣтушки, старая бабка Ашенька, рву иной разъ и донынѣ. Сотня въ строю, на коняхъ, въ оружіи и съ пушкой встрѣтила царя, отдала ему честь, выпалила салютъ, крикнула виватъ и поскакала за нимъ сперва къ крѣпости, а потомъ и къ сотниковой усадьбѣ. Царь, потирая поясницу, весь въ пыли и сильно загорѣлый, въ шелковомъ синемъ кафтанѣ, слѣзъ съ повозки, снялъ шляпу, утерся это платочкомъ, прямо такъ на всѣхъ поглядѣлъ, поклонился и сермяжной братіи, ступилъ на старенькое крыльцо, такъ что половицы заскрипѣли и столбики дрогнули, и шагнулъ въ свѣтлицу, гдѣ уже въ прохладѣ стояла съ хлѣбомъ-солью старая сотничиха Анна, былъ накрытъ столъ и закуска приготовлена. «А! воеводиха! отвоевалась отъ татаръ! Ну, Данило Даниловичъ, слѣзай-ка и ты съ коня, да веди къ себѣ въ гости!» Вошелъ онъ, ясный соколъ, въ теремъ, озираясь на глиняный полъ да на бѣлыя мазаныя стѣны, и сѣлъ за этотъ вотъ самый, что̀ стоитъ у окна, крашеный бѣлый столъ, съ размалеванными на немъ, какъ видите и теперь, тарелками, ножами и солонкою. «А кто это у васъ?»—спросилъ царь хозяевъ, отряхая съ камзола пыль и, увидавъ тутъ же въ комнатѣ красивую, но худенькую молодую бабёнку, въ шелковомъ корабликѣ поверхъ русыхъ волосъ, которая, какъ видно, была на сносѣ. Не собрались старики

отвѣчать, съ низкимъ поклономъ, его величеству, что это, молъ, ихъ невѣстушка, какъ въ горницу стала подваливать царская свита и всѣ ближнія креатуры его величества. А со свитой вошелъ и князь Юрій Трубецкой. «Ай! батюшка-князь!»—вскрикнула не своимъ голосомъ сотникова невѣстка, увидавъ князя: пошатнулась, да тутъ же, на порогѣ, словно вотъ помертвѣла, и грохнулась о-земь. Царь кинулся къ ней, поглядѣлъ это сердито кругомъ, ухватилъ князя Юрья за руку и крикнулъ: «говори мнѣ, Юрій, сущую правду!» А князю не до того; упалъ передъ дочкой на колѣни, плачетъ, дрожитъ, цѣлуетъ ея руки и говоритъ только: «покойница, ваше величество, покойница!» Промолвила тутъ старая сотничиха Анна: «казни насъ, царь-батюшка, только все выслушай!» и тутъ же передала государю, милые вы мои, какъ было все это дѣло: какъ за ея сына, Евсташу, не давалъ князь Юрій Марьюшку, какъ вышла дѣвка на рѣку Волынку, раздѣлась и бросилась въ воду, какъ бы утопилась. А на другомъ берегу, сударики вы мои, въ камышахъ ее ждала подговоренная нѣкая надежная бабка-голландка съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а по близости, въ березахъ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми конями; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу, въ украинскія придонецкія мѣста. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителевъ. А что отца-князя о себѣ два года Марья Алексѣевна не оповѣщала, такъ потому, что боялась его княжескаго, да и вашего, молъ, царскаго гнѣва! «Клади, князь Юрій, гнѣвъ на милость!» рѣшилъ царь. Князь послушался. Робкій Евстафій, вообразите, забѣжалъ тѣмъ временемъ со страху въ вишни. Его отыскали; князь молодыхъ тутъ же благословилъ. И когда царь сѣлъ опять за столъ, выпилъ рюмку запеканки и сказалъ: «горько!» — Евстафья и Марьюшку, передъ персоною самого царя, заставили поцѣловаться, а изъ сотницкаго подвала выкатили бочку меду, и пиръ пошелъ такой, что послѣ обѣда царь велѣлъ отпрячь лошадей, закурилъ трубку, разстегнулся и сказалъ: «ну, минъ-герръ-сотникъ, теперь ужъ угощай»—сѣлъ съ генералитетомъ за пуншъ и остался тутъ компанствовать до разсвѣта. И каково же? Царь пируетъ съ подданными, а съ надворья въ окна вся слободка глядѣть сбѣжалася. Да и была къ тому

веселью другая причина. Марья Алексѣвна ужъ больно, видно, испугалась нежданной встрѣчи съ отцомъ, да къ ночи, нѣсколько ранѣе срока, и родила царю новаго подданнаго, старшаго брата, сударики, мужа маво, Якова Евстафьевича. Свадебный пиръ смѣнился къ полночи крестинами. Царь велѣлъ отпереть и освѣтить церковь и самъ, ставя свѣчи и подтягивая каноны хмельному попу, былъ за крестнаго отца у новорожденнаго. Откуда взялъ тутъ царь пару небольшихъ колоколовъ, можетъ, съ собою въ другія мѣста везъ, только послѣ крестинъ и говоритъ: «плохи у тебя, Данило Даниловичъ, колокола; глухи что-то голосомъ; никто за лѣсомъ и не услышитъ, что тутъ у васъ служеніе! я тебѣ другіе повѣшу!»—и самъ, вообразите, стащилъ ихъ на колокольню. Они и донынѣ у насъ висятъ въ Пришибѣ... Уѣзжая-жъ до восхода солнца далѣе въ Харьковъ, зашелъ къ родильницѣ и сказалъ ей: «прощай, кума Машенька, да роди больше мнѣ такихъ крикуновъ; и дай, я тебя на прощанье поцѣлую; только извини, чеснокомъ закусилъ вашу пеканку!» Надѣлъ Марьюшкѣ аметистовый вотъ этотъ самый перстенёкъ съ своего мизинца, подарилъ ей пучокъ нарванныхъ дорогою полевыхъ цвѣтовъ, посадилъ у крыльца въ саду жолудь и уѣхалъ... Такъ вотъ вамъ исторія перстня.

«Да вотъ еще что̀, мои дѣтушки... Совсѣмъ стара стала, забыла! Ужъ въ какое время, вечеромъ ли засвѣтло, послѣ ли обѣда, али ночью, при мѣсяцѣ, только прослышалъ его величество, что между сотниковымъ хуторомъ и крѣпостцой въ лѣсу есть по-близости озеро Лебяжье, и на немъ, для рыбной ловли, устроенъ такой небольшой катеръ. Что̀ же вы думаете? Велѣлъ себя везти туда, потащилъ съ собой сотника и весь генералитетъ и проѣхался раза три по озеру; ставилъ паруса, заставлялъ стрѣлять изъ мушкетовъ съ катера, въ честь новорожденнаго, и всѣхъ благодарилъ, начальство и казаковъ. Старый Данило тоже подгулялъ и только все кланялся, а при отъѣздѣ царя, какъ упалъ ему въ ноги, такъ насилу его подняли.

«Послѣ Полтавской баталіи государь прислалъ сотнику изъ Батурина пару шлёнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Питера въ скорости и крѣпостную грамоту на владѣніе, какъ бы вы думали чѣмъ?—десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но, какъ потомъ объявилось, и съ самими казаками... Да, дѣтушки

мои! Данило потомъ подпалъ подъ гнѣвъ царя, былъ взятъ по доносу въ Питеръ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, и тамъ, въ крѣпости, хотя и оправдался, въ скорости умеръ. Во власть же и въ подданство его сукцедентовъ, по царской грамотѣ, да по Божьей милости, попали не только свои братья-казаки, но и названный его кумъ Иванъ Жукъ, съ товарищами, принятые сотней, и сосѣдъ его Кирюшка Горличка, со всѣми домочадцами. Люди, разумѣется, были все темные, какъ есть мужички. Да и самъ сотникъ Данило, несмотря на рангъ, какъ жилъ, такъ и умеръ еще по простотѣ. Евстафій же Даниловичъ, по смерти отца, подобрѣлъ, зажилъ припѣваючи, на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталъ носить и парикъ съ буклями; отъ царскихъ же овецъ повелъ огромныя стада. А владѣя крестьянами, онъ потомъ получилъ и дворянство. При пресвѣтлой царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, господинъ лейбъ-гвардіи маіоръ Хрущовъ производилъ тутъ первую ревизію. Тогда Евстафій Даниловичъ былъ уже изюмскимъ полковникомъ, съ Минихомъ въ Крымъ ходилъ, — и за нимъ по ревизіи записали навѣки всѣхъ жильцовъ его придонецкихъ земель. И хотя у Евстафія и Марьи Алексѣевны дѣти померли, и окромя сына Якова, не осталось въ живыхъ дѣтей, но и Яковъ Евстафьевичъ-атъ мой вышелъ тоже изъ себя, предъ всѣмъ своимъ родомъ, мужчина уважительный и срєдостепенный, строгаго нрава хозяинъ и подданнымъ своимъ не потатчикъ! Его не учили такъ, какъ его родителя; но онъ умеръ, по милости Божьей и матушки царицы, какъ подобаетъ столбовому дворянину: въ чести, въ богатствѣ и въ холѣ; мнѣ приказалъ быть во всемъ хозяйкою до смерти и ѣздилъ изъ Харькова въ Питеръ по дѣламъ, не то, что мелкія нонѣшнія сошки, а восьмерикомъ, въ желтомъ этакомъ рыдванѣ, съ двумя фалеторами и съ двумя же лакеями. Одна бѣда: не удалось ему, моему дружку, до конца жизни быть въ дворскомъ фаворѣ и въ случаѣ. Гордъ былъ, оттого не дошелъ... А изъ царскаго жолудя выросъ, какъ видите, въ нашемъ саду большущій дубъ. Когда Иванушка вѣнчался, мы подъ этимъ дубомъ уже десерты кушали и венгерское пили... И пока дубъ этотъ будетъ въ цѣлости рости, нашему богатству и родовому гонору, дѣтушки мои, вѣрьте мнѣ, не переставать, а цвѣсти въ знатности, въ силѣ и въ славѣ во вѣки...»

Прабабушка Анна Петровна, на этотъ разъ, говоря о своемъ мужѣ, покривила душой. Не столько ее огорчалъ графъ Аракчеевъ, заколачивая палками, по сосѣдству съ ней, потомковъ первыхъ населителей Донца, не хотѣвшихъ обращаться огуломъ въ уланъ и въ драгуновъ, сколько втайнѣ огорчалъ ее этотъ самый милъ-дружокъ, Яковъ Евстафьевичъ, съ нею вмѣстѣ полвѣка спокойно державшій часть этихъ населителей въ самомъ строгомъ крѣпостномъ состояніи. Взялъ онъ Анну Петровну небогатою фрейлиной, изъ-за связей, отъ царицына петербургскаго двора, будучи подъ тридцать лѣтъ. Болѣзненный меланхоликъ, онъ былъ корыстолюбивъ и скрытенъ, рѣдко съ кѣмъ видѣлся, постоянно ворчалъ и сердился, велъ безконечныя тяжбы съ сосѣдями и, еще задолго до отъѣзжихъ полей и пировъ избалованнаго имъ и не особенно любимаго сына Иванушки, умудрился этими процессами и стекляннымъ, въ убытокъ веденнымъ, заводомъ сильно разстроить огромныя, пожалованныя Данилѣ, помѣстья и, между прочимъ, наполовину истребилъ у себя обширные, вѣковѣчные придонецкіе лѣса. До женитьбы онъ былъ слабъ, какъ послѣ и сынокъ, въ отношеніи красавицъ, и не разъ даже открыто, черезъ слугъ своей молодечни, отбиралъ на время женъ у мужей. А обвѣнчавшись, жену держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и, кромѣ книгъ, да прогулокъ со слугами пѣшкомъ и верхомъ, не давалъ ей отъ ревности никакого развлеченія. Онъ умеръ въ чахоткѣ, завѣщавъ женѣ, отъ непреодолимаго страха смерти, построить большой каменный храмъ. Прабабушка никому на него не жаловалась. Но ея затаенныя укоризны покойному милу-дружку Якову Евстафьевичу сказались сами собой. Послѣ нея остались любимыя ею книги, романы прошлыхъ, забытыхъ временъ: Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ острову; мальчикъ, наигрывающій разныя штуки колокольчикомъ; Алексисъ, или домикъ въ лѣсу, и похожденія Жильблаза-де-Сантилланы. Вездѣ въ этихъ книгахъ были подчеркнуты слова, въ родѣ: «о, странное и горестное непостоянство вещей! о, удивительная измѣна и разность сердца человѣческаго!» или: «кроткому духу нравится рѣзвое журчаніе ручейковъ и густая тѣнь рощей, а особенно тогда, когда я, о люди, схоронилъ свое сердце далекò, далекò!» Сбоку этихъ строкъ рукою прабабушки написано: «увы, какъ это вѣрно».

Умерла прабабушка Анна Петровна спокойно, сознательно и рѣшительно. У нея давно былъ припасенъ самый нарядъ на смерть: новое черное гродетуровое платье, безъ шлейфа, бѣлая буфмуслиновая косынка на плечи, черный тюлевый чепецъ и бѣлый батистовый платочекъ, для подвязанія въ гробу нижней, при жизни ослабѣвшей челюсти. Почувствовавъ приближеніе кончины, она призвала отца Авдія, попа новой каменной церкви (а попъ былъ маленькій, худенькій, бѣдный, но сварливый, задорный и себѣ на умѣ) и долго съ нимъ уговаривалась о подробностяхъ собственныхъ похоронъ: о мѣстѣ погребенія, чтобы могила въ фамильномъ склепѣ не затекла водой съ сосѣднихъ бугровъ, о томъ, кого звать на отпѣваніе и кого не звать, изъ крупныхъ и мелкихъ знакомцевъ; быть ли постороннему духовенству и сосѣднимъ пѣвчимъ и, наконецъ, о платѣ ему, попу, за погребеніе и за поминальный сорокоустъ. Попъ просилъ за послѣднюю статью пятьдесятъ рублей ассигнаціями, увѣряя, что дороги стали свѣчи, ладанъ, вино и мука, а прабабушка давала двадцать-пять; сошлись на сорока. Покончивъ съ попомъ, она позвала сына Иванушку и его ученую и всѣми любимую супругу, объявила имъ, на чемъ порѣшила съ упорнымъ попомъ, и прибавила: «смотрите же, дѣтушки, больше ему, кутейнику, не давайте; Авдіевой попадейкѣ, пожалуй, прибавьте десять ульевъ. Она меня больную развлекала... Да положите въ гробъ со мной царскій перстень и пучокъ ландышей, али иныхъ цвѣтовъ. Царскій Марьюшкинъ пучокъ, кажись, затеряли, какъ иконы мыли. Да теперь легко собрать свѣженькихъ! слышу изъ комнаты, по зарямъ, птицы летятъ изъ-за моря; въ воздухѣ точно вотъ молодымъ виномъ пахнетъ; значитъ, степь и лѣса расцвѣтаютъ!»

Незадолго до смерти, Анна Петровна сказала сыну: «хочу посмотрѣть, какъ ты управляешься по хозяйству!» и объявила, что желаетъ, во что бы то ни стало, взглянуть на табунъ лошадей, кормившійся на зимовлѣ, за Донцомъ, въ ея хуторѣ, на рѣкѣ Богатой. Иванъ Яковлевичъ безпрекословно рѣшилъ выполнить волю матери и, какъ ни трудно было, въ начинавшуюся распутицу гнать рѣзвый и дикій табунъ во сто лошадей, его благополучно привели къ Донцу и чрезъ самый Донецъ, по сильно таявшему и посинѣлому льду. Но едва, съ громкимъ ржаніемъ, передовые рослые жеребцы, а потомъ и весь красивый табунъ выдѣлился изъ

весенняго тумана и ступилъ на рѣченку, по которой расположенъ Пришибъ, ледъ подломился, и всѣ лошади, за исключеніемъ одного невзрачнаго пѣгаго мерина, потонули. Иванъ Яковлевичъ, бывшій при этой переправѣ, заплакалъ и воротился домой повторяя: «это даромъ не пройдетъ: видно, матушкѣ жить недолго!» Потопленіе табуна, однако, отъ старушки скрыли.

Съ той поры прабабушка стала забываться и умерла, передъ вечеромъ, незадолго до вешняго Николы. Въ гробу она лежала маленькая, сухенькая и легенькая, совсѣмъ дитя, а не та властительная и важная помѣщица, изъ питерскихъ статсъ-фрейлинъ, къ которой весь уѣздъ въ ѻны дни съѣзжался на поклонъ. И хотя она умерла такъ тихо, что не скоро о томъ въ постоянно-суетливомъ дворѣ сына и спохватились, но горничная, стриженая Ульянка, не отходившая въ послѣднія недѣли отъ ея порога, передавала впослѣдствіи на кухнѣ, что старая барыня не разъ передъ смертью по ночамъ вскакивала на постели, въ тоскѣ и въ горести ломала руки, требовала зеркало, смотрѣлась въ него, чесала гребнемъ сѣдые всклоченные волосы и съ блуждающими глазами тихо съ отчаяніемъ про себя восклицала, какъ-бы зовя кого-либо изъ давно умершихъ, далекихъ друзей: «ахъ, Пашковъ, Пашковъ! милъ-сердечный дружокъ, гдѣ ты, гдѣ ты?»

Яковъ Евстафьевичъ, мужъ прабабушки, фамиліи Пашкова не носилъ, и какая драма крылась въ этихъ предсмертныхъ восклицаніяхъ Анны Петровны, осталось, вѣроятно, навсегда неразъясненнымъ, такъ какъ дневникъ ея невѣстки, который та, по преданію, вела, донынѣ пока въ семейныхъ бумагахъ не отысканъ. Полагаютъ, что лакей Абрамка употребилъ его на обертываніе свѣчей. Царскій перстень также затеряли-было, и потому въ кирпичномъ склепѣ, надъ гробомъ старушки, оставили окошечко, которое долго пугало робкихъ прихожанъ и куда потомъ ея внуки, дѣйствительно, бросили этотъ перстень, найдя его въ закладѣ у сосѣдняго жида.

У меня хранится отличный портретъ масляными красками Анны Петровны, съ портретами ея сына и невѣстки.

Вслѣдъ за смертью прабабушки, въ Пришибъ и въ остальныя слободы ея сына налетѣли, въ зеленыхъ вицъ-мунди-

рахъ, приказные, все описали за безпутное мотовство владѣльца, оцѣнили и оповѣстили къ продажѣ съ молотка. И хотя не все въ конецъ было продано съ публичнаго торга, но родъ Данилы съ тѣхъ поръ сильно обѣднѣлъ и разсѣялся. Въ проданномъ лѣсу, на мѣстѣ крѣпостцы, недавній владѣлецъ выстроилъ сахарный заводъ, и въ его огромную, далеко видную красную трубу буквально вылетѣлъ весь лѣсъ, какъ засѣянный дѣдушкой для дичи, такъ и выросшій послѣ стекляннаго завода прадѣдушки.

Одинъ могучій дубъ, полтораста лѣтъ назадъ посаженный предъ домомъ давно несуществующей хуторской усадьбы сотника, стоитъ и теперь свѣжъ и крѣпокъ, на тридцать шаговъ кругомъ простирая, въ заглохшемъ и одичаломъ саду забытаго помѣстья, темныя и густыя вѣтви. Вблизи отъ него, у обветшалой каменной церкви, недавно пріютилась крестьянская волостная школа. Дѣти вновь получившихъ волю поселянъ, рѣзвою гурьбой, съ удочками и съ книжками, пробираются изъ школы, чрезъ рвы и плетни новыхъ усадебъ, къ рѣкѣ и иной разъ прячутся отъ дождя и солнца подъ дубомъ. Между ихъ кличками уже не слышно прозвищъ ни Жука, ни Горлички. У нихъ нѣтъ прошедшаго, но для нихъ слагается новое будущее. Отцы ихъ пашутъ и сѣютъ теперь уже не на сотника Данилу и не на его внуковъ и правнуковъ, а на новаго хозяина, на сосѣднюю чугунку. Врѣзалась она недавно, снося старые хутора, сады и усадьбы, въ окрестныя мѣста и, что ни день, выкрикиваетъ: «пшеницы, ребята, пшеницы! а за нее вотъ вамъ деньги, а съ ними будетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ и та воля, которой вы тутъ такъ долго искали?»

Прабабушку Анну Петровну въ окрестности всѣ забыли. Случайно о ней напомнило, не такъ давно, одно обстоятельство.

Въ хозяйственныхъ книгахъ прадѣдушки, найденныхъ между старинными нотами и театральными костюмами въ сундукѣ одной умершей, совершенно бѣдной старушки, отысканъ рукописный календарь-дневникъ, куда прадѣдушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вкратцѣ вписывалъ разныя достопримѣчательности своего давно забытаго домашняго обихода. Противъ февраля 1768 года въ этомъ календарѣ написано: «подарилъ Ашенькѣ безподобной яхонтъ и часы отъ Лепика. Иванушка и учитель его, Григорѣвской, любо-

вался». Противъ іюля 1770 отмѣчено: «бѣжалъ садовникъ Максимка Жукъ и поваръ Лука Горлячка бѣжаль же; смутно и у сосѣдей, братецъ капитанъ-исправника, господинъ маеоръ, слышно, умеръ отъ руки своихъ людей». Противъ августа 1775 года стоитъ отмѣтка: «бѣжала дѣвка Нешка, и я за нее попалъ у Ашеньки въ суспицію». А противъ марта 1780 года написано: «укрощалъ Ашеньку, дважды запирая на три сутки въ банѣ, за придирки и за скуку. Женское жеманство тѣмъ исправляется».

1871 г.

II.

ТѢНЬ ПРАДѢДА.

(Лейбъ-кампанецъ).

Въ рукописномъ календарѣ-дневникѣ моего прадѣда, Якова Евстафьича Данилевскаго, подъ 1776 годомъ, уцѣлѣла замѣтка: «13-го іюня, въ понедѣльникъ, заложилъ я хуторъ азовской губерніи, на рѣкѣ Богатой». Подъ 1778 годомъ, тамъ же прибавлено: «іюля 24-го, во вторникъ, въ полночь пріѣхали въ хуторъ на Богатую—я, Ашенька, Иванушка и учитель Григорѣвской. Тогда во оныхъ пустошахъ селяне бѣжали, а сосѣду моему по тому хутору, лейбъ-кампанцу ея величества покойныя императрицы Елисаветъ Петровны, г. Увакину, по его, впрочемъ, кваляитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же поступкамъ, его подданными тогда же содѣянъ столь неподобной и ужести наводящій афронтъ, что хотя бы я на свѣтѣ не былъ,—*тѣнь моя* да скажетъ о томъ потомству...»

Яковъ Евстафьичъ очутился сосѣдомъ лейбъ-кампанца Увакина, вслѣдствіе того обстоятельства, что пожелалъ, въ рѣдкій часъ фавора къ моей прабабкѣ Аннѣ Петровнѣ, сдѣлать ей отмѣнный презентъ. А именно, подъ вліяніемъ недавнихъ преданій о заселеніи этого края, онъ задумалъ сперва населить, а потомъ сюрпризомъ за нею укрѣпить плодородную дикую степь въ 7.000 десятинъ, купленную имъ съ торговъ за четыре тысячи рублей ассигнаціями, отъ генерала Штоффельна. Земля же эта находилась въ тогдашней азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи,

между рѣчекъ Богатой, Богатѣньки и Лазовой, и болѣе чѣмъ въ ста верстахъ отъ Пришиба, родового помѣстья прадѣда.

Затѣявъ населить для жены хуторъ, Яковъ Евстафьичъ изъ сыромятины соорудилъ кожаную калмыцкую кибитку, взялъ съ собой изъ Пришиба крѣпостныхъ рабочихъ и купленнаго передъ тѣмъ въ Москвѣ у Архарова приказчика Михайлу Портяного, перваго развѣдчика и доглядчика выбранной степи, и, въ ожиданіи купленныхъ гдѣ-то подъ Тулой крестьянъ, переѣхалъ готовить для переселенцевъ избы, сараи для скота и водопой.

Постройка зданій, по тогдашнимъ затрудненіямъ въ добычѣ припасовъ, запоздала. Сверхъ того, при переводѣ купленныхъ крестьянъ, въ началѣ случились тоже какія-то непредвидѣнныя преграды. А потому, въ первыя два лѣта по покупкѣ земли, Яковъ Евстафьичъ, несмотря на слабое здоровье, по временамъ наѣзжая на Богатую и проживая въ калмыцкой кибиткѣ, разбитой у опушки круглаго степного лѣска, сильно скучалъ.

Вѣчно озабоченный хозяйствомъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ то въ губернскій городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разсказовъ Ашеньки, на которую онъ, впрочемъ, дома то-и-дѣло ворчалъ. А тутъ, вмѣсто лѣсныхъ береговъ Донца и густо-населеннаго Пришиба, дикопорожняя и глухая степь.

Яковъ Евстафьичъ любилъ, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, водятся сверчки. И если они иной разъ оттуда исчезали, онъ отряжалъ Ашеньку къ кому-либо изъ сосѣдей. Анна Петровна останется въ гостяхъ ночевать, разстелетъ на полъ простыню, станетъ водить шпилькой по зубьямъ коснаго гребня, подманитъ тѣмъ изъ-за печки и изъ щелей нѣсколько сверчковъ и привезетъ ихъ въ коробочкѣ мужу. А иногда и самъ Яковъ Евстафьичъ наловитъ пѣвуновъ у кого-нибудь изъ дворовыхъ и напуститъ себѣ въ опочивальню. И по цѣлымъ вечерамъ, особенно зимой, сидитъ, бывало, у окошка и слушаетъ, приговаривая: «эка хорошая музыка! Точно скрипачи! Лихо сладились! Семь человѣкъ сегодня пѣло». Приказчикъ Портяной зналъ обычай барина и, разбивъ кибитку у лѣсного круглячка, въ пер-

вое же лѣто и прежде всего то сухарями, то кашей привадилъ туда цѣлую пѣвческую капеллу разнообразнѣйшихъ полевыхъ сверчковъ, которымъ въ окрестной травѣ вторили тысячи товарищей.

Во второе лѣто Яковъ Евстафьичъ сталъ брать въ побывку на Богатую учителя Иванушки, Григорѣвскаго. Это былъ рослый и худой бурсакъ, вѣчно потѣвшій, робкій и молчаливый, разъ въ мѣсяцъ аккуратно напивавшійся мертвецки и ходившій въ длиннополой нанковой парѣ ярко-желтаго цвѣта, такъ что издали казался большою канарейкой. Яковъ Евстафьичъ любилъ съ нимъ поспорить о философіи и о тайнахъ природы, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ только мистикъ, а Яковъ Евстафьичъ къ тому же еще и масонъ, изъ извѣстной ложи Елагина: землякъ и однокашникъ по кадетскому корпусу извѣстнаго Мировича. За учителемъ водилась еще одна странность, доставлявшая много веселости Якову Евстафьичу. Изъ бурсы учитель вынесъ привычку самъ себѣ мыть не только бѣлье, но и платье. Какъ заноситъ, бывало, то и другое, выждетъ время и шмыгнетъ въ садъ къ пруду, либо на донецкія озера въ лѣсъ. Сниметъ платье и бѣлье, осмотритъ все, отстегнетъ изъ-подъ лацкана запасную иглу, заштопаетъ чт̀о надо, да тутъ же и вымоетъ, какъ слѣдуетъ, и развѣситъ сушиться по кустамъ, а самъ разляжется въ прохладныхъ струяхъ на пескѣ и думаетъ: «Вотъ, кабы сюда еще да бутылочку токайскаго, либо пивца!» Яковъ Евстафьичъ поглядѣлъ его нагишомъ за такими упражненіями и съ тѣхъ поръ не могъ на него смотрѣть безъ смѣха.

Учитель пріѣхалъ на Богатую не одинъ. Онъ привезъ съ собою и любимаго Якова Евстафьича ручного журавля, по имени генеральсъ-адъютанта. Нѣсколько лѣтъ этотъ журавль жилъ въ Пришибѣ и такъ привыкъ къ людскому обиходу и суетѣ, что зимой не выходилъ изъ птични, а лѣтомъ, съ прочими домашними пернатыми, весь день гордою поступью шагалъ по двору, клюя всякую всячину и воюя за помои съ собаками и свиньями. Зато осенью, когда по небу тянулись вереницы его дикихъ товарищей, сѣрый журка по цѣлымъ днямъ стоялъ задумавшись и затѣмъ вдругъ начиналъ ногами и крыльями выдѣлывать неистовые и уморительные прыжки. Но какъ генеральсъ-адъютантъ ни старался подняться въ воздухъ, его манило снова назадъ

къ землѣ, въ знакомый дворъ, и, обогнувъ садъ и выгонъ, онъ кругами опускался опять либо на крышу кухни, либо на погребъ и, какъ-бы для развлеченія, усердно принимался долбить носомъ какую-нибудь кухонную дрянь или бабье тряпье. «Что, братъ, журка, не полетишь?» подтрунивалъ надъ нимъ Яковъ Евстафьичъ, стоя на крыльцѣ и вспоминая собственные молодые годы, дружбу съ Мировичемъ и службу въ пѣхотномъ Псковскомъ полку: «видно, не до товарищей теперь, дурачина! привыкъ, обабился, вотъ и сиди!»

Но едва учитель привезъ журавля на Богатую, на другой же день, около вечера, заслыша въ камышахъ гортанные оклики привольной и дикой стаи товарищей, генеральсъ-адъютантъ исполнился тревогой, пересталъ ѣсть, а на утренней зарѣ какъ-то особенно пѣвуче и жалобно затурлыкалъ, взмылъ и улетѣлъ безъ возврата...

Скука на Богатой окончательно стала заѣдать Якова Евстафьича, особенно къ концу второй осени, когда вчерне поспѣли жилья для переселенцевъ и, расчистивъ подъ горой три самородные ключа, онъ занялся пахотью и посѣвомъ подъ зябь. Ничто не помогало: ни еженедѣльныя карakульки сына, ни ласковыя цидулки къ милу-дружку отъ самой Ашеньки, что-де пора вамъ, свѣтикъ, возвратиться и ужъ не полонила-ль вашего сердца какая-нибудь захожая степнячка?» — «Гм! донынѣ глупая баба ревнуетъ!» подумалъ Яковъ Евстафьичъ, почесывая въ затылкѣ. Даже не веселили его поспѣвшія господскія горницы, а наконецъ, и большой табунъ лошадей, съ восемью жеребцами, въ тотъ годъ переведенный сюда съ луговъ изъ Прйшиба.

И вотъ, чтобы развлечь барина, приказчикъ Портяной однажды сказалъ ему:

— Что, ваша милость? Послушайте-ка вы мои рабскія рѣчи. Сѣсть-то поселкомъ мы сѣли, строимъ жилья, нарыли колодезей и насѣяли хлѣба до вешняго теплаго дня. А сосѣдей-то и не почествовали. Не купи двора, купи сосѣда! Съ сосѣдомъ жить въ миру, все къ добру.

— Такъ, такъ, Михайлушка. Да кто же тутъ у насъ, скажи ты мнѣ, стоющіе сосѣди?

— А хоть бы и г. Уваkинъ, лейбъ-кампанецъ. Я ужъ вамъ не одновà про него докладывалъ. Онъ въ Питерѣ служилъ, и сами, чай, изволили слыхать тѣтку покойницы па-

рицы, покойную царицу Лизаветъ Петровну, съ товарищами посадилъ на царство... Онъ это съѣзжалъ куда-то, а нонѣ съ Покрова опять тутъ объявился въ своемъ владѣніи.

— Ой-ли? Далече ли его зимовникъ и отъ кого ты про него узналъ?

— Верстахъ въ пятнадцати сидитъ, внизъ по Лозовой, промежъ трехъ яровъ, коли слышали. Чунихинскій попъ про него сказывалъ. Баринъ ужъ старый, начетчикъ такой и пребѣдовый. Всѣ его тутъ боятся, особливо-жъ женскій полъ. И коли ваша милость пожелаете его узрѣть надоть поосторожнѣе: какъ бы не изобидѣлъ... Гордости великой человѣкъ, хоть и изъ простыхъ рядовыхъ, — извините,—въ столбовые вышелъ...

Якова Евстафьича, впрочемъ, трудно было испугать кѣмъ бы то ни было. Онъ и обыска, и спроса по дѣлу Мировича не испугался, когда къ нему въ имѣніе налетѣлъ самъ намѣстникъ, тутъ-же, впрочемъ, спасовавшій передъ его женой, извѣстной самой государынѣ. А потому, недолго думая, онъ сперва отписалъ къ Увакину вѣжливое письмо, увѣряя его въ дружбѣ и въ уваженіи, а затѣмъ снарядилъ и послалъ къ нему учителя Григорѣвскаго, съ порученіемъ просить его «лейбъ-кампанское благородіе» къ себѣ на побывку въ гости. Семинаристъ отъ сосѣда былъ привезенъ подъ такимъ сильнымъ подозрѣніемъ въ презнатной выпивкѣ, что прежде всего надо было уложить его спать. А потомъ отъ него узнали слѣдующее: «я-де Увакинъ, тоже старъ и хотя былъ, дѣйствительно, когда-то рядовымъ, но ко мнѣ нонѣ ѣздятъ не токма знатные дворяне, а и генералы, да и самъ г-нъ азовскій губернаторъ неоднова-де являлся ко мнѣ на рандеву и какъ слѣдъ отдавалъ решпектъ по всей, то-есть, подобающей аттенціи! Инъ пусть же господинъ поручикъ Яковъ Астафьичъ самъ первый ко мнѣ пожалуетъ».—«Фанфаронъ!»—фыркнулъ на это Яковъ Евстафьичъ. Однакоже, дѣлать нечего, перегодя, велѣлъ запрячь четверню вороноп҃ѣгихъ и, передъ возвращеніемъ Прйшибъ, самъ съѣздилъ съ решпектомъ на рандеву къ сосѣду лейбъ-кампанцу: «побалую его, пса, можетъ, когда и пригодится. Вонъ тятенька мой, Евстафій Даниловичъ, веселилъ на бандурѣ князя Никиту Юрьича Трубецкого и за то полкъ изюмскій получилъ въ команду!»

Было свѣтлое, съ легкимъ морозцемъ, октябрьское утро. Калина Саввичъ Увакинъ встрѣтилъ Якова Евстафьича на завалинкѣ бѣлаго глиняного домика, гдѣ онъ, въ волчьемъ тулупѣ и въ рысьей шапкѣ, грѣлся на солнцѣ и изъ кувшина просомъ кормилъ голубей, и сперва показался гостю такимъ сгорбленнымъ и невзрачнымъ старикашкой.

— Милостивѣйшему патрону и сосѣду привѣтъ! — искательно заявилъ о себѣ, вылѣзая изъ коляски, Яковъ Евстафьичъ.

— Прошу и меня нижайшаго жаловать; вашъ слуга!— съ аттенціей принялъ гостя и хозяинъ: — спасибо, что навѣстили меня, Калину! Собачья старость вотъ пришла. Вишенье развожу, птичекъ кормлю, да вѣдомости про нонѣшнія времена читаю. Не могу не благословлять Господа, что до-днесь, по волѣ ея величества, моей покойной императрицы Лизаветъ Петровны (тутъ Увакинъ всталъ и снялъ шапку), тридцать-пять лѣтъ на спокоѣ состою и довольствѣ, въ пречестномъ потомственномъ россейскомъ дворянствѣ помѣщикомъ...

Гость и хозяинъ церемонно обнялись и присѣли на завалинкѣ.

Шестидесятилѣтній, медвѣдеобразный, съ бѣлыми кустоватыми бровями, почти безъ усовъ, и еще желѣзнаго здоровья, старикъ Увакинъ, родомъ изъ новгородскихъ поповскихъ дѣтей, какъ всталъ, говоря о Елисаветѣ Петровнѣ, да выпрямился, то оказался великаномъ сравнительно съ тщедушнымъ, лысенькимъ, слабымъ и невысокимъ гостемъ. Крупный и красный носъ Калины Саввича показывалъ, что онъ полюбилъ украинскую терновку и часто прикладывался къ ея бутылямъ, укромно глядѣвшимъ наружу чуть не изъ каждаго окна. А громкія побранки, съ которыми онъ раза два прикрикнулъ на вѣрнаго слугу, горбатаго Васильца, распоряжаясь пріемомъ гостя, говорили, что лейбъ-кампанецъ спозаранку уже былъ на второмъ взводѣ. Отсыпавъ другъ другу съ три короба изысканныхъ привѣтствій и комплиментовъ, новые знакомцы перешли въ вишневую куртину, гдѣ въ ту пору подсаживались новыя деревца, а оттуда въ горницу, и здѣсь Увакинъ началъ бесѣду о прошломъ и, главное, о великой перемѣнѣ приснопамятнаго 1741 года.

— Не тѣ нонѣ времена, Яковъ Астафьичъ, не тѣ! То ли

были дни, милостивый патронъ мой, какъ мы матушку красавицу нашу, Лизаветъ Петровну, становили на царство! А наипаче и особливо, сказала она, лейбъ-гвардія нашей полковъ по прошенію престолъ родителя нашего мы воспріять изволили... А? Слышите? И гдѣ у людей уши и память? Такъ, именно этими словами она о насъ и прорекла всему свѣту въ манифестѣ? Наипаче же и особливо!.. Всему царству сказала!.. Да вѣдь этихъ словъ, отцы родные, не стереть вамъ и не вырубить вовѣки. Вотъ онъ, вотъ манифестъ! читайте! — потащилъ онъ гостя къ стѣнѣ, на которой подъ стекломъ висѣлъ сѣрый, въ большой листъ, манифестъ 25-го ноября 1741 года.

Яковъ Евстафьичъ, видя волненіе Увакина, заговорилъ-было о хозяйствѣ и о своей семьѣ, о томъ, что вотъ и онъ небезызвѣстенъ двору, что царь Петръ Первый былъ въ гостяхъ у его дѣда, и родного его брата крестилъ на походѣ, а что по матери онъ сродни знатному роду Никиты Юрьича Трубецкого.

Не тутъ-то было. Увакинъ ушелъ въ спальню, воротился оттуда съ трубками кнастеру, одну подалъ гостю, а другую самъ закурилъ, и на вопросъ, какъ же онъ попалъ въ столь счастливый случай, началъ:

— Дѣло было, коли хотите знать, милостивый патронъ мой, таково. Спали наши преображенцы въ свѣтлицахъ своихъ на Литейной. Ночь была — ухъ! — какова морозная. Я былъ на часахъ, и только-что вышелъ изъ караульни, слышу скрипъ полозьевъ: летятъ шибко, но безъ шуму, трое саней по Литейной перспективѣ, да прямо-то къ нашей съѣзжей избѣ; на ея мѣстѣ послѣ Спасъ Преображенія царица поставила. Изъ первыхъ саней выходитъ сама царевна Лизаветъ Петровна, съ дохтуромъ Лестокомъ, а за кучера у нея графъ Воронцовъ; изъ другихъ саней вышли кое-кто изъ вельможъ, и гранодеры у нихъ на запяткахъ. Въ рукахъ у царевны крестъ, черезъ плечо кавалерія, въ лисьей шубѣ, а сама, сердечная, такъ и дрожитъ, зубъ на зубъ не попадетъ, не то отъ мороза, не то отъ страха. Барабанщикъ ударилъ-было тревогу; только дохтуръ кинулся къ нему и пропоролъ кожу на барабанѣ. Я бросился въ казармы, а ужъ здѣсь и вся наша рота бѣжитъ. «Что̀, ребята?—крикнула тутъ яснымъ такимъ да смѣлымъ голосомъ царевна: — знаете ли вы, кто я?» — «Знаемъ, матушка

знаемъ!» — «Готовы ли идти за мной и готовы ли дочь самого царя Петра Перваго на престолъ возвратить!» — «Готовы жизнь положить! Давно тебя ждали!» — «Или вамъ, скажите, лучше быть подъ годовалымъ ребенкомъ, да подъ нѣмцами?» — «Смерть молокососу! Нѣмцамъ смерть!» — загалдѣла вся рота: — будетъ имъ надъ Рассеей командовать!» — «Никого, солдатушки, не убивайте, прошу я васъ; а лучше за мной въ тихости маршируйте; мы и такъ съ ними и съ ихъ партизанами справимся!» — сказала царевна, а изъ-подъ шапочки русыя косы выбились; рослая, да статная такая. «Лебедка ты наша!» — гаркнула опять рота и давай у нея крестъ цѣловать. Ружья зарядили, штыки завинтили, да за нею тихо по морозцу прямо въ Зимній Дворецъ. Кое-кого по пути отрядили супротивныхъ министровъ брать подъ караулъ... Мнѣ же съ товарищами, Кокорюкинымъ, Клюевымъ, Першуткинымъ и другими, пришлось брать подъ арестъ самого младенца-императора. И никогда я того не забуду, милостивый государь мой! Вбѣжали это мы во дворецъ, да прямо къ нему въ спаленьку, нѣмецкую няньку связали возлѣ, въ сосѣдней горницѣ. А здѣсь у него-то, смотримъ, колыбель подъ занавѣсочками, лампадка предъ кіотомъ. Я хоть въ солдаты за увѣчье купца попалъ, но все же самъ былъ изъ церковниковъ и маленько, знаете, тутъ было-позамялся, да опомнился и кинулся далѣе. У колыбели вскочила вся въ золотѣ и красивая такая мамка-нѣмка, ломитъ руки, лопочетъ по-ихнему и, ниже мертвая отъ страху, во всѣ глаза глядитъ, что это мы, солдатье, вскочили такъ безъ указу, гремя ружьями и въ шапкахъ. Я съ Клюевымъ прямо къ колыбели, отдернули положокъ, пообождали чуточку и взяли на руки младенца... Онъ съ перепугу такъ и залился. А изъ дворца, слышимъ, товарищи ужъ шумно сносятъ на рукахъ самоё регентшу Анну Леопольдовну, и кричитъ принцесса черезъ всѣ царскіе аппартаменты: «Иванушка, сынъ мой, названный императоръ! гдѣ ты?» Отвезли регентшу съ мужемъ въ домъ царевны, а потомъ въ крѣпость; императора жъ, младенца Ивана, Лизаветъ Петровна взяла къ себѣ въ сани... Проводили мы этакъ бережно царевну опять въ ея дворъ, гдѣ прислуга подъ замкомъ оставалася. А здѣсь ужъ и всѣ новые фавориты на-лицо. И видѣлъ я, какъ старые фавориты набѣгали и предъ новыми на колѣнкахъ въ сенаторскихъ

мундирахъ ползали, и тѣ надъ ними громко смѣялись, били въ ладоши и грозилися: «что, моль, нѣмецкая сволочь, измѣнники? теперь оробѣли?» А на улицѣ всю ночь говоръ, крики «виватъ», сходятся и строятся полки, столичная знать въ саняхъ, въ перегонку, подъѣзжаетъ, народъ валитъ и костры горятъ отъ дворца вплоть до Невской перспективы... Лизаветъ Петровна тутъ опять вышла къ генералитету, въ шелковой дымчатой робѣ, на большихъ фижменахъ, объявилась самодержицей и сказала: «съ нами Богъ! Забываю старымъ старое, только служите вѣрою по новому!» На утро по воеводствамъ поскакали курьеры, столица присягнула, и вышелъ манифестъ. Простого народа попамъ къ присягѣ звать не велѣно. Всѣ возликовали. А ужъ о нашей братіи, гранодерахъ, и говорить нечего.— «Ну, сосѣдушка,—перебилъ Яковъ Евстафьичъ:—извините, только слышно, что ваша рота вела себя не очень-то по приличію...»—«Оно, точно, милостивый патронъ мой, спервоначала солдаты наши маленько побуянили. Бросились по кабакамъ. Не обошлось безъ драки, буйства и непокорства шквадроннымъ властямъ. Кое-кому изъ знатныхъ помяли и бока. Въ энту же ночь спьяну не мало растеряло по улицамъ шапокъ, сумокъ и всякой аммуниціи, а кто и ружье. Да и какъ было не пображничать! Самые знатные бояре намъ въ ту пору въ поясъ кланялись... Въ разъясненіе же милосердныхъ сентиментовъ ея величества, скажу еще слово... Она и царевной добротой прослыла и по простотѣ въ гвардіи крестила, не токма у начальства, но и у солдатъ, и на именины къ нашимъ солдаткамъ хаживала. Въ первую жъ годовщину вшествія, Лизаветъ Петровна объявила такія милости намъ, учрежденной своей лейбъ-кампаніи: поручиковъ роты произвела въ генералы-лейтенанты, прапорщиковъ въ полковники, барабанщиковъ въ сержанты и всѣхъ, какъ есть, двѣсти-пятьдесятъ восемь рядовыхъ въ потомственные дворяне... А про капитанское мѣсто въ той ротѣ объявила: «его мы соизволяемъ сами содержать и оною ротой командовать!» И подарила намъ, солдатамъ, матушка-царица, въ Пошехонской волости описныя помѣстья ссыльнаго князя Меншикова, на каждаго рядового по двадцать-девять душъ, повелѣла всѣхъ насъ вписать въ столбовыя книги и сама апробовала и утвердила каждому гербъ, съ гранатами и съ дворянскимъ шлемомъ, а поверхъ его съ

лейбъ-кампанскою шапкою. Вотъ онъ тоже виситъ на стѣнѣ... Но и другіе прислужники царевны были награждены, какъ слѣдуетъ, не токма что вельможи: комнатные слуги, Скворцовъ и Лялинъ, пожалованы деревнями и дворянствомъ, амстердотель Фуксъ въ вѣдомостяхъ зауряд переписанъ въ бригадиры. И стали на вѣчную память по Россіи новые дворяне: Увакины, Кокорюкины, Мухлынины, Першуткины, Клюевы и другіе... И никто намъ, жалованнымъ, не указъ.

— Какъ же вы, Калина Саввичъ, попали сюда изъ Пошехонья въ Украйну, на Лозовую? — перебилъ опять Увакина Яковъ Евстафьичъ.

— Сманилъ меня сюда, скажу вамъ, генералъ Штоффельнъ, у коего и вы землицу съ торговъ купили. Былъ у насъ съ нимъ за картами разговоръ: я съ его совѣта и выпросилъ себѣ чрезъ питерскихъ милостивцевъ обмѣнъ грунтовъ и перевелъ сюда своихъ подданныхъ.

— Давно?

— Годовъ ужъ съ двадцать. Да что! Мѣста тутошнія и хороши; только неладно здѣсь нонѣ жить въ степи, хоть и сказывали затѣйники, что здѣшніе берега кисельные, а рѣки медомъ текутъ...

— Чѣмъ же неладно тутъ жить?

— Не тотъ нонѣ штиль и не тѣ времена. Статское искусство верхъ взяло, а военное теперича въ забросѣ. Прожектисты въ гору пошли, и всѣ, кто былъ допрежде сего въ авантажѣ, вездѣ стали забыты. А въ Питеръ намъ, знатному шляхетству, видно, и не показываться. Дѣла тамъ теперича, милостивой патронъ мой, рѣшаются не по закону, а по партикулярнымъ страстямъ. Да вотъ... подавалъ я, примѣромъ, туда черезъ одного благодѣтеля нѣкоторое нужное письмо и къ оному пункты. Что жъ? Ничего, какъ есть, никакой резолюціи до сего дня не добился.

— Какіе же это вы подавали пункты?

— Доношеніе, государь мой, доношеніе на одного здѣшняго непотребнаго озорника и, сказать къ слову, — извините,—моего жъ сосѣда...

— Что же онъ сдѣлалъ за провинность?

— Изъ злой дурости выпустилъ на теперешнюю царицу, на матерь-то нашу, Екатерину Алексѣевну, преострый и преподлый пашквиль...

Яковъ Евстафьичъ даже поблѣдаѣлъ и, сказавъ: «съ нами крестная сила!» спросилъ:

— Какой пашквиль?

— Увѣряетъ, представьте, не стѣсняясь долгомъ присяги, якобы новому нашему, въ семъ году затѣянному городу Екатеринославу, быдто не сдобровать... Бабьи-де города не стоятъ! И какое-де нонѣ житье за бабою, коли женской полъ опять царствомъ завладѣлъ и своимъ фаворитамъ отдалъ насъ всѣхъ подъ суверенство. А? каковъ? И такихъ фармазоновъ-вольнодумцевъ терпятъ?

— А кто сей пашквилянтъ, осмѣлюсь спросить? — перебилъ Яковъ Евстафьичъ, не безъ тревоги, подвигаясь къ двери и поглядывая, гдѣ его коляска.

— Кому же имъ и быть, какъ не гулякѣ и не картежнику, однодворцу Фролкѣ Рындину? Ну! да пусть ужъ теперича всякая мелкота сильна и чинна стала. Только я ему мудрость-то и обиды его пособью. У меня случай есть въ новомъ фаворитѣ Зоричѣ. И ужъ коли нонѣшніе потентаты не изведутъ его, злого паскудника, такъ я самъ, за его качествы, на него лихъ пойду и силой покорю подъ нози сего супостата... Такъ-то, милостивецъ мой и сосѣдъ! силою... И вѣрь ты моему лейбъ-кампанскому слову... Говорю я это и тебѣ, и всякому не на вѣтеръ: кто моихъ властей не уважилъ, я того за рога. Послѣдніе дни, видно, приходятъ и все тутъ!..

Не понравился лейбъ-кампанецъ Якову Евстафьичу, и онъ уѣхалъ отъ него, повторяя про себя: «фанфаронъ, какъ есть, и знать презавистливый хвастунъ!».

Похвальбу свою лейбъ-кампанецъ, однако, вскорѣ выполнилъ дѣйствительно.

Только поссорился Увакинъ съ Рындинымъ, какъ оказалось послѣ, не за преострый пашквиль на «новое бабье царство», а по другой причинѣ, и кровавая развязка этой ссоры надолго взволновала тихія мѣста по Богатой!

Настала весна 1778 года.

Яковъ Евстафьичъ въ этомъ году прибылъ въ хуторъ на Богатую ранѣе, такъ какъ сюда, въ концѣ апрѣля, ожидали прихода купленныхъ подъ Тулой крестьянъ. Получивъ письмо отъ повѣреннаго, что первый отрядъ переселенцевъ уже двинулся, прадѣдъ мой, оставя калмыцкую кибитку, помѣ-

стился въ новомъ барскомъ домикѣ, выстроенномъ тутъ же на взгорьѣ, надъ Богатой.

Это была въ полномъ смыслѣ дѣвственная роскошная степь, какими девяносто лѣтъ назадъ еще обладала тогдашняя азовская губернія. Плугъ еще рѣдко взрывалъ ея тучную почву, а стада мериносовъ мало топтали ея дикіе цвѣты. Близъ новаго поселка не было почти никакихъ дорогъ, кромѣ стариннаго чумацкаго тракта на Бахмутъ, проходившаго оттуда въ нѣсколькихъ верстахъ. На хуторѣ стало оживленнѣе. По ночамъ въ окна барскаго домика долетало звонкое ржаніе восьми жеребцовъ, сторожившихъ на свободѣ косяки своихъ кобылицъ. Тихія рѣченки: Богатя, Богатёнька и Лозовая, извѣстныя теперь по Севастопольской дорогѣ, протекали здѣсь среди густыхъ камышей, храня въ полноводныхъ плёсахъ множество рыбы и раковъ, а по топкимъ берегамъ неисчислимыя стада чаекъ, кроншнеповъ и дупелей. Долина Богатой, у одного изъ плёсовъ которой, на самородныхъ ключахъ, расположился новый хуторъ, отличалась особою, чисто степною красотой. Одинъ берегъ рѣки упирался въ высокій зеленый горбъ, изрѣзанный красноглинистыми провальями и обрывами. Противоположный берегъ представлялъ гладкую, какъ скатерть, сперва зеленую, а потомъ синѣющую равнину, надъ которою вдали, въ жаркій день, точно струи водъ, откуда-то протягивались и играли волнистыя марева, а въ облакахъ кружили орлы, заставляя недавно закрѣпощенныхъ украинцевъ, работниковъ прадѣда, со вздохомъ слѣдить за ихъ вольнымъ полетомъ и задумываться надъ недалекимъ временемъ, когда ихъ отцы и дѣды такими же орлами носились надъ этими пустырями.

Девятилѣтній сынъ Якова Евстафьича, мой дѣдъ Иванъ Яковлевичъ, ходившій еще въ курточкѣ и воротничкахъ и взятый теперь отцомъ на Богатую, ясно помнилъ эту весну и приходъ перваго отряда переселенцевъ и любилъ объ этомъ впослѣдствіи разсказывать.

Къ началу мая были готовы всѣ избы и другія строенія для крестьянъ. Невдалекѣ же отъ небольшого домика, потомъ обращеннаго въ кухню, стали строить изъ навезеннаго, сплавного днѣпровскаго лѣса большой липовый господскій домъ, а возлѣ, на утѣху сударынѣ Аннѣ Петровнѣ, разбили и насадили садъ.

Иванушкѣ теперь была предоставлена полная свобода. И

въ то время, какъ учитель бесѣдовалъ съ Яковомъ Евстафьичемъ или читалъ «Утренній Свѣтъ» Новикова, Иванушка съ приказчикомъ Портянымъ, страстнымъ охотникомъ, урывался съ ружьемъ, съ дудочкой или съ сѣтью въ степь, или съ удочкой и съ острогой къ синимъ плёсамъ рѣки.

Въ лѣсномъ круглячкѣ, у котораго вначалѣ была разбита кибитка прадѣда, Иванушка намѣтилъ старый высокій дубъ, а на его вершинѣ орлиное гнѣздо. Сперва онъ, тайкомъ и безъ провожатаго, бѣгалъ туда слѣдить за жизнью и кормленіемъ еще безперыхъ орлятъ, а потомъ сталъ просить Портяного добыть ему и выносить для охоты орленка. Долго отнѣкивался приказчикъ: «и зачѣмъ вамъ, батюшка-барченокъ, мучить вольную Божью тварь!» Наконецъ, уступая настояніямъ барченка и не безъ опасности быть заклеваннымъ освирѣпѣлою орлицей, Портяной взялъ ружье и ножъ и, выглядѣвъ подвечерній отлетъ старыхъ орловъ на добычу, полѣзъ къ гнѣзду. Долго Иванушка стоялъ внизу, замирая отъ волненія, ломая руки и прислушиваясь, какъ въ тишинѣ лѣска, подъ руками и ногами Михайлы, трещали вѣтви дуба и сыпался мелкій сушникъ. Но вотъ Портяной добрался до орлинаго гнѣзда и затихъ.

— Что, Михайлушка? — внѣ себя спросилъ снизу мальчикъ:—сколько ихъ? да говори же!

Михайло молчалъ.

— Ни одного!—крикнулъ онъ со смѣхомъ:—проворонили! Всѣ разлетѣлись... Вонъ желтоносые попархиваютъ по верхамъ! Зато, погодите, молчите! — опять отозвался сверху дуба Михайло: — слышите пѣсни? это наши переселенцы подходятъ. Отсюда видно ихъ, какъ на ладони: много, много телѣгъ, идутъ и пѣшо; пыль клубомъ, дѣтей несутъ на рукахъ и пѣсни поютъ... Красныя панёвы, бѣлыя полстяныя шапки... Такъ и есть: наша арава! Пойдемте, барчукъ, имъ навстрѣчу...

И приказчикъ съ Иванушкой бѣгомъ пустились по полю.

Когда Иванушка подбѣжалъ къ передовой толпѣ переселенцевъ, и тѣ узнали, кто онъ такой, старики и парни стали брать его на руки, ласкать и приговаривать: «соколъ ты нашъ! надежа наша и покровъ!» — а бабы наложили ему за пазуху дудочекъ и глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ. А кто-то барченку подарилъ пойманнаго дорогой, мохнатаго и жирнаго сурка. Не доходя съ полверсты до усадьбы, пере-

селенцы разбили таборъ, поставили возы кругомъ, загнали туда скотъ и лошадей, разложили костры и отрядили къ барину стариковъ.

— Что, ребята, притомилися? Милости прошу на хлѣбъ, на соль и на послушаніе! — сказалъ Яковъ Евстафьичъ, выйдя къ нимъ въ сумерки на крыльцо:—жилье вамъ слажено, хлѣбъ посѣянъ, земли и воды вдоволь! Дѣдъ мой, коли слышали, Данила Даниловичъ, населилъ два лѣсныхъ помѣстья; а я вотъ, съ Богомъ, населяю степное! Будете чливы да радѣтельны, подарю васъ въ награду женѣ моей Аннѣ Петровнѣ. Портяной! угости ихъ и распоряжайся...

Мужики поклонились, понурили головы и пошли. И съ утра таборъ сталъ размѣщаться по отведеннымъ ему дворамъ. Дня черезъ три, съ поля, и опять подъ вечеръ, чуткій слухъ Портяного заслышалъ новыя пѣсни и скрипъ телѣгъ. Подошелъ и разбилъ костры другой отрядъ переселенцевъ. Къ концу же мая населился весь хуторъ; красныя панёвы и бѣлыя полстяныя шапки замелькали по полю, по рѣкѣ и по вновь окопаннымъ огородамъ, засверкали въ травѣ косы, зачернѣла новая пахоть; а по свѣже-натоптанной, широкой улицѣ поселка загремѣли звонкія пѣсни дѣвокъ и парней, не прекращаясь отъ сумерекъ вплоть до криковъ раннихъ, навезенныхъ изъ-подъ Тулы пѣтуховъ.

Такъ населился новый хуторъ прадѣда на Богатой.

Въ то же лѣто Яковъ Евстафьичъ рѣшился показать женѣ этотъ поселокъ и прибылъ сюда, какъ сказано въ его дневникѣ, 24 іюля, въ полночь, вмѣстѣ съ нею, съ Иванушкой и съ учителемъ.

Это былъ вторникъ. А въ четвергъ онъ объѣздилъ съ Аненькой поля, луга и всѣ границы имѣнія, показалъ ей свѣже-накошенные стога сѣна, копны новаго жита и поспѣвавшій клинъ великолѣпной пшеницы-бѣлотурки, и только-что усѣлся съ семьей за борщъ съ дикой уткой и за пироги съ перепелами, какъ подъѣхалъ гость, Калина Саввичъ Увакинъ.

На этотъ разъ лейбъ-кампанецъ, узнавъ, что сосѣдъ прибылъ не одинъ, а съ женой, да еще—съ былою фрейлиной настоящей императрицы, явился въ полной старинной преображенской формѣ, въ зеленомъ кафтанѣ, въ поясной портупеѣ съ сумкой, въ шарфѣ черезъ плечо, съ откладнымъ

воротникомъ, въ нѣсколько поѣденной молью треугольной лейбъ-кампанской шапкѣ, въ штиблетахъ и въ башмакахъ. Рѣдкіе сѣдые усы старика были нафабрены и вздернуты къ вискамъ, а въ рукѣ его была офицерская трость—эспонтонъ.

Хозяйка, бывшая запросто, въ распашонкѣ, но имѣвшая обычай строго придерживаться приличій свѣта, ушла и явилась за столъ въ бѣломъ матерчатомъ робронѣ, съ фалбарами, не забывъ налѣпить на щеки нѣсколько мушекъ, и, представленная мужемъ гостю, сдѣлала церемонный, по всѣмъ правиламъ моды, поклонъ.

— Гдѣ изволили, матушка, сшить эту робу? — началъ, послѣ первыхъ привѣтствій, съ учтивствомъ былого щеголя, снимая огромныя перчатки, Увакинъ.

— Къ генеральшѣ Херасковой въ Харьковъ посылала!— зардѣвшись, отвѣтила Анна Петровна.

— Знатный вашъ городокъ Харьковъ, коли такія модныя швеи завелися. А почемъ дали за фалбары?

— Восемь рублевъ.

— Отмѣнно сшиты и къ лицу. Особенно сіи фестоны на лифѣ и сіи же отмѣнные на плечахъ буфики.

— За учтивствы благодарю! — сказалъ и налилъ гостю наливки Яковъ Евстафьичъ.

Разговоръ перешелъ на хозяйство.

Увакинъ, между прочимъ, доложилъ, что у нихъ въ околоткѣ, что ни день, становится все хуже и хуже. Передалъ шопотомъ и озираясь, что вездѣ стали отъ злыхъ навѣтчиковъ бѣжать крестьяне и что у него также сбѣжали, недѣлю назадъ, семь лучшихъ подданныхъ, и хотя трехъ изъ нихъ онъ лично поймалъ на воскресномъ базарѣ въ Барвенковой, заковалъ въ кандалы, привезъ обратно и посадилъ ихъ въ погребъ, но четверо остальныхъ все-таки безъ вѣсти пропали.

— Жаль ослушниковъ. Знатные были работники. И одна только теперь надежда у меня, матушка-сударыня, это—мой вѣрный Васплёцъ!—прибавилъ Увакинъ:—все добро мое у него на рукахъ. И теперь вотъ, примѣромъ, я къ вамъ уѣхалъ, а онъ, я ужъ знаю, спустилъ собакъ и съ ружьемъ будетъ рабъ кругомъ усадьбы ходить, пока не обращусь вспять... Что дѣлать? Я вдовый, жениться, полагаю, поздно, хоть и скучно какъ-то одному, а все-таки жаль своего добра!

— Кого же вы боитесь, Калина Саввичъ?—спросила Анна Петровна, читавшая энциклопедистовъ, Гольбаха и Дюмарсе,

и не любившая старческихъ жалобъ на новизну:—вы, можно сказать, имперію спасли, а тутъ неспокойны и сумнительны.

— Ничего я, матушка, не сумнителенъ! Только мало ли злыхъ людей! Фармазоновъ все болѣе и болѣе разводится. Вотъ, хоть бы и сосѣдъ мой, Рындинъ... Ну, да я ли до него не доберусь...

— Ахъ, все-то вы, мужчины, погляжу я, неважны таковы!—усмѣхнулась Анна Петровна:—сваритесь и грозитесь, а ничуть это не славно! Лучше бы жили въ миру. И какіе тутъ у насъ фармазоны?

— И то правда, Калина Саввичъ,—подтвердилъ хозяинъ:—бросьте вы этого Рындина, да разскажите намъ лучше, что̀ новаго?

— Вотъ,—началъ Увакинъ:—какъ намедни гнался я за моими бѣглецами, прочиталъ я, доложу, у капитанъ-исправника листъ вѣдомости петербургской, и въ этой вѣдомости прописано, якобы на Невской перспективѣ нѣкій щеголь-гусаръ Волокитинъ раздавилъ рысаками одну простую бабу, и потомъ якобы у насъ скоро опять быть войнѣ...

— Довольно съ васъ погрома и Емельки Пугачова, да хоть бы и походовъ Задунайскаго!—проворчалъ Яковъ Евстафьичъ:—повысосали съ насъ денежекъ! Пора бы намъ ужъ и отдохнуть...

— И еще въ той же вѣдомости,—продолжалъ Увакинъ:—изъ амштердамскихъ курантовъ прописываютъ, якобы у французскаго короля при дворѣ представляли преотмѣнное итальянское дѣйствіе, именуемое паштораль, а потомъ его величество забавлялся машкарадой.

— Что̀ вы мнѣ, Калина Саввичъ, все про французскаго короля, да про его машкараду!—съ досадой перебилъ и закашлялся Яковъ Евстафьичъ:—ваши же, вить, милостивцы Шуваловы у насъ эту французскую дурость въ общую моду ввели. Я, сударь, въ перепискѣ съ Трубецкими .. Дай-ка Иванушка, письмо отъ князя Сергія, что̀ мы привезли съ собою.

— Что̀ же пишетъ князь Сергій?

— А вотъ, прислушайте... «А у его де сіятельства, у бывшаго гетмана Разумовскаго, давали презнатную комедію *La foire de Hizim* також де были у него оперы, и на тѣхъ операхъ дѣвки итальянки и кастратъ пѣли съ музыкой»... Вотъ вамъ и бывшій гетманъ всея Украйны! кастратовъ

слушаетъ! Тьфу! А еще римскими доблестями величаются. То ли дѣло здѣсь у васъ, на Украйнѣ, по простотѣ! Не такъ ли, Калина Саввичъ?

Увакинъ задумался и вздохнулъ.

— Мѣста, повторяю, здѣшнія хороши!—отвѣтилъ онъ:— слова нѣтъ! Только, милостивый патронъ мой, повторяю вамъ, мало все-таки защиты намъ здѣсь отъ озорниковъ... того и гляди, тебя изобидятъ!

«Ну, тебя обидишь! — подумалъ Яковъ Евстафьичъ,— найдется такой человѣкъ!»

Послѣ обѣда гость и хозяинъ соснули, потомъ опять угощались наливкой и сластями. А вечеромъ Яковъ Евстафьичъ велѣлъ пригнать ко двору табунъ на показъ сосѣду.

— Смотрите вы у меня,—повелительно сказалъ при этомъ Увакинъ табунщикамъ Якова Евстафьича:—межи вамъ указаны, а ходите вы инова и по моимъ владѣніямъ. Ой, берегитесь; лютъ я, Калина, за свое добро! Разъ пригрожу, два, а тамъ и стрѣлять по васъ изъ винтовки стану, какъ наскочу, либо батогами до полужива задеру»...

«Не стѣсняется его лейбъ-кампанское благородіе!— подумалъ, вспыхнувъ отъ досады, Яковъ Евстафьичъ, — сущій волкъ, волкомъ и умретъ. Ну, да посмотримъ! И я тебя изловлю; овцы твои на водопой ко мнѣ на луга, слышно, перебѣгаютъ. Только я стрѣлять тебя не стану, а свяжу своими молодцами, да прямо въ судъ, хоть ты и чванишься, что царство спасъ».

Послѣ ужина хозяева заговорились съ гостемъ за полночь. Увакинъ собирался въ новоосnованный Екатеринославъ, и Анна Петровна надавала ему порученій по дому: купить чаю, сахару, вина. Но едва собесѣдники разошлись по горницамъ и заснули, какъ отъ двора Увакина прискакалъ на взмыленномъ конѣ чуть живой отъ страха Василёцъ и объявилъ въ окошко разбуженному Калинѣ Саввичу, что на его усадьбу въ эту самую ночь напали съ незнаемыми людьми Рындинъ и насильно выкралъ и увезъ къ себѣ во дворъ его рабыню, молодую и весьма красивую ключницу, Улиту.

Бѣшенству старика не было предѣловъ. Онъ выскочилъ на крыльцо въ одномъ бѣльѣ и прежде всего ухватилъ за горло и чуть не задавилъ вѣстника.

— Коня!— заревѣлъ онъ: — коня? Какъ? Меня обидѣть?

Гдѣ же были другіе молодцы? Гдѣ были собаки? Ты, вражій сынъ, выдалъ и живъ? Меня, жалованнаго-то?..

И, какъ буря, понесся онъ сперва къ себѣ на хуторъ, побудилъ и, созвавъ уцѣлѣвшихъ пошехонцевъ, далъ имъ самопалы и топоры, посадилъ ихъ верхами на коней и съ разсвѣтомъ поскакалъ къ усадьбѣ Рындина. Однодворца, разумѣется, дома не засталъ, перевязалъ его небольшую дворню и съ четырехъ концовъ зажегъ его дворъ, овечьи загоны и хлѣбный токъ.

Вѣтеръ раздулъ пожаръ, а Увакинъ до поздняго вечера, рыча, какъ дикій вепрь, ходилъ и бѣгалъ кругомъ, подкладывая огонь тамъ, гдѣ плохо горѣло. На другое утро онъ опять явился сюда съ плугами и съ боронами, перепахалъ испепеленное дворище, изъ собственныхъ рукъ засѣялъ его гречихой и, заборонивъ пашню, отъѣхалъ во-свояси.

— Пусть песій сынъ помянетъ меня, лейбъ-кампанца, до вѣка...

Песій сынъ, однако, тоже не дремалъ.

Онъ подалъ на Увакина въ судъ челобитную, отрекаясь отъ похищенія Улиты, якобы волей отошедшей къ нему, и отыскивая съ обидчика тысячу рублей за убытки отъ поджога и за обиду.

Явилась полиція. Начался окрестный допросъ. Яковъ Евстафьичъ, втайнѣ радуясь грозѣ надъ самовластнымъ сосѣдомъ, который изъ-за личной ссоры выдавалъ въ доносѣ Рындина за франмасона, тѣмъ не менѣе, навѣстилъ его, съ участіемъ сталъ совѣтовать ему помириться съ Рындинымъ и даже отпустилъ къ нему, для писанія отвѣтовъ, учителя Иванушки.

Но не таковъ былъ Калина Саввичъ, чтобы помириться со всякой мелкотой.

Вслѣдъ за началомъ розыска, видя, что безуспѣшно бросаетъ чиновникамъ послѣдніе рубли, Увакинъ черезъ Васильца провѣдалъ, что Рындинъ съ его рабыней-бѣглянкой скрывается у попа, въ слободѣ Чуніхиной, и рѣшился расплатиться съ нимъ до-чиста.

Подъѣхалъ въ сумерки верхомъ къ попову огороду, залегъ въ капустникѣ, у садоваго плетня, выждалъ, да собственноручно изъ винтовки, въ присутствіи похитителя, наповалъ и убилъ Улиту...

Слѣдствіе возгорѣлось съ новой силой. Власти переполо-

шились. Дали знать и знакомцу Увакина, губернатору, спрашивая, какъ быть съ такимъ казусомъ со стороны столь важной особы, обитавшей въ ихъ губерніи?

Но ни суду, ни губернатору не удалось изречь своего приговора надъ Увакинымъ.

Улита была женой одного изъ тѣхъ бѣглецовъ, которыхъ Калина Саввичъ незадолго изловилъ и, несмотря на передряги по слѣдствію, продолжалъ держать въ кандалахъ въ подвалѣ.

Затворники отбили кандалы, вырвались ночью изъ подвала, взяли еще кое-кого изъ своихъ, вѣрнаго Васильца утопили въ колодцѣ, а лейбъ-кампанца, у котораго въ то время ночевалъ и опять сильно подгулялъ учитель дѣда, Григорѣвской, стащили съ постели и сказали: «ну, господине, теперь и съ тобой расчетъ!»

И какъ Увакинъ ни молилъ ихъ и ни кланялся имъ въ ноги, вынимая изъ сундука какія-то бумаги, крича о помощи въ окно и обѣщая всѣхъ выпустить на волю, отдать имъ все добро и отъѣхать въ невѣдомыя земли, пошехонцы вытащили его изъ комнатъ и, въ полной лейбъ кампанской формѣ, повѣсили его на любимой и имъ же нѣкогда посаженной грушѣ, а сами, связавъ полумертваго отъ страха семинариста, разбѣжались.

И хотя, по словамъ дневника прадѣдушки, «сей неподобный афронтъ» отъ подданныхъ былъ содѣянъ лейбъ-кампанцу «по его же квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго жъ поступкамъ», тѣмъ не менѣе, Яковъ Евстафьичъ, вспоминая ли собственныя волокитныя прегрѣшенія, или въ самомъ дѣлѣ жалѣя сосѣда, тогда же разлюбилъ новый хуторъ на Богатой и болѣе въ немъ никогда не бывалъ.

А за полчаса до кончины, умирая отъ чахотки и удивляясь, что не видитъ свѣчи и не слышитъ болѣе любимыхъ сверчковъ, понялъ, что приходитъ смерть, не безъ чувства простился съ женой и съ восемнадцатилѣтнимъ сыномъ, первую выслалъ изъ комнаты, а второму сказалъ слѣдующее: «Берегись ложныхъ друзей и тяжбъ, а также смѣлыхъ прожектистовъ, охотниковъ до дворскихъ и всякихъ перемѣнъ. Красивыхъ же женщинъ берегись и удаляйся пуще всего... Ихъ альянцъ—не радость, а пагуба, тлѣнь и запустѣніе души!»

1872 г.

III.

ИМЕНИНЫ ПРАБАБУШКИ.

Именины моей прабабки, Анны Петровны, праздновались въ день св. Анны пророчицы, 3 февраля. Именины другихъ родныхъ, не только дѣдушки, но даже и бабушки, можно было еще пропустить, — этихъ же именинъ ни въ какомъ случаѣ.

Уже за нѣсколько недѣль до 3 февраля, пріѣзжалъ, бывало, отъ ея невѣстки, моей бабушки, къ ея женатому сыну и замужнимъ дочерямъ нарочный съ письмами.— «Всѣ ли здоровы?»—спрашивала ихъ бабушка:—«пора бы собираться къ именинамъ маменьки».—«Твоя, милый другъ, «жо̀нушка»,—писала она сыну: «пораньше позаботилась бы изготовить все, что̀ нужно дѣтямъ для дороги,—шу̀бки подлиннѣе, сапоги теплые, на барашкахъ, да и чулки шерстяные. Дѣвочку возьмите съ собой непремѣнно; а сына оставьте съ мамкой; еще простудите какъ-нибудь. Пріѣзжайте заранѣе, чтобы потомъ что̀ не помѣшало. Матушка-сударыня, сами знаете, уже стара; Богъ вѣсть, много ли еще достанется намъ поздравлять ее съ дорогимъ днемъ ея ангела».—При этомъ въ гостинецъ присылались замороженные золотые караси, съ надписью: «изъ Великаго села» или огромные карпы—«изъ озера Курба̀това».

Если на приглашеніе отвѣчали неточнымъ обѣщаніемъ, а только завѣреніемъ, что-молъ постараемся, когда все будетъ благополучно,—то являлся вторичный посолъ, съ совѣтами, ка̀къ лучше поступить въ такомъ случаѣ. — «Теперь такіе холода»—писала бабушка:—«запрягите крытый возокъ, да возьмите провожатыхъ-верховыхъ; ночуйте въ дорогѣ у такого-то, а въ такой-то деревнѣ покормите лошадей, — все-таки будетъ не такъ тяжело и надежнѣе».—И это повторялось ежегодно, передъ каждыми именинами.

Родные съѣзжались наканунѣ. Въ день именинъ, утромъ, всѣ шли къ прабабушкѣ съ поздравленіями. Этимъ заправляла бабушка. Входя къ сыновьямъ и къ дочерямъ, она говорила: «Пора къ сударынѣ-матушкѣ!»—осматривала наряды дочерей и внучатъ, и выходила въ залъ большого дома, гдѣ ее ждалъ мужъ и сосѣдніе и дальніе гости.

Всѣ разодѣтые, предшествуемые бабушкой, отправлялись

по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, къ именинницѣ, съ пожеланіемъ добраго утра. Внукамъ и правнукамъ строго приказывалось при этомъ сидѣть у прабабушки смирно, не шептаться, слушать, чтò говорятъ старшіе, и, если прабабушкѣ будетъ угодно заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то отвѣчать ей, разумѣется, стоя.

Прабабушка жила въ особомъ флигелѣ, подъ камышевою крышей, вправо отъ дома. Крыльцо было посрединѣ флигеля; изъ передней налѣво была большая угòльная комната, прабабушкинъ залъ. Въ ней, посрединѣ, стоялъ овальный столъ, всегда накрытый тонкою, голландскою скатертью. Передъ небольшими окнами стояли краснаго дерева, съ бронзой, стулья; между окнами — такіе же столики. На одномъ изъ нихъ, передъ зеркаломъ, красовались, въ видѣ бесѣдки, со стекломъ, англійскіе часы Нортòна, подарокъ прабабушкѣ императрицы Екатерины II. Они указывали не только числа мѣсяца, но и ущербы луны, въ видѣ серебряной головы, всходившей и заходившей надъ голубымъ небомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, и каждый часъ, и четверть часа, исполняли пріятную музыкальную мелодію. Эти часы теперь хранятся у одного изъ ея правнуковъ и все это необыкновенно точно продѣлываютъ до сихъ поръ.

Направо отъ залы находилась обширная опочивальня, она же и пріемная гостиная прабабушки. Здѣсь, въ простѣнкѣ, между окнами въ садъ, передъ овальнымъ туалетнымъ зеркаломъ прабабушки, на рѣзномъ, съ позолотой ломберномъ столѣ, красовались два огромныхъ бронзовыхъ канделябра, каждый о пяти восковыхъ свѣчахъ, и рядомъ съ ними, на массивномъ серебряномъ подносѣ, съ ножками, стоялъ серебряный кофейникъ, тоже съ ножками и съ серебрянымъ цвѣточкомъ на крышкѣ, такая же сахарница и тонкаго саксонскаго фарфора чашки, въ видѣ крохотныхъ прямыхъ стаканчиковъ, съ ручками и рисунками, тушью и золотомъ, изображающими розы, въ бутонахъ, и листья. Если именинный обѣдъ прабабушки былъ во флигелѣ, то въ ея спальнѣ потомъ подавался роскошно-сервированный десертъ, изъ варенья, пастилы и фруктовъ въ сахарѣ, при чемъ восковыя свѣчи зажигались, кромѣ канделябровъ, и въ кенкетахъ по стѣнамъ. При движеніи воздуха, свѣтъ этихъ свѣчей очень затѣйливо игралъ на потолкѣ, изразцовой печи и на овальной рамѣ туалетнаго зеркала, искусно составленной

изъ крохотныхъ зеркальныхъ кусочковъ, что очень занимало дѣтей.

Вдоль стѣны, противъ двери изъ зала, помѣщалась прабабушкина кровать. На ней лежало горкой нѣсколько подушекъ и подушечекъ, въ тончайшихъ бѣлыхъ наволочкахъ, съ кружевными оборками, и темнокоричневое атласное одѣяло, подшитое голландскою простыней, съ бѣлымъ, на четверть кругомъ, отворотомъ по атласу.

Прабабушка, принимая своихъ и постороннихъ гостей, обыкновенно сидѣла на этой постели, спустя ноги на скамеечку изъ краснаго дерева, съ вышитою гарусомъ подушкой, и облокотясь обѣими руками на широкій, покрытый ковровою скатертью, лаковый столъ, за которымъ она всегда и обѣдала. За общій столъ въ большомъ домѣ сына она, въ послѣдніе годы, почти не являлась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, потому, что ужъ слишкомъ, пожалуй, было бы много чести, если бы она стала обѣдать съ прочими, а скорѣе всего—ей просто было спокойнѣе трапезовать у себя одной.

Вправо, за кроватью прабабушки, была дверь въ дѣвичью, а еще правѣе за дверью, въ углу опочивальни, красивая большая, изразцовая, съ зелеными, желтыми и синими разводами, голландская печь, на ножкахъ, съ узенькою лежанкой, на которой дѣти обыкновенно чинно-рядкомъ и усаживались. Здѣсь надъ лежанкой, въ особой печной впадинѣ, въ фарфоровомъ соусникѣ постоянно лежали вкусные только-что испеченные прабабушкины душистые и удобные крендельки, лепешки, сухарики и бублики,—брать которые дѣтямъ позволялось охотно. Они этимъ всегда пользовались столь усердно, что одна изъ правнучекъ Анны Петровны тутъ же, однажды, выломила себѣ кренделемъ расшатанный передній зубъ. Этотъ зубъ, впрочемъ, былъ у нея еще слабый, молочный и потому снова вскорѣ успѣшно выскочилъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Но столь необыкновенный казусъ произвелъ тогда на остальныхъ дѣтей особенно сильное впечатлѣніе, какъ событіе, совершенно неожиданное и выведшее всѣхъ изъ обычнаго, церемонно-вѣжливаго положенія. Дѣти съ тѣхъ поръ, до кончины прабабушки, идя къ ней съ пожеланіями добраго утра, обыкновенно ощупывали свои зубы, не шатается ли какой-либо изъ нихъ.

Полъ въ опочивальнѣ прабабушки былъ устланъ боль-

шимъ, домашней работы, ковромъ, съ бѣлымъ фономъ и зеленою каймой, по которой были разбросаны алыя розы.

Войдя въ опочивальню прабабушки, всѣ церемонно и важно поздравляли ее съ именинами, цѣлуя ей руку, а она, сидя на своей постели, обнимала дѣтей, внуковъ и правнуковъ, а остальнымъ ласково кланялась. Затѣмъ всѣ чинно садились по мѣстамъ. Анна Петровна всегда была одѣта въ черное платье, съ длиннымъ шлейфомъ, изъ плотнаго шелковаго левантина, съ тонкимъ, въ видѣ дымчатой волны, кисейнымъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чепцѣ и въ мерлушковой, длинной шубкѣ поверхъ плечъ, покрытой темнымъ атласомъ. Лицо у прабабушки было необыкновенно-бѣлое и важное. По обычаю времени, она бѣлилась до самой кончины. Каріе глаза прабабушки, въ молодости очень красивые, и на старости были привлекательны и очень оживлены. Зубы у нея были такъ свѣжи и крѣпки, что она и въ преклонные годы щелкала ими каленые орѣхи. Руками же она изстари щеголяла. Онѣ у нея были маленькія, бѣлыя и до того нѣжныя, что почти не отличались отъ батистовыхъ манжетовъ, выходившихъ изъ-подъ рукавовъ ея чернаго платья.

Тогда и послѣ, всѣ съ особенною похвалою отзывались о бѣльѣ прабабушки, которое у нея было поистинѣ образцовое, — тонкое, бѣлое, какъ снѣгъ, и все заграничное; притомъ его мыли у нея особенно щегольски. Въ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ Анны Петровны всегда привлекательно пахло восковымъ жасминомъ или чайною розой, любимыми цвѣтами прабабушки. Когда у нея говорили старшіе изъ гостей, младшіе, даже женатые, только молча имъ внимали. Когда же изволила говорить сама прабабушка, то уже всѣ положительно молчали. Дамы говорили съ нею, сидя; мужчины же — не только вставая, но и изысканно-вѣжливо кланяясь.

Никто у прабабушки и въ ея присутствіи не курилъ. Дѣдушка, съ трубкой своего кнастера, уходилъ для того въ оранжерею или портретную; а куряки изъ другихъ мужчинъ, особенно офицеры сосѣднихъ уланскихъ полковъ, для куренія изъ своихъ пенковыхъ трубокъ, въ лѣтнее время, скрывались даже въ садъ, въ бесѣдку, стоявшую тогда возлѣ такъ-называемой придворной груши, подаренной прабабушкѣ императрицей Екатериной. Анна Петровна вывезла когда-

то эту грушу, маленькимъ отводкомъ, изъ Царскаго Села, и собственноручно посадила ее у пруда, въ Пришибскомъ саду.

Во время именинная обѣда, когда онъ происходилъ во флигелѣ прабабушки, она, хотя кушала особо, въ своей опочивальнѣ, нѣсколько разъ, однако, въ теченіе стола выходила оттуда и удостоивала по нѣскольку минутъ постоять за каждымъ изъ обѣдающихъ, облокотясь о спинку его стула и не обходя своимъ вниманіемъ никого. За однимъ просто, бывало, постоитъ, съ другимъ поговоритъ, того ласково потреплетъ по плечу, этому скажетъ что-нибудь привѣтливое или веселое, и опять уйдетъ. Дѣти, въ особенности, удивлялись хвосту прабабушкинаго платья, который за нею обыкновенно тянулся чуть не на сажень изъ другой комнаты. Имъ объясняли, что это не хвостъ, а шлейфъ, котораго она не покидала, въ память давно прошедшей моды и дорогихъ лѣтъ своей молодости.

Ростомъ и фигурой прабабушка была представительна и красива, и въ ея домашнемъ обиходѣ все было также хорошее, дорогое и даже роскошное, такъ какъ сама она была женщина изъ высшаго круга, съ вѣсомъ, и въ душѣ истинная аристократка, причемъ и не подозрѣвала, что ея единственный, пятидесяти-пяти-лѣтній сынъ «Иванушка», какъ она его звала, передъ ея кончиной, уже промоталъ бо́льшую часть своихъ имѣній. Она и умерла, убѣжденная, что ея наслѣдникъ и его многочисленная семья остаются послѣ нея столь же богатыми, какъ была и она.

Обильный обѣденный столъ на именинахъ прабабушки былъ обыкновенно въ полдень. Лакеи, гуськомъ, торжественно несли изъ кухни въ ея флигель безконечное число блюдъ, въ суповыхъ чашахъ, соусникахъ и разныхъ крынкахъ и горшечкахъ, а среди обѣда, за тостомъ въ ея здравіе, которое тогда пилось венгерскимъ, раздавался залпъ изъ домашнихъ пушекъ, стоявшихъ среди двора, противъ крыльца флигеля и большого дома. Вечеромъ, при свѣчахъ, подавался столь же роскошный ужинъ. Послѣ обѣда, до ужина, гости играли въ карты, въ ломберъ или въ бостонъ, причемъ и прабабушка иногда, съ кѣмъ-либо изъ почетныхъ гостей, не покидая своей постели, играла въ пикетъ. Бо́льшею же частью она проводила время въ бесѣдахъ съ гостями.

Непріятныхъ или печальныхъ разговоровъ у прабабушки

не допускалось, какъ не бывало и чрезмѣрнаго веселья или громкаго смѣха.

Все было въ мѣру. Когда она, вспоминая минувшія времена, заводила рѣчь о какомъ-либо прошедшемъ событіи, то излагала его обстоятельно, не торопясь, а гости слушали ее, стараясь не проронить ни единаго ея слова. Такъ какъ дѣтямъ строго воспрещалось, при ней, не только говорить или шептаться между собою, но даже шевелиться, то они, соскучивъ долгимъ, молчаливымъ сидѣньемъ на изразцовой лежанкѣ, обыкновенно одинъ за другимъ незамѣтно уходили, черезъ смежную дверь въ дѣвичью, и оттуда, надѣвъ шубки и теплыя шапки, съ наушниками, вылетали въ посеребренный инеемъ, обширный, прабабушкинъ садъ, гдѣ на холмѣ, на особыхъ подставкахъ, чернѣли длинныя, чугунныя, запорожскія пушки, а у каменнаго грота выглядывала сѣрая «каменная баба», присыпанная пушистымъ снѣгомъ, точно въ бѣломъ серебряномъ чепцѣ—другая, таинственная прабабушка...

Однажды, въ такія же именины, послѣ радушнаго, оживленнаго обѣда, въ опочивальнѣ Анны Петровны остались за кофе, ликерами и десертомъ двое изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ ея гостей,—мѣстный предводитель и командиръ сосѣдняго уланскаго полка. Прочіе гости на нѣсколькихъ столахъ играли въ залѣ въ карты; остальные ушли курить въ большой домъ.

Разговоръ у прабабушки зашелъ о современномъ поколѣніи женщинъ и, между прочимъ, коснулся неравенства лѣтъ въ бракѣ. Полковой командиръ, ужъ далеко не молодой человѣкъ, давно, какъ замѣчала Анна Петровна, не спускалъ глазъ съ одной изъ ея родственницъ, совершенно молоденькой дѣвушки, и мѣтилъ посвататься къ ней. Неравнодушно поглядывалъ на дѣвушку и совсѣмъ старый предводитель. Прабабушкѣ это сильно не нравилось, хотя она ни тому, ни другому объ этомъ не говорила, такъ какъ и они, со своими сокровенными, но очевидными помыслами, еще молчали.

— Нашу сестру, особенно изъ нонѣшнихъ, да еще молодую, — сказала Анна Петровна: — коли не сдерживать, не вразумлять, то сейчасъ свихнется и, рано выйдя замужъ, такъ станетъ рядиться, да мести хвостомъ, что разоритъ

господина-мужа, либо, извините, хуже того, прямо стрекотуха-егоза наставитъ ему рога.

Сказавъ это, прабабушка на минуту смолкла, взяла со стола флаконъ съ какимъ-то спиртомъ, понюхала изъ него и оглянулась по комнатѣ.

— Дѣти, кстати, всѣ разошлись,—произнесла она.—Хотя у меня что-то не совсѣмъ свѣжа голова, могу вамъ, коли не наскучу, сообщить одно поучительное событіе, или даже, если хотите, трогательный анекдотъ...

Дѣти въ это время, дѣйствительно, вышли одинъ за другимъ изъ комнаты прабабушки, кто въ садъ, кто въ конецъ двора — на ледяную гору, или съ няньками къ рѣкѣ, гдѣ сквозь ледъ на ужинъ ловили бреднемъ рыбу. Одинъ, впрочемъ, изъ правнуковъ Анны Петровны, войдя передъ тѣмъ въ опустѣлую дѣвичью и не найдя тамъ своего теплаго платья, присѣлъ, въ ожиданіи прислуги, у печи, за дверью, и невольно услышалъ и потомъ запомнилъ то, что̀ разсказала тогда прабабушка.

— Это, други мои, было давно,—начала Анна Петровна:— лѣтъ десять спустя послѣ основанія здѣшняго университета. Въ то время къ намъ изъ города, знакомясь съ краемъ, охотно ѣзжали въ гости новоприбывшіе профессора и доценты разныхъ наукъ: архитектуры, физики, ботаники, медицины и словесности. Все это были хорошіе люди, образованные, деликатные. Они отдыхали здѣсь на привольѣ, особенно лѣтомъ,—да и намъ бывали полезны. Мы, съ Иванушкой, тогда только-что, съ Божьей помощью, кончили постройку нашего каменнаго пятиглаваго храма,—вы, государи мои, нынѣ такъ любуетесь имъ, а Иванушка, въ ту пору, успѣшно началъ опыты съ посадкой на нашихъ пескахъ сосноваго лѣса. Теперь это, какъ тоже вы знаете, уже не опыты, а настоящій на нѣсколько верстъ боръ... Такъ вотъ, говорю, тогда къ намъ на отдыхъ въ гости ѣзжали разные профессора и между ними немолодой уже адъюнктъ ботаники, — вы о немъ, чай, слышали, — Романъ Романычъ,—послѣ его перевели куда-то въ другой городъ. Онъ въ лѣтніе заѣзды дѣлалъ у насъ экскурсіи въ лѣсъ и степь за травами, а зимой на святкахъ, раза два ѣздилъ съ Иванушкой на волчьи облавы. Былъ онъ, скажу, лѣтъ за пятьдесятъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, но еще бодрый, съ румянцемъ во всю щеку и подвижной.

Сильно близорукій, онъ, между тѣмъ, страстно любилъ всякую охоту съ ружьемъ. Присматривалась я къ нему и удивлялась. Ужъ какъ онъ тамъ попадалъ въ птицу или бѣгущаго звѣря, никогда я не могла понять, — а туда же, бывало, примащивается къ самымъ записнымъ охотникамъ, возьметъ на плечи ружье, надѣнетъ высокіе сапоги и марширует. — «Куда вы? — говорю я ему однажды: — поберeглись бы; еще по близорукости подвернетесь подъ чье-нибудь дуло и васъ пристрѣлять въ гущинѣ».—«Кому, сударыня, утонуть, — отвѣтилъ онъ: — того ружье не тронетъ; а я хоть и близорукъ, а иной разъ вижу дальше зрячаго. Не я ли вамъ презентовалъ собственной охоты куропатокъ?» — А ужъ гдѣ тамъ собственной охоты! Думаю, покупалъ изъ любезности у нашихъ же егерей. Онъ въ десяти шагахъ почти ничего не видѣлъ, а разъ, ѣдучи къ намъ, принялъ терновый кустъ за отца благочиннаго и, снявъ шляпу, усердно кланялся ему.

Слушатели разсмѣялись.

— Въ тѣ годы въ нашемъ же институтѣ для бѣдныхъ дѣвицъ,—продолжала Анна Петровна,—кончила ученіе одна сирота, питомка съ дѣтства и крестница моего покойнаго брата, по имени Анна, какъ и я. По смерти брата, мы съ Иванушкой призрѣли эту Ашеньку и очень ее полюбили. За наши ласки и она насъ чтила, а меня звала маменькой. Кончивъ науку, разумѣется, она, какъ вполнѣ безпріютная, поселилась у насъ. Прошло лѣто, кончилась осень и наступила зима. Ашенька, видимъ, очень сильно скучаетъ по своемъ институтѣ, а особенно по товаркамъ. Отпраздновали святки; сталъ близиться день нашего общаго съ Ашенькой ангела. Ну, какъ вотъ и теперь, мы и тогда ждали добрыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ кое-кого и изъ губерніи. Кто-то при Ашенькѣ сказалъ, что на именины къ намъ и на охоту, съ волчьей облавой, будетъ и доцентъ ботаники. Ашенька такъ и заалѣла. — «Романъ Романычъ?» —спрашиваетъ меня.—«Онъ самый,—отвѣчала я:—а развѣ ты его знаешь?»—«Какъ не знать! онъ и въ институтѣ у насъ обучалъ ботаникѣ, и мы его всѣ, какъ есть, обожали!« — Извѣстно институтское обожаніе, — разумѣется, пустяки. Я о тѣхъ словахъ Ашеньки и забыла. Стали съѣзжаться гости; пріѣхалъ и этотъ доцентъ. Ашенька, какъ увидѣла его, запрыгала отъ радости и чуть не

кинулась ему на шею. Мы потомъ не мало упрекали ее за эту прыть; ты, молъ, уже не приготовишка какая-нибудь, въ куцомъ коричневомъ платьѣ, а кончившая всѣ курсы барышня, и надо бы тебѣ, милая, честь и совѣсть знать. А она, просто, какъ ошалѣла, глазъ не спускаетъ съ бывшаго своего ментора. Такъ, это, онъ побылъ у насъ двое сутокъ въ гостяхъ—и уѣхалъ. Видимъ, Аннушка стала более тосковать; на себя не походитъ, похудѣла, блѣдна, какъ кусокъ мѣлу, — вздыхаетъ, плачетъ. А лѣтомъ этотъ ботаникъ опять появился у насъ. Привезъ огромный свой гербарій, въ пачкахъ оберточной бумаги, ходитъ по степи и по лугамъ, собираетъ и сушитъ травы, а мы, съ горничными и съ Анютой, помогаемъ ему по вечерамъ. Одинъ разъ сидѣлъ онъ со мною на балконѣ, дивуясь лѣсомъ, посадкой Иванушки, — а лѣсъ въ то время уже сталъ виденъ черезъ степь, съ нашего балкона, — да и брякнулъ мнѣ: «Сударыня, Анна Петровна, не разсердитесь, если что̀ скажу?» — «Говори, милый, слушаю; ты хоть и философъ, а добрый человѣкъ». — Онъ помолчалъ. Замѣчаю, утромъ былъ онъ въ голубенькомъ шейномъ платкѣ, а тутъ уже сидѣлъ въ розовомъ; фракъ съ иголочки и башмаки съ модными пряжками. — «Отдадите за меня вашу Анну Львовну, — спрашиваетъ: — коли осмѣлюсь посвататься?» — Я такъ и обомлѣла. — «Да что ты, Романъ Романычъ, — отвѣчаю: — очумѣлъ, извини, что ли? ну, пара ли она тебѣ? такое неравенство лѣтъ... совсѣмъ молодёшенька, всего семнадцатый годъ, а тебѣ за пятьдесятъ! И кто, не сердись ты, въ мысли это втемяшилъ тебѣ?» — Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни слова. — «Что же, сударыня, — говоритъ: — развѣ я могъ бы быть столь дерзостенъ? Мнѣ подали нѣкоторую надежду... Лукерья Ивановна по тайности открыла, что Анна Львовна не только не прочь, но даже ко мнѣ расположена». — А эта Лукерья, надо вамъ сказать, была жена нашего тогдашняго попа, молодая, превзбалмошная и болтливая бабенка. — «Нашелъ сватью! — отвѣчаю я ему: — да неужели, — ну, скажи по правдѣ, — ты не боишься? Нашить тряпокъ и обвѣнчать-то васъ не долго, да и ты, повторяю, хорошій во всемъ человѣкъ; но обдумалъ ли ты? не вышло бы чего; не сталъ бы послѣ жалѣть!» — «Если вы, государыня моя, лично не препятствуете, — сказалъ онъ: — о себѣ скажу. —

я уже рѣшился; что̀ Господь дастъ, то и будетъ; а потому снова прошу принять мое почтительнѣйшее предложеніе и насъ благословить». — Тутъ онъ всталъ и поклонился мнѣ, съ глубокимъ решпектомъ. Я, однако, други мои, всегда была не изъ податливыхъ... отложила рѣшеніе на сутки, да и на другія ничего не отвѣтила,—толковала съ сыномъ, совѣтовалась съ невѣсткой. Принялись мы допрашивать и Анюту. Да что съ такимъ безперымъ птенцомъ? плачетъ, молитъ дать благословеніе. Иванушка мнѣ на третій день и говоритъ: «Что же, маменька, партія для бѣдной сироты-безприданницы, во всякомъ случаѣ, подходящая, онъ еще въ самомъ видѣ мужчина, имѣетъ бригадирскій чинъ, ласкаемъ, какъ видно, начальствомъ и получаетъ приличное жалованье; не нынче-завтра возведенъ будетъ въ профессоры, и беззаботно можетъ прожить, не только съ женой, но и съ дѣтьми, коли имъ Господь ихъ дастъ».—Ашенька три дня, запершись, ничего не ѣла и не пила; видимъ, ума отъ любви рѣшилась: и милъ-то онъ, по ея мнѣнію, и уменъ, и добръ, и всѣ у него, какъ есть, качества! — «Да старъ онъ тебѣ, дурочка, — твержу я ей напрямикъ: — ну, куда ему до тебя? ты жива, быстра, краля писанная и съ огнемъ, а у него бѣлый пухъ ужє, какъ у голубя-турмана, не токмо въ ушахъ, даже въ носу повыскочилъ!» — Ахъ, маменька, — отвѣчаетъ она:—да я старенькихъ-то, бѣленькихъ именно и люблю! Отдайте за него, я вотъ какъ его, еще со второго класса, полюбила». — Глупышъ ты, — говорю: бутонъ мой розовый, стрекоза! да за тебя адъютантъ вонъ полковой, писанный красавецъ и танцоръ-мазуристъ, сватается; я только тебѣ до времени не говорила... пожелай, съ руками тебя возьметъ». — Куда! ничто не подѣйствовало. Настояла Ашенька на своемъ; а тутъ еще сосѣдки давай ѣздить и трещать,—не томите любящихся, не разводите счастья! Я подумала, погадала и согласилась: будь, въ самомъ дѣлѣ, что̀ будетъ! Ашенькѣ нашили мы приданаго, назначили свадьбу и въ тотъ же годъ она стала профессоршей.

— Анекдотъ дѣйствительно интересный, — сказалъ полковой командиръ:—развѣ дѣвицамъ и впрямь все выходить за молодыхъ? съ пожилыми иногда бываютъ счастливѣе...

— Что̀ же, сударыня, было далѣе?—спросилъ предводитель:—ваша исторія, повидимому, еще не кончена.

— Ты, cher ami, угадалъ, — отвѣтила Анна Петровна, опять понюхавъ изъ флакона: — конецъ былъ, но, можно сказать, не только странный, а даже неожиданный. Молодые, представьте себѣ, зажили совершенно счастливо. Не только они сами, но и посторонніе отзывались о ихъ житьѣ-бытьѣ съ отмѣнною похвалой. Доцентъ усердно ходилъ читать свои лекціи, а на дому сверхъ того практически занимался со студентами; посылалъ ихъ собирать травы, объяснялъ имъ наглядно сорты и свойства всякихъ былинокъ и приводилъ съ ними въ порядокъ свой огромный, за нѣсколько лѣтъ собранный гербарій. Ашенька, въ чепчикѣ и въ простомъ ситцевомъ или муссслиновомъ платьѣ,—ихъ мы ей нашили вдоволь всякихъ, дешевыхъ и дорогихъ, — носила мужу наверхъ, въ его рабочую комнату, чай и кофе, и хлопотала по домашнему хозяйству и въ кухнѣ. Слыша похвалы Анютѣ, я сама однажды предприняла вояжъ въ городъ и своими глазами видѣла — какъ ея вниманіе, такъ и истинную ея любовь къ мужу. А ужъ о немъ нечего и говорить. Сѣдой и румяный селадонъ въ ней души не чаялъ; подарилъ ей колье́, — вотъ съ какою крупною жемчужиной! — колечко алмазное, и даже выписалъ ей черезъ купцовъ изъ Парижа модную бархатную мантилью и шляпку Сандрильонъ. По цѣлымъ часамъ сидѣли они рядкомъ, вздыхая, обнимаясь и говоря другъ другу завѣренія въ любви. — «Диво дивное! — думала я, глядя на нихъ: — и впрямь, — чего на свѣтѣ не бываетъ? старъ человѣкъ, а какъ къ себѣ этакую юницу привязалъ!» Одно мнѣ не нравилось въ Ашенькѣ... Она была невоздержна въ насмѣшкахъ надъ нѣкоторыми студентами, учениками мужа. Они и дѣйствительно были странно и неряшливо одѣты, отвѣчать не умѣли, а ужъ о манерахъ что̀ и говорить. Одного студента Анюта особенно вышучивала и шпыняла, хотя, повторяю, отчасти и подѣломъ. Звали его Митей, фамилія— Сверчковъ. Это былъ сынъ бѣднаго, городского чиновника, высокій, тощій, носатый и вѣчно молчаливый, съ длинными красными руками, которыхъ онъ постоянно не зналъ, куда дѣвать. Одно было въ немъ привлекательно: большіе, темные, ну, чудные глаза. Какъ теперь ихъ вижу, — такъ и просятся въ душу... А она надъ нимъ — ха-ха, хи-хи, — проходу ему не дастъ. Тотъ, бывало, при мнѣ, придетъ, усядется у нихъ за чаемъ, уткнетъ носъ въ чашку, а ру-

чинцы, какъ оглобли, разложитъ по выпяченнымъ, худымъ колѣнямъ, и въ то время, какъ другіе весело и безъ церемоніи болтаютъ и острятъ о томъ-о-семъ, молчитъ, какъ каменный истуканъ. Ашенька глядитъ и не вытерпитъ; либо пришпилитъ къ его фалдѣ салфетку, такъ что онъ, повернувшись, чуть не валитъ всей посуды, — либо принесетъ изъ кухни и потихоньку сзади насыплетъ ему на спину и на голову курьихъ перьевъ и пуху, да еще и къ зеркалу подведетъ его. Тотъ, съ-оторопу, чуть не плачетъ, а прочіе, и она больше всѣхъ, отъ смѣха надрываютъ надъ нимъ животы. Я ей потомъ наединѣ дѣлала строгіе реприманды. — «Ты, ма шеръ, говорю, не подростокъ, а профессорша, стыдись: можно ли такъ издѣваться надъ человѣкомъ?» — «Да что же, маменька, дѣлать? — отвѣчаетъ она, не удерживаясь отъ хохота: — руки-то, ноги его! развѣ такой увалень—человѣкъ? а со смѣху, онъ, пожалуй, и исправится, станетъ, какъ всѣ!» — Я уѣхала, а вскорѣ вышла, скажу вамъ, изъ всего того такая исторія, что не знаю, какъ уже и разсказать.

— Что же, студентъ, видно, наконецъ, разобидѣлся и дерзостей ей натворилъ?—спросилъ предводитель.

— Мужа вызвалъ за нее на поединокъ?—спросилъ полковникъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтила Анна Петровна:—а вотъ что. Жили такъ-то наши молодожены спокойно. Послѣ студеной зимы и начала сырой и грязной весны, наступили превосходные майскіе дни, — теплынь, яркое солнце и благораствореніе воздуховъ. Въ университетскомъ саду зацвѣли бѣлыя акаціи, дикіе жасмины и бульденежи. Луга и поля подъ городомъ, ну, какъ ковромъ, устлались тысячами вешнихъ цвѣтовъ. Романъ Романычъ по утрамъ торопился читать свои лекціи и, кое-чего перехвативъ за обѣдомъ, до поздняго вечера пропадалъ со студентами въ окрестностяхъ, за собираніемъ травъ. Однажды случилось такъ, что онъ, наморясь день-денской въ шатаньяхъ подъ городомъ, возвратился домой поздно ночью, едва чувствуя подъ собою ноги, упалъ, не раздѣваясь, на постель и заснулъ, какъ убитый. Утромъ, разумѣется, всталъ позднѣе обычнаго, взглянулъ на часы и увидѣлъ, что сильно проспалъ. Погода стояла восхитительная; душисто, тепло, птички щебечутъ за окнами, а солнце глядитъ ласково и празднично.

До лекціи оставалось не болѣе получаса. Романъ Романычъ наскоро умылся, напялилъ на себя вицмундиръ, уложилъ въ портфель брульоны своихъ лекцій и часть гербарія и хотѣлъ уже бѣжать въ аудиторію, но вспомнилъ, что внизу ждетъ его этотъ студентъ Митя, котораго онъ въ то утро рѣшилъ послать на подгородній архіерейскій лугъ. Тамъ въ это время окончательно отцвѣтали какія-то особенно дорогія, по мнѣнію ученыхъ, травы, цѣлебные папоротники, что ли, и ихъ надобно было разыскать и захватить непремѣнно въ цвѣту. Онъ кликнулъ къ себѣ Сверчкова наверхъ, показалъ ему образцы тѣхъ травъ и снова объяснилъ ему, какъ и на какихъ мочажинахъ ихъ собирать.— «Но ты, папаша, хотя бы закусилъ!»—сказала ему, войдя также наверхъ, Анюта. Мужъ взглянулъ на нее, и жаль ему стало идти. Она въ ту минуту, какъ онъ послѣ говорилъ друзьямъ, сіяла милѣе и свѣжѣе всякаго майскаго утра.—«Да, мой другъ, выпилъ бы я съ тобою кофейку,— отвѣтилъ мужъ, любуясь ею:—только вотъ что, ты знаешь, какъ я аккуратенъ... во всю жизнь въ университетѣ, да и у васъ въ институтѣ не пропустилъ ни одной лекціи. Надо идти!» — Онъ собственноручно надѣлъ на шею Сверчкову сумку съ инструментами и пропускной бумагой, для прокладки между нею свѣжихъ травъ, спустился съ лѣстницы и чуть не вприпрыжку пустился въ университетъ. Жилъ онъ довольно далеко, въ домѣ протопопа, почитай, въ концѣ города, однакоже успѣлъ дойти какъ разъ въ то время, когда на сосѣдней соборной колокольнѣ часы стали звонить девять, — начало лекцій. На крыльцо онъ взошелъ, впрочемъ, не безъ конфуза, такъ какъ ни у воротъ, ни возлѣ университета не было замѣтно никого изъ студентовъ. Всѣ, очевидно, были уже въ аудиторіяхъ. Такъ или иначе, а онъ, все-таки, значитъ, припоздалъ. Поднялся онъ по главной лѣстницѣ, заглянулъ мимоходомъ въ профессорскую сборную, она также была пуста. — «Эхъ, засмѣютъ, — подумалъ онъ, еще болѣе смутившись, — этакій точный, сама аккуратнѣйшая аккуратность, а явился позднѣе всѣхъ!»—Остановился онъ на верхней площадкѣ, отеръ вспотѣвшее лицо, оправилъ на головѣ свой бѣлый кокъ и одернулъ фалды мундира. Но едва онъ ступилъ въ общій коридоръ, навстрѣчу ему оттуда, тоже съ портфелью и тоже какъ бы озадаченный, хотя и съ улыбкой, — коллега

его, профессоръ астрономіи. — «Ты куда это?» — спросилъ астрономъ.—«На лекцію, сегодня о губоцвѣтныхъ буду читать,—тарантилъ Романъ Романычъ:—но ты замѣтилъ ли? вѣдь я, кажется, припоздалъ?» — Астрономъ такъ и покатился со смѣху, хохочетъ и его смѣхъ громко разносится въ пустомъ коридорѣ. — «Что ты смѣешься?» — «Да какъ же? оба мы поступили, какъ истинные философы, а сказать повѣрнѣе, даже просто, какъ разсѣянные колпаки!»— «Какъ такъ?» — «Да очень даже просто; вѣдь сегодня табельный, царскій день!»—Романъ Романычъ на это совершенно опѣшилъ и, тоже разсмѣявшись, вышелъ съ коллегой на улицу. — «Куда же ты теперь?» — спросилъ астрономъ. — «Домой, разумѣется; вѣдь я, представь, послѣ вчерашней экскурсіи въ луга, спалъ, какъ сущій богатырь, проспалъ до восьми съ половиной и такъ сюда торопился, что даже не закусилъ».—«Такъ зайдемъ ко мнѣ на обсерваторію, — сказалъ астрономъ: — во-первыхъ, это ближе, чѣмъ твоя квартира, а во-вторыхъ, мой вахтеръ намъ мигомъ подастъ не только закусочку, но и шнапсику; держу наверху для ради всякаго случая. Положимъ, фриштикъ у меня не столь будетъ вкусенъ, какъ моккскій кофе изъ рукъ твоей юной супруги, — зато у меня на башнѣ еще одна приманка... Представь, три дня всего назадъ уставленъ новый вѣнскій телескопъ, да какой? Разумѣется, теперь не ночь, планетъ и звѣздъ мы съ тобою не разглядимъ; но прислана еще великолѣпная, зрительная труба, и изъ нея видны не только твои подгородніе луга, но и далѣе, вся окольность, чуть не до монастырской горы».—Романъ Романычъ былъ вообще любознателенъ, а тутъ еще и голодъ, отъ пробѣжки утромъ и натощакъ по городу, сильно давалъ о себѣ знать. Все еще раздумывая, какъ это онъ такъ опростоволосился съ лекціей, онъ согласился и послѣдовалъ за коллегой...

Сказавъ это, Анна Петровна откупорила флаконъ, налила изъ него нѣсколько капель на уголокъ носового платка и потерла имъ у себя виски и за ушами.

— Голова у васъ, сударыня, болитъ?—спросилъ предводитель:—давеча за обѣдней не простудились ли?

— Ничего, монъ ами, недолго договорить, кончу,—отвѣтила Анна Петровна.—Товарищи взошли на обсерваторію. Пока вахтеръ готовилъ фриштикъ, астрономъ открылъ окно

на башнѣ, наставилъ въ него подзорную трубу, снялъ съ ея стекла закрышку и навелъ рефракторъ на окрестности. — «Другъ мой, смотри и любуйся, — сказалъ онъ: — видъ—какъ бы съ Монблана или Ризенгебирге... Духъ захватываетъ отъ столь дивнаго изобрѣтенія людского ума!» — Романъ Романычъ присѣлъ на табуретку, наладилъ стекло по глазу и сталъ любоваться дѣйствительно диковиннымъ видомъ, — голубыми въ легкомъ туманѣ полями, темными лѣсами и контурами холмовъ.—«Да,—сказалъ онъ,—узнаю, вонъ дорога на Кавказъ, а это, вонъ, гора, должно быть, возлѣ монастыря, — какая даль! а это, постой, по-близи, такъ и есть, архіерейскій лугъ... Я туда давеча послалъ одного своего слушателя дополнить гербарій... Старательный и хорошій малый, мѣтитъ въ ученые. Пожалуй, разгляжу и его за работой среди луговъ... Нѣтъ, что-то не видно; должно быть онъ взялъ напрямикъ черезъ лѣсъ».— Романъ Романычъ, пока его коллега и сторожъ ладили столъ и ставили на него закуску, любовался видомъ окрестностей. Наконецъ онъ навелъ трубу и на предмѣстья города. Тутъ онъ уже прямо пришелъ въ восторгъ.—«Ай, прелесть! — вскрикивалъ онъ:—каково? домъ Андрея Ѳедоровича—какъ на ладони; даже его пеструю кошку видно; вонъ крадется по крышѣ къ воробьямъ... Василій Назарычъ цвѣты въ палисадникѣ поливаетъ... постой, да что̀ это?.. такъ и есть,—георгины и конво̀львулосы, на тычинкахъ... все разберешь!.. ай, да рефракторъ! по чести, не труба, а чистое диво!»—«Да, инструментецъ изрядный,— сказалъ астрономъ:—а теперь, коллега, насчетъ шнапсику! это будетъ почище!»—Товарищи усѣлись, выпили и закусили. Хозяинъ вспомнилъ о недавно открытой кометѣ. Начавъ разсказывать о ней, онъ отперъ шкапъ, чтобъ достать и показать полученный ея рисунокъ.—«Что же это, однако?—спохватясь, подумалъ гость,—я смотрѣлъ на чужіе, а своего дома и не разглядѣлъ».—Онъ снова присѣлъ на табуретъ и навелъ рефракторъ на свое предмѣстье. Замелькали на стеклѣ подгородные домики, огороды и сады; сталъ виденъ, какъ бы въ десяти шагахъ, узенькій переулокъ и домъ протопопа. Романъ Романычъ разглядѣлъ знакомую красную крышу, тесовыя ворота, бѣлье, развѣшенное по двору, для просушки, на веревкѣ, и кучу протопоповыхъ голубей на вышкѣ, у слухового окна;— а по-

ниже и раскрытое окно своего кабинета,—книжные шкапы, комодъ, картинки по стѣнамъ и рабочій столъ, съ бумагами, передъ окномъ. Но вдругъ Романъ Романычъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ трубы, не вѣря своимъ глазамъ. Онъ замеръ и нѣсколько секундъ сидѣлъ, ни живъ, ни мертвъ.—«Еще водочки, коллега!—сказалъ товарищъ, доставая рисунокъ новооткрытой кометы:—смотри какая,—а хвостъ изогнутъ и сквозь него видны звѣзды». Но ужъ куда тутъ было до водочки или до кометы. Романъ Романычъ протеръ платкомъ зрительное стекло, еще взглянулъ въ рефракторъ и надвинулъ на него крышку... Потъ каплями падалъ съ его лица...

Прабабушка снова замолкла.

— Что же онъ увидѣлъ?—спросилъ предводитель.

— То, что̀ и слѣдовало ожидать,—раздражительно отвѣтила Анна Петровна, прикладывая носъ къ флакону.

— Непріятность какую-нибудь?—спросилъ полковникъ:—воры забрались въ кабинетъ?

— Да, воры, — отвѣтила прабабушка, — только иного сорта... На диванѣ въ кабинетѣ сидѣлъ Митя, а рядомъ съ нимъ Ашенька, и оба они, обнявшись, цѣловались, какъ истые голубки.

— Возмутительно, дерзко и неблагодарно!—сказалъ предводитель...

— Именно, монъ шеръ, неблагодарно, — обратилась къ нему Анна Петровна, разведя руками: — совершивъ такое открытіе, Романъ Романычъ молча отошелъ отъ трубы. Коллега знакомъ пригласилъ его къ столу. Они еще выпили по рюмкѣ.—«Такъ рефракторъ не дуренъ?» спросилъ астрономъ.—«Преотмѣнный!» отвѣтилъ гость.—«И все хорошо видно?»—«Все...»—Товарищи пожали другъ другу руки и разстались. Точно на крыльяхъ вѣтра Романъ Романычъ понесся домой. Онъ шелъ, какъ облитый водою, съ портфелемъ подъ мышкой, и не грустилъ, а какъ-то странно усмѣхался.—«Такъ тебѣ и надо, старый дуракъ!—разсуждалъ онъ, идучи:—совсѣмъ сосулька, сморщенный грибъ, а тоже затѣялъ играть въ амуры. Подѣло̀мъ ротозѣю, плюгавой размазнѣ! Не такъ надо было смотрѣть за молодою, красивою женой!»—Примчался онъ на квартиру и прямо на лѣстницу. Услышала Анюта скрипъ ступеней, узнала шаги мужа и выбѣжала къ нему изъ кабинета на пло-

шадку.—«Какъ?—спрашиваетъ:—ты уже домой? а лекція?»—«Забылъ я, милая, сегодня табельный день».—«Будешь пить кофій? только налить—готовъ».—«Охотно!» отвѣтилъ мужъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ и окинулъ его глазами. Все въ немъ казалось на мѣстахъ и какъ бы въ порядкѣ. Одна только его шинель какъ-то странно была брошена на диванъ и свѣсилась съ него до полу.—«Такъ пойдемъ же внизъ ко мнѣ—сказала Анюнька:—тамъ и спокойнѣе, и не такъ жарко».—«Нѣтъ, я усталъ; давай сюда».—Анюта вышла на площадку и крикнула въ кухню стряпухѣ: «Завари кофій, да неси наверхъ двѣ чашки; выпью и я».—«Нѣтъ, три!» сказалъ мужъ. Анюнька удивилась.—«Развѣ еще кого ждешь къ себѣ» спрашиваетъ.—«Да, жду одного пріятеля».—Тутъ Романъ Романычъ вынулъ изъ портфеля свои записки и травы, разложилъ ихъ на столъ, снялъ съ себя вицмундиръ и облекся въ покойный домашній шлафрокъ. Кухарка возилась съ посудой.—«Удивительные люди, эта прислуга!—съ нетерпѣніемъ восклицала Анюнька:—кипятокъ всегда есть и кофейникъ былъ на плитѣ, а не несетъ!»—Кофій наконецъ былъ принесенъ.—«Ну, гдѣ же твой знакомецъ?» спросила Анюта, наливая пока двѣ чашки.—«Наливай и третью», сказалъ мужъ. Анюта налила. Романъ Романычъ всталъ со стула, быстро нагнулся къ дивану и приподнялъ брошенную на него шинель.—«Ну-ка, господинъ Сверчковъ,—сказалъ онъ, увидя торчавшія изъ-подъ дивана, въ болотныхъ сапогахъ, ноги Мити и похлопывая по нимъ:—что конфузиться? вылѣзайте, будемъ пить кофе». Еле живой отъ смущенія, весь красный и въ пыли, Сверчковъ выползъ изъ-подъ дивана, отряхнулъ на себѣ платье и робко присѣлъ на край стула. — «Полно церемониться,—вотъ ваша чашка, откушайте; да проси же гостя, жена!»—Анюнька не вѣрила своимъ ушамъ и была готова провалиться сквозь землю. Сидя какъ на иголкахъ, она ожидала бурныхъ взрывовъ, грозы. Ничего этого, однако, не произошло. Мужъ налилъ себѣ въ чашку сливокъ, медленно помѣшалъ ложечкой и, обмакивая печенье въ кофій, сталъ съ удовольствіемъ прихлебывать. Видя его спокойствіе, началъ пить и Митя, а за нимъ и Анюнька.—«Это съ инбиремъ и корицей?» обратился Романъ Романычъ къ женѣ, указывая на поданные сухарики.—«Да».—«Ты сама пекла?»—«Сама...»—«Превкусно...»—«Что за

диво?—разсуждала Анюта:—неужели онъ ровно ничего не замѣтилъ? и могла ли до такой степени дойти его ученая, не отъ міра сего, простота? Что же? весьма возможно; онъ, по его мнѣнію, поймалъ ученика въ лѣности, да ласкою, косвенно и коритъ его за то, что тотъ, убоясь его упрековъ за нерадѣніе, спрятался подъ диванъ».—А тѣмъ временемъ, какъ Анюта это думала, Романъ Романычъ разспрашивалъ Сверчкова о его родителяхъ и узналъ, что они померли и что онъ живетъ у тетки, вдовы аптекаря.—«Она и теперь содержитъ мужнину аптеку?» спросилъ онъ.—«Такъ точно».—«И хорошо идутъ ея дѣла?»—«Изрядно».—Допивши кофе, Митя всталъ, вѣжливо поблагодарилъ за угощеніе, взялъ шапку и сумку, и сталъ откланиваться.—«А ты, Ашенька?—обратился Романъ Романычъ къ женѣ:—что не берешь также своей шляпки и мантильи?»—«Зачѣмъ?» удивилась та.—«Какъ зачѣмъ?—отвѣтилъ Романъ Романычъ:—теперь ужъ не я тебѣ мужъ, а вотъ онъ... Вы любите другъ друга, будьте же счастливы и неразлучны. Извольте, молодой человѣкъ, взять подъ руку Анну Львовну и шествуйте во-свояси...»—Анюта помертвѣла, не могла слова проговорить.—«Да, мои милые, да, други сердечные!—продолжалъ Романъ Романычъ:—я сдѣлалъ въ жизни одну великую глупость, не послушалъ тѣхъ почтенныхъ особъ, кои мнѣ перечили и предрекали то, чтò случилось, и ужъ болѣе, разумѣется, я того не повторю!»—Ашенька залилась слезами. Митя упалъ на колѣни и сталъ молить о прощеніи.—«Да что же вы, дорогіе мои, каетесь?—сказалъ Романъ Романычъ:—вы только открыли мнѣ глаза, и я вамъ за то крайне благодаренъ. Здѣсь законъ природы, его же не прейдеши, и провидѣнія перстъ! Повторяю, не смущайтесь: облегчите мою душу, живите счастливо, и да благословитъ васъ Господь!»—Сверчковъ поднялъ на Анюту свои большіе, плѣнительные глаза. Ашенька растерянно взглянула на него. Они поняли, что дѣлать болѣе нечего, взялись подъ руки, да потихоньку и ушли..

Анна Петровна смолкла; молчали и ея слушатели.

— Что же было потомъ?—рѣшился спросить предводитель.

Анна Петровна закрыла глаза, какъ бы собираясь съ мыслями. Такъ она пробыла съ минуту.

— Давняя исторія,— сказала она, — и тѣмъ собственно, если хотите, дѣло и кончилось... Романъ Романычъ, сгоряча

покончивъ все, сперва было какъ бы пошатнулся духомъ, никуда не показывался, не ходилъ на лекціи и по цѣлымъ днямъ молча смотрѣлъ изъ кабинета въ окно, либо открывалъ книжный шкапъ и медленно перелистывалъ какую-нибудь книгу, ничего въ ней не понимая. Потомъ, однако, онъ успокоился и возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Ашенька поселилась сперва у Митиной тетки, такъ какъ ко мнѣ она уже не рѣшалась болѣе обращаться. Когда же Романъ Романычъ, перейдя въ другой университетъ, получилъ тамъ каѳедру профессора, онъ далъ Анютѣ разводъ и она обвѣнчалась со Сверчковымъ. Дѣло, если посудить, обыкновенное и не особенно мудреное. Такъ не разъ бывало на свѣтѣ и всегда будетъ. Но, вотъ что̀, по-истинѣ, дивно... Романъ Романычъ впослѣдствіи узналъ, Митя не только не бросилъ науки, но, кончивъ курсъ университета, выдержалъ экзаменъ на магистра, а потомъ и на доктора. Тутъ уже Романъ Романычъ не утерпѣлъ и написалъ ему письмо.—«Вы, какъ и слѣдовало ожидать,—выразился онъ ему,—преуспѣваете въ наукахъ; я же, сообщу вамъ, совсѣмъ состарился и отъ занятія микроскопомъ теряю зрѣніе... Для новаго вина нужны и новые мѣха. Пріѣзжайте, дорогой мой, да не одни, а съ женою, вашею супругой, и съ дѣтками. Порадуйте, дайте взглянуть на васъ всѣхъ. Будемъ вмѣстѣ хлопотать у начальства. Я вамъ уступилъ лучшее мое сокровище въ жизни—жену; охотно достойному уступлю и мою каѳедру, которую, ахъ, я люблю не менѣе, чѣмъ любилъ свою жену!»

— И онъ это исполнилъ?—спросили съ удивленіемъ полковникъ и предводитель.

— Истинный и тонкій былъ философъ!—заключила прабабушка:—нынѣ мало такихъ людей! все какіе-то самонадѣянные и, простите, легкомысленные... А онъ, какъ сказалъ, такъ, представьте, все и совершилъ!

1887 г.

IV.

ДѢДОВЪ ЛѢСЪ.

Мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ Данилевскій посѣялъ... тысячу десятинъ лѣса.

Не правда ли, какъ это странно слышать въ нашъ, по

преимуществу «лѣсоистребительный вѣкъ?» Вспомнимъ сжиганіе лѣсовъ желѣзными дорогами и пароходами, которыхъ по одной Волгѣ ходитъ болѣе пятисотъ; вспомнимъ рубку «березокъ» по всей Россіи въ Троицынъ день.

Люди предпріимчивые, люди съ сильной волей и дѣловымъ умѣньемъ, при всякихъ новѣйшихъ приспособленіяхъ, съ паровыми плугами, рядовыми сѣялками и при своихъ и акціонерныхъ капиталахъ, — стали бы въ затрудненіе передъ задачей—посѣять и выростить тысячу лѣсныхъ десятинъ.

Много и въ послѣдніе годы толковали о «лѣсоразведеніи», «древонасажденіи» и «обводненіи» южныхъ степей. Ученые геологи и ботаники, по древеснымъ остаткамъ въ курганахъ и на днѣ рѣкъ и озеръ, доказывали, что—нынѣ пустынныя, лишенныя рощъ и дубравъ—Украйна и Новороссія въ незапамятныя времена были покрыты лѣсными породами, гдѣ заброшенный въ степи путникъ могъ находить убѣжище отъ непогоды. Писались доклады, вызовы, проекты и уставы; командировались свѣдующіе чиновники и лѣсники; составлялись общества и продавались паи. Но ни «лѣсоразведенія» и «древонасажденія», ни «обводненія» степей до сихъ поръ не оказалось и слѣда. А въ глубинѣ слободской Украйны, въ Зміевскомъ небогатомъ селѣ Прішибѣ, проживалъ незнаемый свѣтомъ хуторянинъ, мой дѣдъ, который семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, безъ машинъ, безъ своихъ и чужихъ вспомогательныхъ капиталовъ, взялъ да и засѣялъ лѣсомъ тысячу десятинъ никуда негодныхъ, песчаныхъ земель на Донцѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ оффиціальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина.

Во-первыхъ—свидѣтельства официальныя.

Въ рѣчи извѣстнаго харьковскаго ученаго профессора ботаники, В. М. Черняева — «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, сказано слѣдующее: «Покойный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Делавинъ, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на сыпучихъ пескахъ.

— «Я знаю,—говоритъ онъ,—одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени.

Когда я проѣзжалъ по его землямъ, лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.),—я нашелъ песчаную равнину, десятинъ въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного? Почему имя сего мужа не достигло подножія трона?

— «Въ 1844 году,—продолжаетъ профессоръ В. М. Черняевъ,—имѣлъ я удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятинъ, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтьми изъ лѣса, который за полвѣка посѣянъ ихъ отцомъ. Чрезъ ходатайство начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, помѣщикъ Зміевскаго уѣзда, награжденъ, за столь благодѣтельный и поучительный примѣръ, орденомъ св. Владиміра».

Такъ говорятъ оффиціальныя печатныя данныя; такъ свидѣтельствуютъ почтенные профессора. И сообщеніе ихъ въ точности вѣрно: сѣятель зміевскаго лѣса былъ, дѣйствительно, примѣрной скромности человѣкъ. Какъ всѣ люди, чѣмъ-нибудь истинно послужившіе родной землѣ, онъ и умеръ, не подозрѣвая, что совершилъ какой-либо подвигъ и этимъ былъ кому-нибудь полезенъ.

Мой дѣдъ, какъ свидѣтельствуетъ его формулярный списокъ, родился въ 1769 году. Въ 1791 г., съ небольшимъ двадцати лѣтъ, зачисленный въ службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, онъ въ теченіе пяти лѣтъ былъ произведенъ въ фурьеры, подпрапорщики, каптенармусы и сержанты гвардіи, а въ 1796 году, незадолго до смерти императрицы Екатерины, уволенъ, по прошенію, въ отставку. Надо, впрочемъ, пояснить, что какъ это поступленіе въ полкъ, такъ и прохожденіе въ немъ службы, равно и полученіе чиновъ, по тогдашнимъ обычаямъ, совершились при постоянномъ и полномъ отсутствіи служившаго изъ полка.

Мой дѣдъ никогда не былъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, и не видѣлъ въ глаза не только гвардіи, но и своего преображенскаго полка.

Формулярный списокъ прибавляетъ, что въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ исполнялъ, по выборамъ дворянства, должность зміевскаго «комиссара для сбора денегъ, пожертвованныхъ дворянами съ ихъ имѣній на учрежденіе харьковскаго университета». Не будетъ лишнимъ вспомнить

нынѣшнему молодому поколѣнію южныхъ землевладѣльцевъ, что наши дѣды на этотъ предметъ пожертвовали и до копейки собрали въ тѣ годы болѣе полумилліона рублей.

Въ 1819 году послѣдовало награжденіе Ивана Яковлевича орденомъ св. Владиміра, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличные труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанные, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ».

Избранный старостой имъ построенной въ 1810 году, въ родовомъ селѣ, каменной церкви, мой дѣдъ несъ эту обязанность до конца жизни.

Онъ умеръ шестидесяти-четырехъ лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, въ три комнаты, домикѣ, у Курбатовскаго ключевого пруда.

Оффиціальныя и письменныя данныя на этомъ кончаются. Устная семейная старина щедрѣе...

Отецъ Ивана Яковлевича воспитывался въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ соученикомъ извѣстнаго, по Шлиссельбургской катастрофѣ, Мировича. Служа въ пѣхотѣ, онъ женился на дочери выборгскаго коменданта, Плотниковой, занимавшей въ то время должность каммермедхенъ при дворѣ императрицы Екатерины. Угрюмый мистикъ и масонъ, отецъ Ивана Яковлевича умеръ отъ чахотки, когда сыну исполнилось восемнадцать лѣтъ. Сынъ получилъ домашнее воспитаніе.

Любимецъ и единственная отрада матери, Иванъ Яковлевичъ, со дня своего рожденія и по ея кончину, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, не разлучался съ родительницей. Въ его дѣтствѣ она его нянчила и сама учила не только грамотѣ, но и верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья. Подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія, въ послѣднемъ году прошлаго столѣтія, женился.

Новый, XIX-й, вѣкъ засталъ Ивана Яковлевича на тридцать первомъ году жизни. Прекрасно образованная и даже, какъ тогда говорили о ея пансіонскомъ воспитаніи, «ученая» — его жена, моя бабка, Анна Васильевна была изъ семьи Рославлевыхъ, стяжавшихъ громкую извѣстность своимъ пособіемъ при возведеніи императрицы Екатерины Второй на престолъ. Живая, чувствительная и подвижного нрава, Анна Васильевна съ трудомъ выносила застѣнчивый,

тяжелый на подъемъ и нерѣшительный нравъ мужа. Воля доброй, умной свекрови въ этой семьѣ была законъ. Робкій и мнительный съ посторонними, съ дѣтства замкнутый, бука и домосѣдъ, Иванъ Яковлевичъ до женитьбы увлекался лишь двумя предметами—охотой и музыкой. Хозяйствомъ онъ занимался мало. Имѣніемъ завѣдывали, подъ надзоромъ матери, приказчики. А какъ они занимались хозяйствомъ, можно было видѣть въ концѣ села, у кабака, особенно въ праздники, когда одного изъ нихъ оттуда велъ въ хату кумъ, а другого провожала смазливая дочка, крестница матери Ивана Яковлевича.

Днемъ Иванъ Яковлевичъ бродилъ по степи и по Донцу съ ружьемъ; по вечерамъ тѣшилъ матушку игрою на скрипкѣ или на клавесинахъ! Тѣхъ же обычаевъ онъ вздумалъ держаться и ставъ молодоженомъ.

Анна Васильевна терпѣла-терпѣла деревенскую скуку и рѣшилась, наконецъ, ласково и стороной намекнуть мужу о губернскомъ городѣ Харьковѣ: что тамъ, дескать, всякія веселости, театры, выѣзды, танцовальные вечера.

Долго,—почуявъ, въ чемъ дѣло,—кряхтѣлъ и робко улыбался молодой, неподатливый и неповоротливый мужъ. Не хотѣлось ему оставить деревенскаго теплаго угла, нажитыхъ привычекъ, охоты съ любимымъ ружьемъ «калиновкой», бесѣдъ съ матерью и стеганнаго на ватѣ, мягкаго шелковаго архалука. Да и сидѣла въ немъ, съ недавнихъ поръ, какая-то внутренняя смутная дума. Онъ все охалъ, брался за грудь и бока, жаловался на нездоровье. Жена незамѣтно, однако, пересилила.

Потолковавъ съ «сударыней-матушкой» и продавъ сосѣднимъ купцамъ кое-какіе сельскіе запасы, Иванъ Яковлевичъ рѣшилъ провести часть зимы 1801 года въ Харьковѣ. Онъ послалъ нанять квартиру у тамошняго своего знакомца, доктора Вырубова; но медлилъ и медлилъ съ отъѣздомъ, или, какъ бабушка думала о томъ впослѣдствіи, «мямлилъ-мямлилъ» и отправился туда ужъ на рождественскихъ святкахъ, въ февралѣ.

— Вы довольны, зёльхенъ! — спросилъ дѣдъ, такъ называвшій въ нѣжные часы жену.

— Какъ же, гѐрцхенъ, не довольна!.. Увидимъ свѣтъ, освѣжимся...

Побывали молодожены у городскихъ властей и у губерн-

скаго предводителя; выстояли архіерейскую службу въ монастырѣ; посѣтили театръ и какую-то панораму, обжились, устроились и сами стали принимать знакомцевъ и родныхъ.

Иванъ Яковлевичъ справилъ себѣ модный нарядъ; сталъ выѣзжать въ голубомъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами, и въ крахмаленномъ жабо̀; но часто шептался съ докторомъ, квартирнымъ хозяиномъ. Зная мнительность некрѣпкаго здоровьемъ мужа, Анна Васильевна все собиралась спросить Вырубова, въ чемъ дѣло, и стѣснялась, какъ бы не огорчить этимъ мужа. Харьковъ, между тѣмъ, огласился печальнымъ событіемъ.

Въ началѣ великаго поста прихожане старой Вознесенской церкви, заслышавъ звонъ пономаря, стали собираться къ заутренѣ. Двѣ старухи замѣтили на стѣнѣ деревянной колокольни бумажку, прибитую у входа на паперть. Одна изъ старухъ, грамотная купчиха Слатина̀, сосѣдка по квартирѣ дѣда, предполагая, что это было призваніе къ пожертвованію, стала вслухъ читать написанное... Бумага оказалась острымъ и сильно дерзкимъ пасквилемъ на одно высокое лицо.

Вознесенскій протопопъ, отецъ Василій Фотіевъ, проходя мимо къ службѣ, взглянулъ на «бунтовскую грамотку», сорвалъ ее и тотчасъ заявилъ о ней полиціи. Въ тотъ же день онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и взятъ подъ арестъ. Старуху Слатину̀ къ ночи умчали съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. И хотя всѣ знали, что ни Фотіевъ, ни Слатина́, какъ ни въ чемъ здѣсь неповинные, будутъ, по всей вѣроятности, вскорѣ освобождены, тѣмъ не менѣе, всѣмъ городомъ овладѣла паника.

А тутъ еще какой-то проѣзжій изъ столицы чиновникъ сообщилъ новое извѣстіе, въ особенности поразившее моего дѣда. Завернувъ по пути къ пріятелю архимандриту, этотъ петербургскій житель подъ секретомъ разсказалъ, что однофамилецъ и дальній родичъ моего дѣда, тоже Иванъ Данилевскій, былъ въ ту зиму схваченъ полиціей гдѣ-то въ курской или пензенской губерніи и такъ же, какъ Слатина̀, отвезенъ въ Петербургъ.

Разсказчикъ, впрочемъ, прибавилъ, что арестъ для этого обвиняемаго окончился благополучно. Когда арестанта ввели въ кабинетъ императора Павла, государь съ негодованіемъ

показалъ ему какой-то рисунокъ со стихами и спросилъ: «Это ты меня изобразилъ въ такомъ привлекательномъ видѣ?»—Государь!—проговорилъ черезъ силу, упавъ на колѣни, арестованный:—я не только пашквилей на обожаемыхъ моихъ монарховъ, но даже и писемъ къ роднымъ дѣтямъ писать не могу... третій годъ рука въ параличѣ»...

Было произведено новое дознаніе; настоящій виновникъ дерзкой сатиры былъ найденъ и уличенъ. Ивану Данилевскому императоръ Павелъ, по словамъ разсказчика, пожаловалъ, за напрасныя тревоги и страхъ, дорогой перстень, далъ мѣсто въ ассигнаціонномъ банкѣ, на поправку разстроенныхъ дѣлъ записалъ ему обширную вотчину и, наконецъ, по просьбѣ оправданнаго, въ память этого событія съ нимъ въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ тогда жилъ государь Павелъ Петровичъ, прибавилъ къ его фамиліи слово—«Михайлòвскій». Съ той поры и стали на Руси Михайлòвскіе-Данилевскіе.

Анна Васильевна всячески старалась успокоить мужа, встревоженнаго этимъ разсказомъ.

— Ну, видите, видите,—говорила она:—какой добрый и справедливый монархъ!..—Не права ли я? Не только наградилъ невинно-подозрѣваемаго, но еще передъ нимъ на разводѣ принесъ извиненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо уѣзжать!—твердилъ дѣдъ:—и тотъ Иванъ, и я Иванъ, и оба Данилевскіе. Мало ли что̀ можетъ произойти... Подальше отъ города,—болѣе спасенія и тишины.

— Но что̀ же произойдетъ?

— А вонъ, квартальный поручикъ вчера пять разъ за день мимо насъ прошелъ и все поглядывалъ на окна... Вѣрь, что ужъ не даромъ...

— Да его квартира здѣсь на улицѣ.

— А зачѣмъ на наши окна смотрѣлъ?

Въ Харьковъ, незадолго передъ тѣмъ, пріѣхалъ извѣстный фокусникъ Манчини. Онъ пустилъ афиши, въ которыхъ извѣщалъ, что публика увидитъ у него отмѣнно-дивныя вещи: ращеніе въ четверть часа изъ сѣмянъ цвѣтущихъ розъ, глотаніе зажженной пакли и оживленіе обезглавленныхъ передъ зрителями голубей. Городъ спѣшилъ въ заманчивый балаганъ.

— Собирайся, сейчасъ ѣдемъ!—сказалъ Иванъ Яковле-

вичъ, торопливо, съ блѣднымъ лицомъ, входя къ женѣ съ утренней прогулки.

— Къ Манчини? развѣ сегодня?

— Нѣтъ, сударыня,—въ деревню, домой...

— Какъ? что̀ случилось? А ты же обѣщалъ завтра съ Вырубовыми къ фокуснику?..

— Не до заморскихъ нынче штукъ, — мрачно отвѣтилъ дѣдъ:—слышала, мой другъ, что̀ грозитъ Харькову? Представь,—прибавилъ онъ съ боязливою оглядкой: — присланъ, говорятъ, секретный приказъ... Если въ трое сутокъ не найдутъ виновника вывѣшенной у колокольни сатиры, то въ Харьковъ войдетъ чугуевскій казачій полкъ и подожжетъ съ конца въ конецъ всѣ улицы; и когда городъ сгоритъ, его мѣсто спашутъ, засѣютъ, и поставятъ у дороги столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ городъ Харьковъ».

— Что вы, что вы, Иванъ Яковлевичъ! всякому слуху вѣрите!—возразила, сама поблѣднѣвъ, Анна Васильевна: — помяните мое слово, никакихъ подобныхъ вандальствъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ быть не можетъ... Сколько разъ я вамъ говорила, по поводу такихъ политическихъ пересудъ, что все это — бабскія выдумки! будемъ надѣяться на Бога; а нашъ Харьковъ, вѣрьте, останется цѣлъ и невредимъ.

Слова нѣжной, любящей, вѣрившей въ «просвѣщеніе вѣка» бабушки, на самомъ дѣлѣ, оправдались.

Утромъ слѣдующаго дня, когда архіерей, губернаторъ и прочія высшія городскія власти выходили отъ вечерни изъ собора,—къ паперти подскакалъ въ волчьей шубѣ, засыпанный снѣгомъ, фельдъегерь. Онъ, еще стоя въ бѣшенно-мчавшихся саняхъ, скинулъ шапку и, ею махая, крикнулъ охрипшимъ голосомъ: «Счастье имѣю поздравить съ восшествіемъ на престолъ императора Александра! царство небесное императору Павлу!»

Эта вѣсть съ быстротою молніи облетѣла Харьковъ.

— А все-таки, зѐльхенъ, уѣдемъ въ деревню!—сказалъ, выслушавъ новость, дѣдъ женѣ.

— Почему, гѐрцхенъ? развѣ не видите, какъ, по моему предсказанію, все счастливо кончилось?—отвѣтила жена: — городъ ликуетъ; съ близкой пасхой будутъ новыя празднества, веселье, балы.

— Въ своемъ гнѣздѣ и веселѣе, и лучше!

— Но мы многимъ еще визитовъ, какъ слѣдуетъ, не

отплатили,—настаивала жена:—родные обидятся; у многихъ назначены вскорѣ вечера, а такою родней, гѐрценька, какъ у васъ, не слѣдуетъ пренебрегать... Донецъ-Захаржевскіе, Краснокутскіе, Двигубскіе, князь Трубецкой, Милорадовичъ, Пестичи, графъ Петръ Михайлычъ Апраксинъ, Булацѐль-богачъ...

— Еще, сударыня, нѣтъ ли кого на примѣтѣ? А я скажу,—рѣшилъ дѣдъ:—скупимъ, чтò надо, да скорѣй во-свояси. Знаешь пословицы: своя хатка — родна матка... на своей печи все красное лѣто... Дòма и стѣны помогаютъ; и мышь въ норку тащитъ корку... Вотъ и я, скажу вамъ, къ своей «калиновкѣ» пріобрѣлъ нынче новый, съ пороховницей, ягдташъ...

«Калиновка», долго хранившаяся въ нашей семьѣ, была любимымъ ружьемъ дѣда. Онъ изъ нея, по преданію, подъ шестьдесятъ лѣтъ, не давалъ промаха по волкамъ и убивалъ на лету ласточекъ.

— А кстати,—прибавилъ дѣдъ женѣ: — поздравляю и съ новымъ егеремъ, Антипкой... Сегодня съ нимъ встрѣтился! Завзятый стрѣлокъ... И онъ поѣдетъ съ нами.

Новаго егеря Иванъ Яковлевичъ нанялъ случайно. Дѣдъ вошелъ въ польскую лавочку, гдѣ торговалъ приборъ на ружье. Здѣсь онъ увидѣлъ здоровеннаго, сухопараго, сильно обвѣтреннаго и съ примороженнымъ носомъ верзилу, покупавшаго дробь и картечь на старенькую, перевязанную веревкой винтовку. Разговорились. Антипъ оказался странствующимъ торговцемъ-охотникомъ.

— Откуда пришелъ?

— Изъ брянскихъ лѣсовъ.

— Какова тамъ охота?

— Другой нѣтъ на всемъ свѣтѣ.

Дѣдъ еще поговорилъ, осмотрѣлъ винтовку Антипа, спросилъ, какъ и у кого онъ охотился въ брянскихъ лѣсахъ, и предложилъ ему съѣздить съ собою за городъ, попробовать въ цѣль «калиновку».

— Вотъ такъ бисова говинька! хоть бы и кошевому! — сказалъ Антипъ, протирая глаза, когда дѣдъ на пробѣ всадилъ на сто шаговъ пулю въ пулю:—я бы съ такимъ ружьемъ жилъ, какъ съ жинкой, и ходилъ бы за нимъ, какъ за родною дѣтиной.

«Эге! Ковинька! и вспомнилъ кошевого!—подумалъ, поко-

сясь на Антипа, дѣдъ,—персона, очевидно, не пустячная; ужъ не изъ бывшихъ ли, нынѣ шатающихся по міру, славныхъ сѣчевиковъ?».

Антипъ Легкостуцъ, дѣйствительно, былъ изъ закрытаго двадцать-пять лѣтъ передъ тѣмъ Запорожья. Гдѣ онъ былъ со времени памятнаго «руйнованія сѣчи»—никто не зналъ. Уходилъ ли онъ съ прочимъ «товариствомъ» въ Туретчину, да соскучился и самъ возратился, или первое время прятался гдѣ-нибудь въ глухихъ степяхъ, да по морскимъ рыболовнямъ въ Новороссіи,—преданіе о томъ умалчиваетъ. Въ послѣднія же семь-шесть лѣтъ Антипъ шлялся, стрѣляя и сбывая дичь помѣщикамъ и въ города, по бѣлгородскимъ и брянскимъ лѣсамъ. Пріѣхавъ въ нашъ Пришибъ съ обозомъ дѣда, онъ прожилъ у него около десяти лѣтъ, исчезая, впрочемъ, по временамъ, на годъ и болѣе.

— Куда же ты, Антипъ?—спрашивалъ его въ такихъ случаяхъ дѣдъ.

— А къ морю, пàне, въ Тилигулъ... Появилась птица отàйка и птица усòй.

— Да не брешешь ли ты?—говорилъ дѣдъ:—что̀ это за отàйка и усòй? никто про̀ такихъ птицъ не слыхивалъ; а къ Тилигулъ вашъ братъ вѣчно шелъ, когда было скучно и хотѣлось просто уйти на всѣ четыре стороны...

— Ни, пàне, ей-же то Богу,—до моря, въ Тилигулъ,—отвѣчалъ, собираясь въ дорогу, Антипъ:—такая птица явилась, нельзя...

Дѣдъ оказывалъ полное довѣріе новому егерю, поручилъ ему всѣ свои ружья и весь охотничій арсеналъ. Антипъ проживалъ въ саду, въ пустой банѣ. Иванъ Яковлевичъ почасту его навѣщалъ.

— Что вы все шепчетесь съ лѣкаремъ?—спросила какъ-то бабушка мужа, когда они вновь обжились въ селѣ и къ нимъ сталъ наѣзжать въ гости сосѣдній полковой врачъ.

— То такое,—отвѣтилъ таинственно и растерянно дѣдъ:—что вамъ, Анна Васильевна, какъ дамѣ, можетъ, и не подъ силу. Не женскаго резона матерія, извините... Когда-нибудь и скажу... А впрочемъ, можетъ-быть, и пустяки.

Бабушка была довольна новою утѣхою мужа. Съ Антипомъ дѣдъ охотился какъ у себя, такъ и въ сосѣдскихъ поляхъ. Онъ узналъ его ближе, полюбилъ за сумрачный,

нѣсколько дикій, но прямой и стойкій нравъ, и сообщилъ ему нѣкій завѣтный, сладкій замыселъ, созрѣвшій на днѣ его робкой, несообщительной души. Это было во вторую весну пребыванія Антипа у дѣда, въ 1802 году.

— Знаешь ли, Антипъ, что я затѣялъ? — сказалъ однажды дѣдъ егерю:—и не только затѣялъ, твердо рѣшилъ, и хочу о томъ переговорить съ матушкой.

— Не знаю, пане; и какъ намъ можно знать всѣ панскія мысли?

— Хочу у матушки проситься съ тобою въ отъѣзжее поле, въ брянскіе лѣса...

— Ну, и съ Богомъ, пане Иване! Тамъ такія мѣста, такія, и столько всякой дичи, — только помогай Богъ въ дорогу!..

— Да, помогай Богъ!—произнесъ, почесывая переносье, дѣдъ:—а какъ матушка не пуститъ?

— Да почему же?

— Потому, я все хворый, все мнѣ не по себѣ...

— А оттого, паночку, и не по себѣ, что много дома сидите. Вонъ и у меня, на что ноги, — лошадиныя, а ужъ мозоли стали сходить на вашихъ, спасибо, хорошихъ хлѣбахъ...

— Ну, такъ я попытаюсь,—только ты, Антипъ, до времени молчи... Будешь молчать?

— Буду.

Воспитаніе дѣда прошло подъ вліяніемъ мѣстныхъ религіозныхъ и бытовыхъ преданій. Онъ росъ подъ кровомъ сельской, сказочной старины. Женскій міръ, совѣты, ласки и руководство любящей матери въ теченіе долгой ея жизни, положили на дѣда свой, нѣсколько фантастическій, отпечатокъ.

Въ то время не только въ поселянскихъ, но и въ дворянскихъ семьяхъ всецѣло царили особыя космическія понятія о мірѣ, небѣ и землѣ.

Небо тогда неоспоримо еще считалось синей кровлей великановъ — «одноглазцевъ», бабы которыхъ на нее съ вечера кладутъ свои веретена и вальки. Облака — это студень, и его пробовалъ въ бурю какой-то пастухъ. Солнце— человѣкъ съ огненными волосами. Одинъ панъ заблудился на охотѣ, попалъ на небо, гдѣ солнце спитъ, и если-бъ не

вѣтеръ, губатый солнцевъ братъ, этотъ панъ сгорѣлъ бы, какъ снопъ. Передъ концомъ свѣта солнце спустится къ землѣ и уже не зайдетъ; тогда загорятся озера, колодцы, и рѣки потекутъ краснымъ огнемъ. На лунѣ по ночамъ — Адамовы сыновья, — Каинъ держитъ на вилахъ убитаго Авеля. Затменіе—это св. Юрій ставитъ на мѣсяцъ заслонку. На Срѣтеніе — встрѣча и борьба семейной жены, зимы, и гулящей дѣвки, лѣта. Звѣзды — свѣчи въ рукахъ ангеловъ, сидящихъ на ступеняхъ божьяго трона; и эти свѣчи—души людей: праведно живущихъ—яркія, грѣшниковъ — тусклыя, мерцающія. Едва родится человѣкъ, Богъ зажигаетъ свѣчку и даетъ ее ангелу. Сколько звѣздъ, столько и людей; падучія—это души покойниковъ. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ. Громъ—архангелъ Михаилъ охотится съ ружьемъ на утокъ и прочую дичь. Роса—слезы великомученицы Варвары, которая ходитъ по тощимъ, засыхающимъ нивамъ и плачетъ о бѣдныхъ людяхъ. Радуга—ея коромысло, и по ней втягиваются въ тучи, кромѣ рѣчныхъ водъ, маленькія рыбки и лягушки, потомъ падающія на землю. Морозъ — дряхлый сѣдой старикъ, весь въ сосулькахъ. Вѣтеръ—Касьянъ вѣтродуй, мордатый, губатый и усатый, прикованный гдѣ-то къ стѣнѣ. Проснется, шевельнетъ однимъ усомъ — вѣтеръ, другимъ—буря.

Тогда — въ дѣдово время — вѣрили, что волы, лошади и всякій скотъ, въ ночь подъ Рождество, говорятъ между собой по-человѣчьи; что летучая мышь стала съ крыльями оттого, что съѣла на Пасху «свячёнаго»; что чайка — неутѣшная вдова, ставшая птицей отъ непрерывнаго плача надъ могилой мужа, и что воробьи, за указаніе евреямъ воскресшаго Спасителя, до конца вѣка будутъ повторять свой предательскій крикъ: «живъ, живъ!»

Егерь Антипъ внесъ немало новыхъ таинственныхъ преданій и откровеній въ умственную жизнь дѣда. Онъ даже помѣщеніе въ банѣ избралъ вслѣдствіе особыхъ соображеній. Жить на охотномъ дворѣ онъ не захотѣлъ.

— Со псами, панс, извините, нечисто! — сказалъ онъ:— боюсь не блохъ, а того, что бываютъ всякіе псы.

— Какіе же бываютъ псы?

— Душа иного человѣка за плохія дѣла переходитъ, по смерти, въ собаку,—отвѣчалъ егерь:—оттого бываютъ «песьи-

головцы» и «вовкулаки» — ихъ сразу и не различишь. — они ночью сердце сосутъ.

— Я вамъ, пане, найду и добуду «ремезево гнѣздо»,— говорилъ одинъ разъ Антипъ, бродя въ камышахъ по Донцу и тамъ въ травѣ подглядывая птичьи сѣдала.

— Какое же это гнѣздо?—спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Отъ лихорадки лѣчитъ и отъ дурного глаза... Такая махонькая, тихая птушка есть; въ зелени ее и не видать.

Отъ подносимой чарки водки Легкоступъ отворачивался, увѣряя, что съ давней поры, по зароку, не пьетъ. Сельскій шинокъ онъ обходилъ какъ-то мрачно, окольными тропинками, говоря, что кто сидитъ за горѣлкой, тотъ не выкрикнетъ на приманку ни волка, ни лисицы. Поселяне дичились его и не щадили насмѣшками. Онъ отругивался отъ нихъ забористо и на особый ладъ. «Лярво ты, хляпитуро!— кричалъ онъ, выйдя изъ себя: — чтобъ ты сдурѣлъ и вѣялся, какъ вѣтеръ! Чтобъ тебя позавертало! Чтобъ ты съ дымомъ пошелъ!..»

«Запорожецъ! какъ есть, запорожецъ! — думалъ дѣдъ, любуясь шагавшимъ по улицѣ, въ сермягѣ, на босу ногу стрѣлкомъ:—«такъ ругались сѣчевики, наѣзжавшіе къ отцу въ былые годы».

Собираясь на охоту и ладя барину нужные припасы, Антипъ напѣвалъ одну и ту же заунывную, протяжную пѣсню, гдѣ слышались слова: Черное море, турки и братья сѣромахи, славные молодцы. Иногда же онъ ласково, нѣжно причитывалъ, будто молился: «Вы зори-зорницы, три сестрицы! займите тотъ кубокъ, что Іисусъ руки мылъ... Ночь темна, темница! замыкаешь ты церкви и хаты, монастыри и царски палаты... замкни звѣрю уши и глаза, чтобъ я подошелъ и не промахнулся».

На охотничьихъ привалахъ Антипъ безъ умолку разсказывалъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку.

— Я, пане, одинъ разъ сподобился встрѣтить святого Юрья,—повѣдалъ какъ-то Антипъ.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ?

— Да тамъ же, куда собираетесь, въ тѣхъ лѣсахъ.

— Какъ же это было?

— Иду я вотъ съ этимъ самымъ мушкетомъ, — сказалъ Легкоступъ, беря ружье въ жилистыя, точно свернутыя изъ канатовъ руки: — ночь была темная, въ позднюю осень.

Поглядѣлъ, а вдали, въ гущинѣ деревьевъ, перебѣгаютъ огоньки; точно кто со свѣчами ходилъ и чего-нибудь искалъ по травѣ. Я прилегъ въ кусты, выждалъ; вижу, св. Юрій идетъ, — какъ есть, въ латахъ, въ желѣзной шапкѣ и съ большущимъ самопаломъ черезъ плечо; а за нимъ понуря морды и махая хвостами,—вереница волковъ... ихъ-то глаза и свѣтились...

— Да какъ это за Юріемъ волки?

— Онъ волчій пастухъ,—отвѣтилъ Антипъ.

— Своими глазами видѣлъ?

— Своими.

— Да, любопытны ваши брянскіе лѣса, и я, что задумалъ — сдѣлаю, — сказалъ, прохаживаясь по банной горенкѣ, дѣдъ.

— Много дивъ, еще больше дичи,—произнесъ Легкоступъ:— только знайте, пане Иване, вся она заговорена. Много тамъ чертей...

— Откуда же они, когда тамъ святой Юрій?

— То не его дѣло. А извѣстно—лѣсъ, вѣковѣчныя дебри; опять же воздухъ свободный; ну, всякая нечисть и водится,—лѣсовики, овражники, болотняшики, камышники; гдѣ какой изъ чертей захочетъ, тамъ себѣ и живетъ; есть и лѣсныя бабы, — полнолунницы, что звѣзды крадутъ; есть дѣвки щекотницы, — попадешься къ нимъ, защекочутъ до смерти. Эхъ, пане, вотъ бы сюда, на Донецъ, да такіе дремучіе лѣса!..

— Я и самъ давно думаю, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ;—засѣять бы, въ самомъ дѣлѣ, вотъ хоть всѣ эти песчаные кучугуры, да бугры...

— То-то штушекъ бы прибыло!—обрадовался Антипъ: — дикіе голуби-вытютни, сойки, сѣрый и черный дроздъ, вальдшнепы, шпаки.

— Я полагаю, съ лѣсомъ завелись бы и всякія лѣсныя травы! — произнесъ дѣдъ, какъ-то раздумчиво, загадочно и несмѣло взглядывая на егеря.

— Еще-бы!—продолжалъ Легкоступъ: — въ тѣни выползетъ тебѣ не только всякая подземная былинка, всякій божій злакъ, а покажется, пожалуй, и «дѣдъ-моркунъ».

— Это кто?—спросилъ, поднявъ брови, Иванъ Яковлевичъ.

— Кладъ такой... Иной, пане, кладъ выбѣжитъ и катится ночью по дорогѣ бѣлою овцою или чернымъ лохма-

тымъ пѣтухомъ; его и не узнаешь. А другой вышелъ и станетъ въ кустахъ старымъ, засморканнымъ нищимъ; въ дерюгѣ, съ котомкой и съ клюкой; горбатый онъ, поганый, ну—плюнуть; а кто ему утретъ, извините, сопли—глядь и разсыплется золотомъ. Разныя дива бываютъ. Опять-же, пане, слышно, что при концѣ вѣка такіе будутъ махонькіе люди, что дюжина ихъ въ печкѣ станетъ горохъ молотить...

— Ну, то при концѣ свѣта, — перебилъ Иванъ Яковлевичъ. — А скажи ты мнѣ лучше, Антипъ, вотъ что... Есть тамъ въ лѣсахъ, гдѣ ты былъ... жабникъ, жабья трава? А кое-гдѣ зовутъ ее также чистотѣломъ, и отъ нея, какъ сказываютъ очищается тѣло человѣка... Есть такая трава? Ты ее видѣлъ?

— Жабникъ? какъ не быть!—отвѣтилъ Легкоступъ:—всякая трава, пане Иване, выраститъ подъ деревомъ, абы лѣсъ былъ... А ужъ лѣса тамъ, говорю вамъ, вотъ лѣса! Безъ начала и конца...

Задумался дѣдъ пуще прежняго и окончательно рѣшилъ не откладывать дѣла.

Наступилъ 1802 годъ. Весной въ этомъ году у Ивана Яковлевича родился сынъ Петръ, мой отецъ. По совѣту своей матери, дѣдъ ѣздилъ въ мартѣ на богомолье въ Святогорскій монастырь, гдѣ служилъ молебенъ о здравіи родильницы и новорожденнаго. Возвратясь оттуда, Иванъ Яковлевичъ передалъ матери просьбу отпустить его на богомолье въ Бѣлгородъ, а кстати и поохотиться въ Брянскій уѣздъ.

— Съ кѣмъ же я отпущу васъ, Иванъ Яковлевичъ, въ столь дальній вояжъ?—сказала за вечернимъ чаемъ на балконѣ, въ кругу цвѣтущихъ яблонь, Анна Петровна:—кучеръ Яшка мнѣ нуженъ, для поѣздокъ въ поле и къ знакомцамъ; кучеръ Сашка для вашей жены, — на случай послать за докторомъ или за чѣмъ-нибудь.

— Я, матушка, поѣхалъ бы съ егер[illegible] Антипомъ, — сказалъ не смѣло сынъ:—мы бы запрягли кибитку, онъ правилъ бы тройкой, и мы благополучно сдѣлаемъ этотъ вояжъ.

— А какъ вы подстрѣлите себя, Иванушка, на охотѣ?—возразила, слѣдуя давнему обычаю, Анна Петровна тридцати-трехъ-лѣтнему сыну.

— Не подстрѣлю, матушка, — отвѣтилъ, цѣлуя руку матери, сынъ:—ружье въ пути у меня никогда не заряжено.

— Отпустите его, ma bonne mère,—произнесла сидѣвшая здѣсь же, на балконѣ, еще блѣдная, бабушка Анна Васильевна:—онъ зимой почти не охотился, а теперь такая дивная погода... вся въ цвѣту, и какъ тепло.

Прабабка оправила на себѣ бѣлый, въ кружевахъ, высокій чепецъ, строго взглянула на вечерѣющее, тихое небо, на освѣщенныя верхушки осыпанныхъ цвѣтомъ яблонь и грушъ, и сказала со вздохомъ:

— Будете въ Бѣлгородѣ,—тамъ у обители, гдѣ покоятся мощи преосвященнаго Іосафа, знатный садъ—добудьте мнѣ са̀женцевъ яблони «добрый крестьянинъ». Плоды съ нея отмѣнные, и ихъ очень выхвалялъ покойный бригадиръ Пашковъ...

Сердце дѣда радостно забилось. Всякій разъ,—а это было не такъ часто,—когда прабабка вспоминала бригадира Пашкова, въ дальней завѣтной молодости въ нее влюбленнаго,—все шло, какъ по писанному, на ладъ. Поѣздка въ Бѣлгородъ и далѣе была рѣшена.

Стоялъ ясный, безвѣтренный апрѣль. Рогожная кибитка, нагруженная всякой всячиной, двинулась по «чернотро̀пу» въ путь. Антипъ возсѣдалъ на козлахъ. Дѣдъ, въ стеганомъ, шелковомъ архалукѣ и въ лисьей шубкѣ, сидѣлъ среди ружей и складней съ провизіей въ кибиткѣ.

Побывали въ Бѣлгородѣ, отстояли въ монастырѣ службу, приторговали и отправили на особой, нанятой подводѣ саженцевъ «добраго крестьянина» изъ Іосафовой обители, и выѣхали на дорогу къ Брянску.

Бесѣда въ пути не прерывалась. Идутъ лошади шагомъ на мѣловую гору,—Легкоступъ разсказываетъ о лѣсахъ; идутъ подъ гору, — дѣдъ опять его осыпаетъ разспросами.

— Ты говорилъ, Антипъ, что въ брянскихъ лѣсахъ не всегда было спокойно?

— Теперь тихо, а въ старые годы ихъ обходили далеко.

— Что̀-жъ тамъ было прежде?

— Въ нихъ, пане, жилъ въ старину соловей-разбойникъ, да его побѣдилъ Илья Муромецъ.

— Какъ же онъ его побѣдилъ?

— Прослышалъ о чудищѣ и поѣхалъ по топкимъ болотамъ, трясинамъ и по калиновымъ мостамъ, въ самую гущину, гдѣ на двѣнадцати дубахъ сидѣлъ гнѣздомъ этотъ

самый разбойникъ. Не пропускалъ соловейко ни коннаго, ни пѣшаго—убивалъ всѣхъ наповалъ, и не оружіемъ, а молодецкимъ, разбойнымъ посвистомъ... Завидѣлъ соловейко Илью, засвистѣлъ,—пыль столбомъ поднялась, и посыпались ворохомъ сбитые свистомъ листья и сучья съ деревъ... Да загудѣла калена̀-стрѣла, разбойникъ съ дуба повалился...

Въ такихъ разсказахъ степняки проѣхали нѣсколько сутокъ, миновали песчаныя прибрежья только-что опавшей отъ половодья Десны и приблизились къ сплошнымъ сосновымъ и чернымъ ра̀меннымъ пу̀щамъ, простиравшимся въ то время близъ Брянска, по окраинамъ Орловской губерніи.

Усталость одолѣла дѣда. Онъ уже не выглядывалъ изъ кибитки и крѣпко спалъ, когда ночью колеса застучали и запрыгали по кряковистымъ сосновымъ кореньямъ, выступавшимъ на пути изъ песчаныхъ бугровъ. Легкоступъ привезъ барина въ сторожку давняго своего пріятеля, — тоже охотника-лѣсника̀, богатаго по̀лбинскаго «смолоку̀ра» На̀двина. Дѣдъ отказался отъ закуски, легъ на сѣно и проспалъ, какъ убитый, до утра.

Выйдя утромъ изъ сторожки, стоявшей у озера, надъ холмомъ, дѣдъ не взвидѣлъ свѣта отъ радости. Громадныя, двухсотъ-и-трехсотлѣтнія сосны, ели, дубъ, ольха, береза и клёнъ простирали свои вершины надъ темнымъ, суглинистымъ и супесчанымъ доломъ. У озера ладились барки для сплава лѣса. За озеромъ дымились черныя, закоптѣлыя смолоку̀рни.

А когда степняки дѣдъ и Антипъ, подкрѣпившись пищей у лѣсника, двинулись налегкѣ, съ ружьями, въ чащу стараго болотнаго бора, когда ихъ встрѣтили и оглушили всякіе птичьи свисты, стоны и крики, и дѣдъ, звонко стрѣляя изъ длинной «калиновки», наполнилъ дичью свой ягташъ, потомъ торбу Легкоступа и привѣсилъ еще къ своему и его поясамъ нѣсколько десятковъ сизыхъ вытютней, носатыхъ вальдшнеповъ, утокъ и дроздовъ,—по пути къ сторожкѣ дѣдъ остановился. Восхищенный мощью и роскошью лѣса, обиліемъ и запахомъ древесныхъ породъ, о которыхъ въ обнаженной, пустынной степи не имѣютъ и понятія, дѣдъ скинулъ шапку, отеръ разгорѣвшійся лобъ и лицо и, глядя на окружавшую его лѣсную чащу, сказалъ Легкоступу:

— Антипъ, знаешь ли ты, что были въ древнемъ Египтѣ цари-фараоны; а у насъ императоръ, Великій Петръ?

— О Петрѣ — какъ не слышать, а о фараонахъ читаютъ въ святыхъ книгахъ.

— Ну, Антипъ, фараоны соорудили среди сыпучихъ песковъ пирамиды, а царь Петръ выстроилъ на невскихъ трясинахъ столицу Петербургъ. Тысячи конныхъ и пѣшихъ работниковъ трудились по ихъ волѣ надъ этимъ. Вотъ бы намъ съ тобой... посѣять на Донцѣ такой лѣсъ...

— Намъ, пàне, и не нужно такого дорогого кòшта.

— Какъ не нужно?

— Дайте мнѣ, пàне, только подводъ, да выпросите у сударыни-матушки десятокъ плуговъ, и я вамъ лѣсъ посѣю.

— Шутишь?—сказалъ дѣдъ.

— Не шучу, тогда повидите сами! Только надъ плугами чтобъ былъ не приказный Касьянъ Криворучка, — лярво, хляпитура ему, сучему, въ родню!—а пусть либо десятникъ Петръ Багацкій, либо ключникъ Бритвенко Сергѣй...

Погостилъ и поохотился въ волю дѣдъ въ смолокуровской пòлбинской пущѣ, прокатился по озеру на дегтярный заводъ, къ самому Нàдвину, собралъ нужныя справки, засушилъ, въ презентъ матери, подборъ дикихъ брянскихъ цвѣтовъ и отправился во-свояси.

Съ той поры Иванъ Яковлевичъ точно преобразился. Куда дѣлись его вялость, мнительность и нерѣшительность. Онъ сталъ неузнаваемъ.

Легкоступу дали сперва три, потомъ пять воловыхъ подводъ. Онъ съ ними нѣсколько разъ ѣздилъ въ брянскій уѣздъ за сосновыми шишками. Когда шишки привезли и выбили изъ нихъ сѣмена, Иванъ Яковлевичъ выпросилъ у матери плуги, отдалъ ихъ подъ надзоръ Бритвенка и Багацкаго, и тѣ стали пахать песчаные кучугуры и бугры близъ Донца. Въ проложенныя борозды Легкоступъ съ рабочими сажалъ свѣже-нарѣзанные колышки вербы и шелюга красной лозы; а между ними разбрасывалъ, подъ борону, сосновыя сѣмена. Люди дивились. «Нашъ панъ сдурѣлъ... вмѣсто ржи и пшеницы, сѣетъ сосновыя шишки?»

А дѣдъ безъ устали сѣялъ и сѣялъ. Онъ вошелъ въ переписку съ заводчикомъ Нàдвинымъ и его сосѣдями, высылалъ имъ, въ обмѣнъ на боровыя шишки, возы тяжеловѣсной пшеницы гирки и бѣлотурки. Съ новой весной онъ опять принялся за дѣло, окопалъ кучугуры рвами, поставилъ избы

для сторожей и заказалъ туда всякому путь-дорогу. Боже упаси, если, бывало, Иванъ Яковлевичъ, ѣдучи къ своимъ сѣянцамъ, встрѣтитъ возлѣ нихъ на тропинкѣ коннаго или пѣшаго... Подбирай скорѣе полы и бѣги лучше безъ оглядки, что есть духу! Обругаетъ поносными словами, а не то задрожитъ и ухватится за ружье: «какъ смѣлъ топтать заповѣдную палестину?»

Прошелъ годъ. Тычинки вербъ и лозы окинулись листьями, пустили вѣтки. Еще годъ,—между ихъ рядами то здѣсь, то тамъ зазеленѣли чуть видныя по песку кудрявыя грядки крохотной, игольчатой травы: то были молодыя сосенки...

Спустя три года, сосны стали по поясъ человѣка; въ пять лѣтъ выросли дѣду по плечо. Задержанный отъ разноса, песокъ началъ крѣпнуть. Дѣдъ сѣялъ и сѣялъ...

На седьмомъ году первые посѣвные участки поднялись выше человѣка; на десятомъ—половина молодого бора ужъ давала широкую, прохладную тѣнь...

А подъ смолистыми деревцами, въ перегноѣ травъ и падающихъ сосновыхъ иголъ, образовался дернъ, поползла цѣпкая песочная осока,—carex arenaria,—явился верескъ, раскинулись и дружно зазеленѣли прочія лѣсныя травы.

Дѣдъ былъ внѣ себя отъ радости. Мать и жена любовались его трудами. Онъ не покидалъ завѣтнаго дѣла, отдавалъ ему всѣ свободные часы. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Съ первыхъ же лѣтъ въ молодомъ бору явились лисицы, а къ зимѣ туда стали набѣгать цѣлые уймы зайцевъ и куропатокъ. Антипъ выслѣдилъ два волчьихъ выводка. Были приглашены сосѣди, и охота началась на славу.

Поселяне, насмѣшливо и подозрительно встрѣтившіе первыя хлопоты дѣда, болѣе ужъ не говорили:—«вотъ одурѣлъ панъ, вмѣсто хлѣба сѣетъ сосновыя шишки!»—Теперь было не то. Крестьянинъ оцѣнилъ доброе дѣло: сельскія пашни болѣе не заносились со смежныхъ бугровъ песками.—«Ишь, вѣдунъ! хлѣба столько лѣтъ не продавалъ,—говорили поселяне:—а за то, что̀ вышло! лѣсъ какъ лѣсъ, точно и всегда тутъ росъ».

Стали даже толковать, что и впрямь дѣдъ волшебникъ. Одна баба, Морозиха, увѣряла, что видѣла разъ, какъ панъ вечеромъ стоялъ у сосны; онъ былъ по сю сторону дерева, а то вдругъ сталъ—точно на крыльяхъ перелетѣлъ—по дру-

гую, и въ оба раза стоялъ, какъ вкопанный, не двигался, точно на облакѣ...

Видъ съ дѣдова крыльца, изъ Пришиба, на молодой боръ былъ привлекательный. По зарямъ, лѣтомъ, были слышны въ домѣ всѣ лѣсные птичьи крики. На селѣ, впрочемъ, толковали:—«Развѣ то однѣ птицы голосятъ? тамъ теперь немало и *тѣхъ* пѣвуновъ, что̀ къ ночи не слѣдъ и называть»...

— Что-жъ тамъ еще за пѣвуны? — спрашивали бабы мужей.

— Недаромъ тотъ чортовъ запорожецъ осѣдлалъ па̀па,— отвѣчали мужья:—добра изъ этого не выйдетъ. Поростетъ, поростетъ лѣсъ, да и провалится, съ самымъ тѣмъ бѣсовымъ запорожскимъ сѣяльникомъ, покроется весь водою, какъ озеро. Не къ добру тотъ, чортовъ сучàкъ, и водки не пьетъ, и въ кабакъ никогда не заглянетъ, чтобъ поговорить съ добрымъ человѣкомъ.

Однажды, въ концѣ іюня, дѣдъ охотился въ новомъ лѣсу съ Антипомъ.

— Ты говорилъ о жабьей травѣ, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ:—помнишь? а ну-ка, поищи; не выросла ли она за эти годы?

— Давно, па̀не, и отчего не вспомнили? вотъ она,—отвѣтилъ Легкоступъ, нырнувъ въ гущину сосенъ и неся оттуда молодые стебли чистотѣла.

Дѣдъ радостно перевелъ духъ, долго смотрѣлъ на траву и, робко потрогивая себя за поясъ и грудь, перекрестился.

— Ну, слава Богу, и спасибо, Антипе, тебѣ!—произнесъ онъ:—можетъ быть, теперь еще проживу лишніе годы на свѣтѣ.

— Что̀ вы говорите, па̀не? Развѣ у васъ какая, не приведи Богъ, хвороба?

— Такая хвороба, такая, что коли и это зелье не поможетъ, придется въ скорости помирать.

Антипъ удивленно глядѣлъ въ смущенное, понуренное лицо дѣда.

— Ну, теперь ступай ты съ кучеромъ домой, — сказалъ дѣдъ:—доплети ту перепелиную сѣтку, что̀ я далъ: скоро будетъ нужна; а барынѣ скажи, чтобъ не ждали съ обѣдомъ. Пропасть куропатокъ, — два выводка вонъ въ томъ

мѣстѣ сейчасъ видѣлъ—поохочусь самъ. А ты съ кучеромъ выѣзжай къ опушкѣ, какъ смеркнется, и жди...

Легкоступъ и кучеръ, переглянувшись и покачавъ головами, поѣхали изъ лѣса.

Дѣдъ, между тѣмъ, пошелъ въ чащу деревъ, отыскалъ поляну, гдѣ болѣе разросся жабникъ, прилегъ среди его зелени подъ сосной, положилъ съ боку ружье, и какъ впослѣдствіи разсказывалъ, въ неотвязной, гнетущей мысли, закрылъ глаза...

«Сегодня Ивана Купала, — разсуждалъ онъ: — травы въ самомъ соку и цвѣту... Теперь-то *она*, проклятая, несытая, и падка на свой настоящій харчъ».

Долго ли такъ лежалъ Иванъ Яковлевичъ, онъ того не помнитъ, такъ какъ крѣпко заснулъ. Солнце закатилось, окрашивая игольчатые гребни разросшихся вправо и влѣво сосенъ. Птичьи крики смолкли. Надъ прохладными полянами точно незримый дьяконъ прошелъ, съ дымящимся душистымъ кадиломъ...

Сумерки въ лѣсу сгустились. Дѣдъ очнулся и вскочилъ. Въ волненіи, ощупывая грудь и животъ, онъ взглянулъ себѣ подъ ноги, бережно обошелъ дерево и опять себя потрогалъ.

— Слава Господу милосердному!—прошепталъ дѣдъ, поднимая съ травы ружье и отрадно вдыхая смолистый воздухъ:—чудо, настоящее чудо содѣялось! Вонъ и дорожку по травѣ оставила... не давитъ больше подъ ложечкой, не шевелится *треклятая*, не томитъ и не ползётъ... Домой, скорѣе домой! Завтра молебенъ и всей слободѣ обѣдъ...

Подъ лѣсной опушкой, въ отблескѣ зари, онъ разглядѣлъ на степномъ просторѣ знакомыя дроги и сидѣвшаго на нихъ Антипа.

— Ну что, пане,—настрѣляли?—спросилъ, подозрительно его осматривая, Легкоступъ.

Дѣдъ отозвалъ егеря въ сторону.

— Такого застрѣлилъ, такого, — началъ онъ, въ силу сдерживая волненіе: — слушай, Антипе, да никому, смотри, до срока не сказывай!.. Надо осмотрѣться, выждать. Насѣялъ я лѣсу, какъ видишь, дѣти и внуки вспомянутъ. Выроститъ сосновая пуща, покроетъ всѣ остальные пески. И охотимся здѣсь мы съ тобой, ну, и все... А мнѣ сподобилось, скажу тебѣ, еще и вылѣчиться...

— Чѣмъ?—спросилъ Легкоступъ, безсознательно обнажая чубатую голову.

— У меня, Антипе,—сказалъ дѣдъ:—жаба сидѣла въ животѣ; десять лѣтъ каторжная сидѣла и двигалась... А какъ легъ я и заслышала она поблизу свой настоящій жабій харчъ, такъ, треклятая, совсѣмъ сразу изъ меня и выскочила... Я видѣлъ и ея слѣдъ по травѣ.

Легкоступъ въ тотъ же день не вытерпѣлъ и на радости, что вылѣчилъ пана, завернулъ передъ ужиномъ въ кабакъ, котораго онъ по зароку такъ всегда избѣгалъ. Тамъ было веселое сборище: у Багацкаго родился сынъ Иванъ (донынѣ живущій), и отецъ угощалъ сосѣдей. Къ сосѣдямъ примкнули другіе. Антипъ много пилъ, выставилъ водки и остальнымъ пирующимъ. Кто-то задѣлъ его насмѣшкою:—«Пришла-таки попадья къ просвирнѣ». Началась ссора. Услышавъ кличку «бродяга-гайдамакъ», Легкоступъ вскочилъ и далъ тумака подгулявшему обидчику. За послѣдняго вступились товарищи. Легкоступъ нашелъ помощь въ Багацкомъ и его кумовьяхъ. Поднялась общая свалка. Прижатый къ углу съ защитниками, Антипъ выскочилъ въ сѣни. На него навалились цѣлой аравой у крыльца. Видя нападеніе не по силѣ, онъ засучилъ рукавъ, быстро нагнулся къ голенищу и выхватилъ оттуда короткій, широкій ножъ...

Тутъ только, когда разгорѣвшійся, въ порванной одеждѣ, Легкоступъ, размахивая ножомъ, проложилъ себѣ дорогу сквозь разсвирѣпѣвшую, кричавшую толпу и медленно, безъ оглядки, какъ травимый неопытными псами, старый матерой волкъ, пошелъ по улицѣ,—всѣ опомнились, рѣшивъ въ одинъ голосъ:—«Да, это—характерникъ, запорожецъ; видно по всему...»

Во дворъ къ дѣду Легкоступъ болѣе не заходилъ. Совѣстно ли ему стало, что не выдержалъ насчетъ водки, или вновь пришла пора пуститься въ странствіе, только онъ взялъ въ банѣ свой мушкетъ, оставилъ на столѣ доплетённую въ тотъ день перепелиную сѣть и на разсвѣтѣ, какъ видѣли пастухи, вышелъ за село. Съ той поры Антипъ въ нашихъ мѣстахъ никогда уже не показывался.

О дѣдовомъ лѣсѣ вскорѣ заговорили не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Разныя почтенныя лица, въ томъ числѣ и члены харьковскаго университета, губернаторъ и вводив-

шій военныя чугуевскія поселенія, графъ Аракчеевъ, пріѣзжали взглянуть на невиданное чудо, на засѣянныя дѣдомъ тысячу десятинъ бора. Иванъ Яковлевичъ терялся, робѣлъ и не зналъ, какъ принимать благосклонные отзывы пріѣзжихъ.

Дѣдъ былъ радъ за свой лѣсъ, радъ за трудное, съ прилежаніемъ и любовью конченное дѣло. Охотясь же въ бору на зайцевъ или поджидая въ лѣсной землянкѣ на приваду волковъ, онъ вспоминалъ Антипа, вздыхалъ и думалъ про себя:—«Хоть биться объ закладъ, онъ, дѣйствительно, былъ характерникъ и навѣрное знался съ бѣсомъ, оттого ему все удавалось».

Въ 1818 году, нежданно получивъ за лѣсъ монаршую милость отъ императора Александра I, дѣдъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, моего отца и дядю, на воспитаніе въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ.

Вручая юношамъ прогоны, онъ далъ шестнадцатилѣтнему моему отцу письмо къ графу Аракчееву и сказалъ:

— Ты, Петя, еще молодъ; старайтесь съ братомъ учиться; блюдите чистоту нрава, а паче всего не забывайте дворянскаго гонора и оказывайте должный решпектъ властямъ. Вслѣдствіе послѣдняго резона, вотъ вамъ цидулка къ графу Алексѣю Андреевичу. Отвезите ее по адресу и решпектуйте графу мое достодолжное почтеніе. Поступайте, какъ въ школѣ, такъ и далѣе въ жизни, согласно его указаніямъ и совѣтамъ. Раскаиваться, государи мои, не будете, пріобрѣтя столь могучаго милостивца! Онъ, коли успѣшно заищете, двинетъ васъ и въ классахъ, и далѣе въ министеріяхъ... Желаю обоимъ возвратиться вспять министрами...

Письмо Аракчееву было отвезено. Графъ принялъ юныхъ недорослей украинскаго знакомца отмѣнно сухо, хотя обѣщалъ имъ покровительство, и пригласилъ изрѣдка его навѣщать. Въ одинъ изъ праздниковъ, когда застѣнчивые кадеты очутились передъ всемогущимъ графомъ, Аракчеевъ сталъ ихъ разспрашивать, благополучна ли попрежнему роща ихъ отца?—Разсказъ кадетовъ о диковинной рощѣ графъ заставлялъ ихъ потомъ повторять чуть не каждому изъ своихъ гостей. «И представьте, государи мои, — говорилъ при этомъ графъ гостямъ:—такое дѣло и исполнилъ одинъ, одинъ! сократилъ на время хлѣбные посѣвы, поэкономничалъ и со-

орудилъ такое дѣло... Самъ я, *самъ* оное видѣлъ и донынѣ о подражаніи тому другими, хоть бы казной, не приложу ума!..»

Графъ пригласилъ юношей не пропускать праздниковъ. А тутъ еще оказалось, что украинскіе гости въ родительскомъ домѣ были обучены музыкѣ: отецъ игралъ на флейтѣ, дядя—на віолончели. Доморощенный петербургскій Неронъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, почти въ секретѣ, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи—позабавиться мелодіями Ромберга и Сарти. Ихъ ему разыгрывала на клавесинѣ какая-то, изрѣдка, въ праздничные вечера, приходившая къ нему пожилая горбатая родственница. Графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ музыкальнымъ упражненіямъ кадетовъ.

Мечты дѣда о судьбѣ дѣтей, казалось, были близки къ осуществленію. Такой сильный человѣкъ, самъ, можно сказать, «рыкающій левъ», оказывалъ—кому же?—его дѣтямъ персональное благоволеніе.

Украинская природа, однако, взяла свое. Среди холоднаго, затянутаго въ мундиры, вымуштрованнаго, шагавшаго на площадяхъ Петербурга, сыновья дѣда впали въ неисходное уныніе. Тоска по родинѣ заѣла ихъ съ перваго же года. Въ то же время шли слухи о новыхъ и новыхъ подвигахъ «рыкающаго льва». Слухи проникали въ дворянскій полкъ...

Віолончель и флейта были брошены. Музыкальныя услуги въ домѣ графа стали, какъ отписывали кадеты, ограничиваться лишь аккуратной, еженедѣльной, по воскресеньямъ, настройкой клавесина, который, къ слову сказать, вовсе не былъ разстроенъ, такъ какъ горбатая родственница графа куда-то однажды стушевалась, и клавесина никто ужъ безъ нея не касался.

Министрами дѣдовы сыновья вспять не возвратились.

Подавъ безъ воли отца прошеніе о переводѣ ихъ на службу на родину, они были зачислены юнкерами въ ольвіопольскій уланскій полкъ и въ 1819 г. уѣхали къ мѣсту назначенія, въ уманское военное поселеніе.

Дѣдъ, скучая по дѣтямъ и въ ожиданіи ихъ производства въ офицеры, подписался на «Московскія Вѣдомости».

Однажды,—это было лѣтомъ 1821 года,—долго не получалось вѣстей изъ Умани. Въ то время въ нашихъ мѣстахъ

былъ еще старый обычай полученія почты изъ городовъ черезъ общихъ для цѣлаго околотка «пѣшихъ почтарей». «Бродячій», или, по мѣстному выраженію «мандрòванный» почтарь, Архипъ Гýня,—онъ же по-просту «Мандрыка»,—разносилъ тогда изъ Зміева письма, газеты и почтовыя повѣстки по Донцу и окрестнымъ рѣкамъ верстъ на пятьдесятъ. Гýня былъ коренастый, плотный старикъ шестидесяти-пяти лѣтъ. Его курчавая сѣдая голова, жилистыя, босыя ноги, мѣшокъ съ почтой за плечами и длинный грушевый костыль въ рукѣ были извѣстны всѣмъ.

— Да гдѣ-жъ Мандрыка? не видѣлъ ли кто Мандрыки?— допытывалъ прислугу дѣдъ, теряя терпѣніе, что давно не было извѣстій отъ дѣтей.

— Гдѣ-нибудь занялся работой, — отвѣчала ключница Ульяшка: — у лиманскаго протопопа полная клуня хлѣба: ну, вѣрно и сталъ по пути помолотиться...

— А, чтобъ его мухи съѣли, какъ долго его нѣтъ!—говорилъ съ досадой дѣдъ: — Петя писалъ, что ихъ представили; должно-быть давно ужъ пропечатано въ вѣдомостяхъ.

Гýня, сверхъ почтарской обязанности, еще портняжилъ, умѣлъ безъ станка подковать лошадь и былъ хорошимъ печникомъ. Разнося почту, онъ по дорогѣ не отказывался за могарычъ исполнять и разныя другія послуги: кому нужно сшить жилетку, или починить тулупъ,—сдѣлаетъ; гдѣ надо поправить печку,—поправитъ, вычиститъ и смажетъ глиной трубы; а нужно хорошему человѣку, въ рабочую, горячую пору, помолотить,—то и здѣсь не откажетъ.

— Куда тебѣ, Архипъ, въ такіе годы, все пѣшкомъ, да пѣшкомъ? ноги отобьешь! — скажетъ ему, бывало, знакомецъ:—лучше стань, возьми цѣпъ и сбей какую копну; а я тебя водочкой, варѐниками угощу.

Положитъ Гýня почтарскій мѣшокъ, съ столичными газетами, письмами, книжками журналовъ и прочей ношей, подъ скамью, или на голбикъ хлѣбнаго сарая, возьметъ цѣпъ и молотитъ сутки, двое, а иногда и болѣе.

— Чтò жъ ты такъ опоздалъ?—спросятъ Гýню нетерпѣливые изъ хуторянъ: – двѣ недѣли не приносилъ вѣдомостей. Мы все ждали, ждали...

— Оттого не приносилъ, что ничего путнаго и не было!— отвѣчаетъ, вытряхивая мѣшокъ, почтарь:—глядите сами.

— Ты же почемъ знаешь?

— Отецъ Иванъ Вересо̀вичъ въ Андреевкѣ говорилъ. А вотъ въ Зміевѣ такъ было диво; да и въ Харьковѣ какой случился пожаръ...

И начнетъ разсказывать. Почтовыя новости въ то время такъ занимали скучающихъ сельчанъ, что на нихъ накидывались живо и вспоминали о доставителѣ ихъ, когда и слѣдъ его простылъ.

Въ іюнѣ 1821 года, послѣ долгаго-долгаго промежутка, въ улицѣ При́шиба показались, наконецъ, знакомыя, сгорбленныя плечи Мандры́ки, его сѣдая, вихрастая голова и длинный костыль. Дѣдъ завидѣлъ его съ крыльца, прабабка допустила его къ рукѣ.

Гу́ня высыпалъ передъ господами изъ мѣшка принесенную почту. Тутъ были пачки вѣдомостей, выписанныя изъ Москвы, отъ Кольчугина, романъ «Анахарсисъ», книжка какого-то альманаха и нѣсколько писемъ.

Иванъ Яковлевичъ обратился къ письмамъ.

«Дражайшій и милый родитель!»—писалъ дѣду изъ Умани его сынъ Петръ. — «Мы сего двадцатаго мая произведены въ корнеты...» (Дѣдъ снялъ шапку и перекрестился). «Начальство насъ жалуетъ, цѣнитъ и обѣщаетъ намъ на побывку къ вамъ продолжительный отпускъ... Въ Умани весело; много наѣхало на ярмарку хорошенькихъ дѣвицъ; вечера, танцы, прогулки. А на-дняхъ, mon père, мы были сильно обрадованы. Нашъ ремонтеръ пригласилъ насъ посмотрѣть и поторговать приведенныхъ на торгъ изъ Молдавіи, турецкихъ лошадей. Хозяинъ одного табуна, турокъ, показался намъ будто знакомымъ: въ чалмѣ и во всемъ турецкомъ уборѣ, а точно не турчинъ. Ужъ мы такъ къ нему и сякъ; отворачивается, молчитъ и не сознается. Да ужъ вечеромъ, когда продалъ весь табунъ, подвязалъ кошель къ поясу, сѣлъ на коня, отозвалъ насъ въ сторону и произнесъ: «Кланяйтесь, панычі, своему тятенькѣ; никогда не забуду его хлѣба-соли и вашихъ вольныхъ, на Донцѣ, краевъ. Въ Туретчинѣ, однако, не въ примѣръ лучше, — не требуютъ пачпортовъ, не обижаютъ и не тѣснятъ. Долго искалъ я сюда дороги. Теперь живу за Дунаемъ, у своихъ братьевъ-запорожцевъ, въ Буткальскомъ округѣ, куда они ушли. Вѣры не перемѣнилъ, а торгую на всѣ концы. Ѣдучи сюда, наряжаюсь... Когда-нибудь все узнаете...»—Онъ не договорилъ, завидѣвъ город-

ничаго, стегнулъ лошадь и ускакалъ. Это, дражайшій тятенька, былъ вашъ егерь, Антипъ Легкоступъ. И если онъ вновь окажется здѣсь на ярмаркахъ, мы его разспросимъ, какъ въ былые годы запорожцы ушли въ Туретчину, и вамъ, notre très cher père, о томъ не замедлимъ въ точности сообщить».

1878 г.

V.

БАБУШКИНЪ РАЙ.

Моя бабушка, Анна Васильевна Данилевская, рожденная Рославлева, была совершенною противоположностью своему мужу, Ивану Яковлевичу. Моложе его, она пережила его нѣсколькими годами и умерла, какъ и онъ, безъ малаго шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Дѣдушка Иванъ Яковлевичъ былъ небольшого роста, плечистый, сѣдой, совершенно лысый, съ мясистымъ носомъ и черными, вялыми, лукавыми глазками. Отъ природы лѣнивый и мѣшковатый, онъ подъ старость совершенно осунулся, ходилъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, въ широкихъ нанковыхъ панталонахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, и въ высокихъ съ кисточками сапогахъ. Бѣлье у него, впрочемъ, благодаря бабушкѣ, было всегда тонкое и безукоризненно чистое.

Бабушка Анна Васильевна была высокая, худая и блѣдная, съ быстрыми умными глазами, прямымъ вострымъ носомъ и, не взирая на преклонные годы, стройная и не по лѣтамъ проворная и дѣятельная. Въ праздники она ходила въ черномъ левантиновомъ, въ будни въ неизмѣнномъ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ. На ея сѣдыхъ волосахъ всегда красовался чистый кисейный чепецъ; на шеѣ легкой волной былъ наброшенъ бѣлый, запущенный подъ платье, платочекъ. Къ этому, въ холодные дни, иногда прибавлялась сѣрая фланелевая фуфайка дѣдушки, или его халатъ, крытый синимъ демикотономъ, на бѣлыхъ мерлушковыхъ смушкахъ. По хозяйству Анна Васильевна ходила въ мужскихъ сапогахъ, а въ гости по сосѣдству ѣздила въ телѣжкѣ, причемъ любила надѣвать старую дѣдушкину ополченскую шинель и его теплый съ наушниками картузъ. — «Спартанка!» говорили, глядя на нее въ такомъ нарядѣ, сосѣди. И бабушка, дѣйствительно, была спартанка.

У Анны Васильевны не было своей постоянной комнаты. Одну недѣлю она спала въ зеленой гостиной, другую въ портретной, иногда перекочевывала въ угольную, или въ библіотеку. «Долги мучатъ, безсонницей страдаетъ!» шептали о ней сосѣдки. Бабушка любила читать. Хорошо образованная въ молодости, знавшая нѣмецкій и французскій языки, она и подъ старость не покидала любви къ книгамъ и къ выпискамъ изъ нихъ того, что̀ ей особенно нравилось. Добывъ въ городѣ или у кого-нибудь изъ окрестныхъ знакомыхъ новую любопытную книгу, она уносила ее къ себѣ и рядомъ съ нею клала для отмѣтокъ толстую тетрадь. Послѣ ея смерти, на чердакѣ кладовой нашли цѣлыя кипы такихъ тетрадей, четкимъ и крупнымъ почеркомъ исписанныхъ выдержками изъ любимыхъ ея авторовъ: Вольтера, Руссо, Бомарше и Дидеро. Постоянной, личной прислуги у бабушки тоже не было. Помогали ей въ ея надобностяхъ деревенскія бабы, ходившія по очереди убирать барскій домъ. Анна Васильевна смолоду любила кроить и перешивать разный носильный хламъ. А потому и въ старости нерѣдко можно было видѣть ее на коврѣ, въ гостиной или въ портретной, въ кругу пяти-шести деревенскихъ бабъ, за распарываньемъ и перешиваньемъ платьевъ, которыя, впрочемъ, бабушка рѣдко потомъ носила.

Въ семьѣ господствовалъ постоянный безпорядокъ. Бабушка безъ устали читала; дѣдушка охотился. Дѣти обучались съ грѣхомъ пополамъ. При нихъ когда-то проживалъ гувернёръ, изъ французскихъ солдатъ, эмигрантъ Санбёфъ. Пристроясь въ этой семьѣ, Санбёфъ выписалъ изъ Франціи и свою жену. Мадамъ Санбёфъ отлично готовила кушанья. Мужъ ея, впрочемъ, не столько занимался обученіемъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, сколько охотой съ ружьемъ по болотамъ, ловлей лягушекъ себѣ и женѣ на соусъ, да разсказами любовныхъ исторій, во вкусѣ новеллъ Бокаччіо. Дѣти подросли. Мальчики облеклись въ мундиры и уѣхали въ дальніе полки. Дѣвочки вышли замужъ. Уѣхали изъ деревни Санбёфъ съ женою. Впослѣдствіи они открыли въ Харьковѣ колбасную и отлично торговали.

Хозяйство дѣдушки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, стало болѣе и болѣе приходить въ упадокъ. Случалось такъ, что, при пяти имѣніяхъ и въ нихъ при десяти тысячахъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для

стола. Гости, впрочемъ, не переводились въ домѣ дѣдушки. Несмотря на долги, Иванъ Яковлевичъ жилъ въ свое удовольствіе: имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотнею и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ.

Обѣдъ въ домѣ заказывалъ всякъ, кто хотѣлъ. Своей птицы зачастую не хватало, а приносили ее, какъ молоко, яйца и огородную зелень, по очереди въ счетъ барщины съ села. Разливала чай и ходила въ комнатахъ, при ключахъ, худенькая, съ жидкою, сѣдою косичкой и постоянно босая, старая дѣвушка Марья.

Иванъ Яковлевичъ, мало развитой, робкій и съ юныхъ лѣтъ несообщительный и молчаливый, отъ долговъ и разстройства дѣлъ, былъ постоянно не въ духѣ. Анна Васильевна о мужѣ всегда, однако, отзывалась съ отмѣннымъ уваженіемъ, увѣряя всѣхъ, что Иванъ Яковлевичъ—весьма умный и тонкій человѣкъ, и что самое его молчаніе—многозначительно. Даже къ сердечнымъ слабостямъ Ивана Яковлевича она относилась крайне снисходительно. Когда у него въ лѣсу, на винокурнѣ въ Курбатовомъ, завелась, въ лицѣ весьма красивой лѣсничихи Ульянки, фаворитка,—Анна Васильевна и въ этой Ульянкѣ, сверхъ ожиданія, находила нѣкоторую степень ума «привлекательнаго» и рѣдкаго «въ этомъ сословіи». Жалѣя здоровье Ульянки, она ей подарила свою старую котиковую шубу и дюжину собственныхъ шерстяныхъ чулокъ. А замѣчая косые взгляды и даже ропотъ невѣстокъ, при видѣ предпочтенія, которое оказывалось этой Дульцинеѣ, говорила: «вы, сударыньки мои, не фыркайте и не смотрите слишкомъ строго на то, коли и собственный муженекъ у какой-либо изъ васъ иногда отшатнется въ сторону. Жена, милыя вы мои, это то же, что новенькое платье; чай, слышали: за-ново ситцы на колочкѣ висятъ... А мужъ намъ—господинъ и владыка. Мы должны радоваться его удовольствіямъ и беречь его паче зѣницы ока...» Невѣстки слушали такія рѣчи молча и наставленій свекрови отнюдь не одобряли.

Навѣщая родныхъ и знакомыхъ, Анна Васильевна любила привозить мужу въ гостинецъ пробы разныхъ кушаньевъ. «Покушайте, зѣльхенъ,—говорила она въ такихъ случаяхъ, развязывая крыночки и горшечки:—это—постные пирожки съ рыбкой и съ грибками: очень вкусны; а это—паштетъ

изъ дупелей». И Иванъ Яковлевичъ, забираясь на сутки и болѣе на охоту въ лѣсъ, присылалъ въ гостинецъ женѣ стряпню Ульянки, при записочкахъ: «Покушайте и вы, гѐрцхенъ, издѣлія моего кухмистера; на тарелкѣ — бѣлые грибы въ сметанѣ, а въ мискѣ—застуженные караси. Же ву бэзъ и рекомендую,—превкусны».

Жилъ Иванъ Яковлевичъ въ родовомъ селѣ При́шибѣ. Въ остальныхъ его имѣніяхъ—въ Ольшанкѣ, на Середней, въ Великомъ Селѣ и на Богатой—всѣмъ управляли приказчики. Дѣла Ивана Яковлевича, что ни годъ, становились хуже и хуже. Заимодавцы оказывались злѣе и злѣе. Судьба имѣній висѣла на волоскѣ. А устроить дѣла, построже наблюсти за распорядками управляющихъ не хватало воли, терпѣнія и рѣшимости.

Стараясь, чтобы ничто дурное и тревожное не доходило до мужа, Анна Васильевна сама возилась съ заимодавцами, спорила съ ними, молила ихъ объ отсрочкахъ, выслушивала ихъ упреки и даже брань, но къ мужу этихъ господъ не допускала. Иванъ Яковлевичъ зналъ такіе обычаи жены, и если кто-либо изъ кредиторовъ являлся въ При́шибъ, онъ сказывался больнымъ, требовалъ пьявокъ и все собирался ихъ ставить, пока назойливые гости не уѣзжали.

— Вы бы, зѐльхенъ, отправились на Середнюю, или въ Ольшанку,—говорила иной разъ мужу бабушка:—дѣла тамъ, слышно, изъ рукъ вонъ плохо идутъ...

— Да зачѣмъ же я, ге́рцхенъ, туда поѣду?

— Ради Бога, поѣзжайте; повѣрьте этихъ мошенниковъ управляющихъ. Сколько у васъ земель, овецъ и скота, а доходовъ почти никакихъ... Сыновья на службѣ, надо имъ и на обмундировку, и на житье; ну и молодые люди, — повеселиться тоже... А денегъ у насъ давно ни алтына...

— Ахъ, гѐрценька! я бы и поѣхалъ, да вонъ... кажется, собирается... гроза...

Иванъ Яковлевичъ былъ вообще не храбраго десятка, но особенно боялся грозы. Онъ избѣгалъ быть въ пути во время бури, опасаясь, что его непремѣнно убьетъ громъ. Человѣкъ мнительный и слабый во всѣхъ отношеніяхъ, въ дорогу онъ собирался особенно неохотно. Иногда эти сборы длились по нѣскольку недѣль.

Всѣ знаютъ, бывало, что барыня уговорила барина и

что баринъ, наконецъ, рѣшился выѣхать. И начинаются приготовленія. Съ пяти-шести часовъ утра передняя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже полна. Писарь, конторщикъ, десятскіе и ключникъ, переминаясь съ ноги на ногу, вздыхая и зѣвая, стоятъ въ ожиданіи зова и приказаній барина. А баринъ проснется и, тоже зѣвая и вздыхая, прихлебываетъ ложечкой на постели чай, разсматриваетъ свои руки, или, собираясь понюхать табаку, медленно развертываетъ и опять свертываетъ на колѣняхъ клѣтчатый носовой платокъ.

Каждый разъ съ вечера, въ такихъ случаяхъ, ученики Санбёфши, сѣдовласый поваръ Явтухъ Мычка и старая повариха Нёшка нажарятъ барину и напекутъ въ дорогу всякой всячины. Призывался и лихой на пѣсни и на выпивку слесарь Ѳедька. Появлялся и низенькаго роста, несчетные разы мятый на выѣздкѣ молодыхъ лошадей, коренастый мрачный и вѣчно смотрѣвшій въ землю, главный кучеръ Ивашко. Слесарю Ѳедькѣ отдавался строгій наказъ— получше осмотрѣть и перечистить въ дорогу бариновы ружья. Ивашкѣ приказывалось — пораньше накормить, напоить и приготовить любимую караковую четверню бариновыхъ лошадей. Но съѣстные припасы, ружья и лошади давно, бывало, готовы, приказные по нѣскольку разъ выйдутъ изъ передней на крыльцо размять усталыя спины и покурить, и на селѣ всѣ хоронятся по дворамъ, чтобъ не перейти барину дорогу, а баринъ все не выходитъ изъ своей опочивальни.

Анна Васильевна, въ такихъ обстоятельствахъ, вертитъ-вертитъ спицами чулка, глядитъ то въ одно окно, то въ другое, потеряетъ, наконецъ, терпѣніе и выходитъ къ мужу.

— Что же вы, зёльхенъ, не ѣдете? — спрашивала она, видя, что мужъ попрежнему сидитъ, свѣсивъ необутыя ноги съ постели и разсматриваетъ руки или носовой платокъ.

— А что, гёрценька, — отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ: — ѣхать, видно, сегодня не приходится.

— Почему?

— Руки терпнутъ и ногти на пальцахъ какъ будто синіе... Это, вѣрно, къ перемѣнѣ погоды. Пусть лучше до-завтра.

— Какой же еще погоды! — вскидывается въ досадѣ бабушка: — смотрите, — божій день ясенъ, а въ саду, въ полѣ, какой ароматъ...

— Ну, нѣтъ, — отвѣчаетъ дѣдушка: — я вотъ и Нѣшку повариху призывалъ, говоритъ, всю ночь до утра курица какая-то на кухнѣ кричала: видно, будетъ дождь.

— Да какой же дождь? на небѣ ни облачка.

— И сонъ, герценька, я видѣлъ сегодня; совсѣмъ нехорошій сонъ... Покойнаго попа, отца Ивана, будто я въ прудѣ купалъ, а онъ меня осилилъ и верхомъ на мнѣ будто къ губернатору поѣхалъ... Да и вчера былъ тоже сонъ. Снился покойный тятенька Яковъ Астафьичъ...

И начнетъ разсказывать Иванъ Яковлевичъ свои сны, да такъ медленно, съ такими разстановками, что бабушка не вытерпитъ и уйдетъ. Отъѣздъ, разумѣется, при этомъ отлагался. А тѣмъ временемъ и приказчики отдаленныхъ вотчинъ пронюхаютъ, что баринъ собирается ихъ провѣрять, и принимаютъ свои мѣры.

Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, рѣшается. Бабушка молебенъ отслужила, ходитъ веселая, довольная. Къ крыльцу подкачена желтобокая, выписанная изъ Вѣны коляска, и въ нее горой наложены всякіе складни, погребцы, узлы, укладки и свертки. Лакей и парикмахеръ Гаврюшка, со всякой всячиной подъ мышками, мечется какъ угорѣлый изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ музыкантскую, а изъ музыкантской въ швальню, не забывая, впрочемъ, по пути забѣжать и позубоскалить съ кружевницами и ковёрницами. Солнце подбирается къ десяти часамъ. Ужъ и жарко.

— Пора,—говоритъ, кончивъ кофе, Иванъ Яковлевичъ:— можно бы, гёрцхенъ, и запрягать.

— Куриную котлетку только или фрикасѐ изъ дичи скушали бы еще, зѐльхенъ, на дорогу, — говоритъ, не помня себя отъ радости, бабушка.

Онъ подаетъ знакъ ключницѣ.

Черезъ полчаса въ хомутахъ ведутъ и запрягаютъ лошадей. Лягавый жирный песъ Бекасъ усѣлся между торчащими ружьями на козлахъ, радостно визжитъ и воетъ отъ нетерпѣнія.

А тѣмъ временемъ, какъ Иванъ Яковлевичъ, еле-еле жуя и перебирая косточки, кушаетъ напутственное фрикасе́ и куриную котлетку,—ключница Марья, высунувшись изъ коридора, шопотомъ докладываетъ барынѣ, что на деревнѣ... появился мужикъ съ Середней.

— Кто? кто? — спрашиваетъ, заслышавъ этотъ шопотъ, баринъ.

— Капитошка Кочетъ.

— Зачѣмъ онъ?

— Родныхъ пришелъ навѣстить... потомъ у него кума...— прибавляетъ, не видя тревожныхъ знаковъ барыни, сѣдая ключница.

— Позвать Капитошку!—объявляетъ, утирая губы и въ раздумьѣ шевеля бровями, дѣдушка.

И является Капитошка. Поклонится онъ, станетъ, какъ ни въ чемъ неповинный, у двери и молчитъ.

— Ну, все ли у васъ тамъ благополучно?—спрашиваетъ, нюхая табакъ, дѣдушка.

— Какъ вамъ, сударь, сказать... кажись бы все...

— А болѣзней никакихъ не слышно?

— Какъ не слышно! Есть...

— Какія же?

— А ходитъ одна, сказать бы и пустая, да такая, что руки и ноги у человѣка отнимутся, а то и попрыщетъ...

— Слышите, ге́рценька? — спрашиваетъ, глядя на жену, дѣдушка.

— Слышу,—отвѣчаетъ, сердито глядя поверхъ очковъ на Капитона, бабушка.

— Ну, а погода? — допытываетъ баринъ, начиная опять на колѣняхъ разстилать и свертывать носовой платокъ.

— У васъ тутъ, сударь, еще бы и ничего, — отвѣчаетъ на заданный урокъ Капитонъ: — а вотъ степью сейчасъ я шелъ, такъ и не приведи Богъ, какая тамъ собралась туча. Какъ выѣдете въ поле, то будетъ дождь.

— Ну, иди же ты, Капитонъ, на кухню, да вели себѣ дать водки и пирога,—а я лучше пережду.

Иванъ Яковлевичъ до того боялся грозы, что даже въ комнатахъ съ первымъ ударомъ грома приказывалъ запирать ставни и двери, зажигалъ лампады у образовъ, ложился среди бѣла-дня въ постель, голову прикрывалъ одѣяломъ и такъ лежалъ, пока удалялась гроза.

Но случалось, что Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, и выѣдетъ, да вспомнитъ, что въ то утро всталъ съ постели лѣвой, а не правой ногой, или увидитъ на улицѣ крестъ-на-крестъ упавшія двѣ соломинки, или кто-нибудь въ де-

ревнѣ перейдетъ ему дорогу, то непремѣнно возвращается, и къ новому отъѣзду соберется уже не скоро.

Жизнь Анны Васильевны на старости была вообще не легка. Сыновья были на службѣ, дочери замужемъ. Однѣ книги ее утѣшали. Твердая нравомъ, начитанная и умная старушка не унывала. Мужнино хозяйство, правда, шло до того плохо, что, при тридцати-сорока лошадяхъ на конюшнѣ, иной разъ не на чемъ было выѣхать: лошади то хромали, то были запалены; а кучеръ Иванко подчасъ докладывалъ, что нѣтъ ни единаго цѣлаго и сноснаго хомута. Зато въ комнатахъ, благодаря хлопотамъ Анны Васильевны, всегда было чисто, уютно, свѣтло и пріятно пахло. Позолота на зеркальныхъ рамкахъ потускнѣла, правда, и потерлась, и Гаврюшка нерѣдко ходилъ съ прорванными локтями. Зато цвѣты по окнамъ были постоянно свѣжи и зелены. Полы въ комнатахъ бабы подметали вѣниками изъ душистыхъ травъ, вощили и вытирали суконками. И если Анна Васильевна не всегда имѣла деньги на собственныя необходимыя потребности, если сама она пила чай изъ безносаго чайника, зато мужу кофе на завтракъ подавался не иначе, какъ въ серебряномъ, съ рѣзьбой и съ цвѣткомъ на крышкѣ, кофейникѣ и съ такою же сахарницей. Въ новый годъ прислуга не выбрасывала изъ дому сора, а оставляла его гдѣ-нибудь въ углу за дверью или подъ печкой, чтобы не вымести вонъ изъ дому... счастья...

— Что̀ жъ за «счастье» было у бабушки?

Анна Васильевна, лѣтомъ съ книгой на балконѣ, а зимой съ чулкомъ, склонясь къ промерзлому окну, по цѣлымъ часамъ стояла, глядя черезъ садъ на дорогу, въ дальнюю ихъ вотчину на рѣкѣ Богатой.

Тамъ-то и былъ «бабушкинъ рай»... И этотъ рай была бабушкина крестница—Груня.

Чуднымъ образомъ досталось это утѣшеніе бабушкѣ. Вышла какъ-то лѣтомъ Анна Васильевна въ старый пришибскій садъ, взглянуть, не осыпалась ли отъ мороза завязь на молодыхъ, посаженныхъ ею щепахъ. Она взглянула на яблони — «добрый крестьянинъ», на плодовитку и антоновку; взглянула на бергамоты и дули... Все было благополучно. Она нарвала цвѣтовъ и ужъ хотѣла уйти, какъ

у корня груши-тонковѣтки, въ сочной, высокой травѣ, услышала какой-то пискъ... Анна Васильевна склонилась къ землѣ, бережно раздвинула траву. Передъ ней, перебирая голыми ручками и ножками, копошилось крохотное, въ оборванныхъ пеленочкахъ, дитя.

Найденная подъ грушей дѣвочка была названа Груней, принята, выращена и воспитана бабушкой. А когда Грунѣ пошелъ пятнадцатый годъ и она уже была обучена грамотѣ, шитью, домашнему хозяйству, пѣнію и даже игрѣ на клавесинахъ, Анна Васильевна рѣшилась съ нею разстаться.

«Дѣвка на возрастѣ и страхъ какъ хорошѣетъ! — думала про себя бабушка: — сынки то-и-дѣло изъ полковъ навѣдываются, сосѣдніе военные тоже какъ комары здѣсь толкутся, и одинъ изъ нихъ, этотъ картежникъ изъ сербовъ, майоръ Дучичъ, особенно сильно сталъ на Груню поглядывать... Надо ее спровадить подальше».

И Анна Васильевна, скрѣпя сердце и обливаясь слезами, спровадила Груню. Она снабдила ее одеждой и обувью, наставленіями, благословеніемъ и книгами и отправила ее за Донецъ, на Богатую, подъ надзоръ и руководство стараго и опытнаго, но хвораго управляющаго изъ нѣмцевъ, Флуга. Старикъ Флугъ въ скорости умеръ. — «Поставьте на его мѣсто Флугшу,—стала совѣтовать бабушка мужу:— нѣмка, почитай, и такъ при покойномъ всѣмъ тамъ заправляла. Управится и теперь. Особливо же при ней наша Груня; будутъ у нихъ для насъ масло и птица, будутъ, какъ слѣдъ, догляжены овцы, лошади и все наше добро». Мужъ согласился.

Груня привыкла къ хозяйству и дѣйствительно хорошо управлялась. Она часто переписывалась съ бабушкой. — «Живу хорошо, милостивая государыня и крёстная матушка, — писала она, — только скучаю. Степь, ни села кругомъ не видно, ни лѣса. Новый флигель, поодаль отъ батрацкихъ избъ, сколоченъ тепло, заборъ вкругъ двора высокъ и крѣпокъ, а на ночь мы ворота съ Миной Карловной запираемъ на замокъ. Ленъ цвѣтетъ — все поле голубенькое, какъ ситчикъ, что̀ вы прислали. Овцы здравствуютъ,—табунъ съ нови бѣжитъ, земля дрожитъ,—а ужъ садъ да и огородъ у насъ, на рѣчкѣ Богатой — не чета, маменька, вашему: будутъ яблоки апортъ, будутъ сливы-

безсѣмянки, будутъ черешни и бѣлая слива. Припасайте, крёстная, меду: всего наваримъ. Да пришлите книжечекъ. Смерть, по вечерамъ, тоска. Прочла я «Наталью боярскую дочь»... Ахъ, какъ хорошо. А не вышло ли, маменька, продолженія «Онѣгина?» Да еще слышно, — купецъ тутъ съ бакалеей сбился съ дороги, у насъ кормилъ, — ходятъ, говоритъ, въ спискахъ стихи — «Горе отъ ума». Очень хвалитъ, и у него списано нѣсколько стишковъ... Пришлите. Флугшу лихорадка бьетъ, да и глазами хвораетъ. Нѣтъ ли какихъ капель?»

Грунѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Высокая, темнорусая, степенная и гордая, съ полною, крѣпкою грудью, румяная и широкая въ кости, — Груня ходила съ увальцемъ, говорила медленно, будто нехотя, работала не спѣша. Большіе сѣрые глаза смотрѣли ласково... Станетъ она, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется, — всю душу освѣтитъ. А пѣла, забравшись въ поле или въ садъ, — не наслушаешься.

«Ой, соберется онъ на Богатую, соберется!—мыслила, въ тоскѣ о своей питомкѣ и въ тревогѣ о мужѣ, Анна Васильевна: — Середняя, Ольшанка ближе къ дому, и дѣла тамъ вотъ какъ запущены, — а его туда не сдвинешь. На Богатую-жъ, въ этакую даль, какъ разъ онъ угодитъ, — и не спохватишься... Да, да, угодитъ; и майоръ Дучичъ съ нимъ собирается... Недаромъ Иванъ Яковлевичъ сталъ толковать, что на табунъ надо взглянуть. Ружья началъ чистить, — дичи, говоритъ, лисицъ, да дрофъ, не оберешься тамъ... Знаю, сударь, на какую дичь твой другъ сербинъ мѣтитъ».

Съ упавшимъ отъ жалости и страха сердцемъ Анна Васильевна вздыхала, хмурилась, быстро перебирала спицами чулка и не отходила отъ оконъ, изъ которыхъ былъ виденъ путь за Донецъ, на Богатую.

Опасенія бабушки не сбылись. Груня вскорѣ ускользнула отъ всякой опасности.

Бабушка продолжала навѣщать хуторъ на Богатой.

Особенно любила Анна Васильевна встрѣчать весну на хуторѣ. Поѣдетъ къ роднымъ на Самару или на Торецъ, отговѣетъ тамъ въ великій постъ и заѣдетъ провѣдать Груню.

А Грунѣ пошелъ восемнадцатый годъ.

Февраль-бокогрѣй дохнулъ тепломъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ. Колья заборовъ, углы хатъ и сараевъ на подсолнечной сторонѣ съ утра затаяли, а къ вечеру обмерзли опять. Мартъ еще держалъ и холодъ, и снѣгъ, хотя небо становилось ласковѣе, голубѣе. Вотъ Благовѣщенье, конецъ поста. Дружнѣе подулъ съ полдня знакомый, теплый и полный обаятельной нѣги вѣтерокъ. Старый табунщикъ Максимъ глянулъ въ окно, подтянулъ поясъ и говоритъ женѣ: «а что, Ганна, должно быть и весна на дворѣ?» — «Можетъ, и весна!» — отвѣчаетъ покорно и робко жена. И оба они выходятъ на порогъ хаты, жутко и весело вглядываясь въ засинѣвшую степь. — «Пора барышнѣ доложить, пусть отпишетъ господамъ, не размять ли табуна на волѣ, не выгнать ли коней хоть на старыя жнивья?»

Вышла и Груня за ворота. Кругомъ еще тихо. А бѣлыя перистыя облака неспокойно несутся надъ вздувшеюся отъ подпора степныхъ водъ Богатой. Еще зарями морозитъ; еще по ночамъ хруститъ подъ ногами. А въ лицо уже пашетъ инымъ, щедрымъ, будто праздничнымъ тепломъ. Точно паръ молодого хмельнаго вина разлитъ и струится въ воздухѣ. И отъ каждаго вошедшаго съ надворья, отъ его одежды, лица и рѣчей—пахнетъ весной.

И вотъ весна пришла.

Огромный, исхудалый за зиму грачъ, звонко каркая, летитъ съ поля на выгонъ. Выглянуло солнце, глядитъ и не прячется. Подъ его лучами залаяли родники, сугробы и намёты. Все точно дымится, обрушается, шумитъ и плыветъ. Къ вечеру будто отпуститъ. Выйдетъ Груня на крыльцо: кругомъ тихо, только собаки на дальней овчарнѣ лаютъ, да въ темнотѣ кое-гдѣ раздается шелестъ подтаявшаго снѣга, неугомонное шушуканье и пошептыванье бѣгущей по скатамъ въ разныхъ уголкахъ и направленіяхъ воды. Стоитъ Груня и слушаетъ, что говорятъ воды и что нашептываетъ весна? Все стихло, не слыхать ничего. Но впотьмахъ у сарая что-то вновь зашелестило: вода понемногу скопилась, пробуравила дырку подъ соломой, сваленной у коновязи, закипѣла и точно ухнула и рѣзко понеслась вдоль двора къ рѣкѣ. А не то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, вдругъ посыплется что-то съ крыши, точно ея снѣжный покровъ охватило налетѣвшимъ, бродячимъ тепломъ, и онъ подъ его струей затаялъ...

Прошелъ день-другой, прошла недѣля. Груню манитъ въ садъ. Изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема пробиваются первыя травы, тутъ же на солнцепекѣ быстро и расцвѣтая. Голубые пролѣски и бѣлые ландыши гнѣздятся между безлистныхъ еще деревъ. Явились ласточки, мотыльки. Цвѣтовыя почки на вѣтвяхъ вздулись, и ихъ липкіе, душистые лепестки развертываются зелеными и бѣлыми кулачками. Еще день — вишень и терна не узнать: все сливается въ бѣлую стѣну, и запахомъ меда далеко несетъ отъ нихъ. Показались рои мошекъ и комаровъ. На тропинкахъ обозначились ямки пауковъ. Рогатый черный жукъ суетливо катитъ задомъ, черезъ былинки и сучки, скомканный изъ всякаго хлама шарикъ. Отозвалась кукушка. А вотъ и соловьи...

Сядетъ Груня на крыльцѣ, мысль ея далеко—съ Кавказскимъ плѣнникомъ, или съ цыганомъ Алеко. Дворъ хутора на взгорьѣ. За выгономъ влѣво и вправо—неоглядная степь, на днѣ широкаго лога—извилины рѣчки Богатой, а за рѣкой—опять взгорье и опять синяя, гладкая степь,—все это видно съ крыльца, какъ на ладони. Во дворѣ тихо. Рабочіе, старъ и младъ, ушли на посѣвъ. Овцы и лошади пасутся далеко по буграмъ; за косогоромъ ихъ не видно. Солнце грѣетъ. Птицы затихли. И ни одинъ звукъ не долетаетъ до Груни. Развѣ хлопотунъ-пѣтухъ, роясь въ кучѣ сора, отзовется на отошедшихъ къ сторонкѣ куръ, да согнанная коршуномъ или кошкой стая голубей съ шумомъ взлетитъ съ овчарни или съ мельницы и, кружась, унесется къ вербамъ на луга...

Груня смотритъ на голубей, на сарай, подъ которымъ кучей свалены зимнія дровни, на всякую домашнюю рухлядь, развѣшенную Флугшей по веревкѣ, между погребомъ и амбаромъ, на заячьи тулупы, наволоки, кофты, одѣяла, платки и мѣшки. Посидитъ Груня, вздохнетъ и идетъ въ садъ. А тамъ, въ сочныхъ травахъ и въ кустахъ, кипитъ домовитая хлопотня пѣвчихъ пташекъ и звѣрьковъ. Въ земляныхъ, лиственныхъ и древесныхъ тайникахъ вездѣ пищатъ, копошатся, звенятъ и шуршатъ новорожденныя крылатыя и четвероногія семьи. А въ воздухѣ жарче и жарче. Земля накаляется. По степи, волнуясь, ростя, опять исчезая, движутся исполинскія туманныя марева... Скоро на кольяхъ заборовъ и на высохшихъ былинкахъ явится во-

строносенькая, вѣчно-чиликающая, «птичка-жажда». Загремятъ страшныя грозы, прольются шумные дожди...

Грунѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Въ концѣ зимы того года, ѣздивъ съ Флугшей въ церковь ближняго села, Груня простудилась и пролежала въ горячкѣ большую часть великаго поста. Бабушка присылала къ ней фельдшера и сама ее навѣстила на страстной недѣлѣ. Много въ эту зиму въ степи болѣло людей. Старый табунщикъ Максимъ умеръ и на его мѣсто Иванъ Яковлевичъ прислалъ отъ себя другого наѣздника, Родьку, по прозвищу Бѣлогубова. О смерти и о похоронахъ Максима, а равно о присылкѣ Бѣлогубова Груня знала смутно, по слухамъ, изрѣдка долетавшимъ въ свѣтелку, гдѣ она томилась въ болѣзни. На пасху Груня оправилась. Еще блѣдная, худая и слабая, она пріодѣлась, накинула на голову платокъ и, пошатываясь, отъ скуки вышла на крыльцо, а оттуда въ садъ.

Былъ конецъ апрѣля. Вечерѣло. Овцы шли къ водопою. Табунъ рѣзво несся по степи домой.

Груня потянула грудью свѣжаго воздуха и закрыла глаза отъ блеска солнца, тонувшаго за рѣкой, да отъ запаха распускавшихся деревъ и цвѣтовъ. Никогда еще весна такъ не плѣняла и не чаровала Груни. Слезы покатились у нея по лицу. Она присѣла на кочкѣ, склонилась головой на руки и сперва тихо, потомъ громче и громче, съ переливами запѣла нѣкогда модную пѣсню, которой за клавесиномъ выучилась у крестной:

Я бѣдная пастушка,
Весь міръ мой—этотъ лугъ;
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

За спиной Груни послышались шаги. Что-то зашелестило въ кустахъ. Она смолкла, оглянулась. Раздвинувъ вѣтви вишенника, передъ нею, безъ шапки, стоялъ высокій, статный человѣкъ: въ сѣромъ старенькомъ, обхваченномъ ремнемъ армякѣ, на поясѣ—подпилокъ, ножъ и ланцетъ, самъ онъ русый, борода чуть пробивается, молодое, обвѣтренное лицо и ласковые, веселые и вмѣстѣ робкіе глаза.

— Пташки, сударынька! это вамъ-съ!..—сказалъ подошедшій разжимая широкую, мозолистую ладонь.

Груня взглянула: передъ ней на протянутой рукѣ сидѣли рядкомъ, шевелясь и раскрывая желтые, мягкіе носы, двѣ, чуть обросшія сѣрымъ пухомъ, птички.

— Чтò это?—спросила Груня.

— Птушки, сударынька, жавороночки! а може и скворцы... не бойтесь, это вамъ...

— А ты самъ кто такой?

— Новый табунщикъ, Родька, коли изволили слышать.

Груня встала.

— Ну, Родивонъ, сдѣлай же ты мнѣ божескую милость,—сказала она:—отнеси ты этихъ пташекъ туда, откуда ихъ взялъ. — Это — соловьи. Пусть себѣ живутъ... Да бережно, смотри, положи, чтобъ соловьиха не откинулась. А за вниманіе благодарствую...

Съ этими словами Груня ушла. Поглядѣлъ ей вслѣдъ Родивонъ, вздохнулъ и, почесывая затылокъ, долго не сходилъ съ мѣста. Какъ стемнѣло, онъ спустился въ ягодные кусты, положилъ птицъ въ гнѣздо, въ сборную избу ужинать не зашелъ, а сѣлъ на коня, шевеля плеткой, тихо выѣхалъ въ степь, и Груня изъ своей свѣтелки слышала, какъ по темному бугру за рѣкой, на привольи, раздалась его заунывная пѣсня:

«Охъ, и гдѣ жъ ты, гдѣ же,
Милъ сердечный другъ?»

Съ той поры Родивонъ не выходилъ изъ головы Груни. Она пряталась отъ него, избѣгала его, но невольно слѣдила за всѣмъ, чтò онъ дѣлалъ и чтò о немъ говорили.

Въ срединѣ мая на Богатую пришли подводы, забирать проданную купцамъ прошлогоднюю пшеницу и кое-что изъ запасовъ льна. За болѣзнью Флугши кули вѣсилъ и, какъ грамотный, по списку отпускалъ, подъ надзоромъ Груни, Родивонъ. Первые возы нагрузились и съ купеческимъ приказчикомъ уѣхали; стали грузиться вторые; подводчики устали и пошли обѣдать. Въ прохладномъ, пахнувшемъ мукой и развѣшенными новыми вѣниками, амбарѣ остались только Родивонъ да Груня. Поглядывая на Груню, Родивонъ карандашомъ выводилъ послѣднія отмѣтки въ амбарномъ спискѣ. Груня зѣвнула.

— Это у васъ, барышня, какое колечко?—спросилъ Родивонъ, встряхивая запыленными мукой кудрями.

— Сердоликъ, крестной подарокъ!—отвѣтила Груня, протягивая руку.—Да что ты, непутный, поди, мукой всю перепачкаешь!—крикнула она, смѣясь и съ силой отталкивая Родивона:—ой, да не жми жъ такъ, больно... пусти... Мину Карловну позову...

Родивонъ не отступалъ. Онъ крѣпче обнялъ Груню, подхватилъ ее отъ полу, какъ перышко, посадилъ на куль рядомъ съ собой и сказалъ:

— Что жъ, сударыня, кричите; одинъ, видно, мнѣ конецъ...

— Да пусти жъ ты, сумасшедшій, что̀ затѣялъ! одумайся! ой!..

— Нечего мнѣ, барышня, думать. Сердце изныло. Одна дорога: либо петля, либо въ воду... День хожу, какъ шальной, ночи не сплю—помутила меня твоя красота, Грунюшка...

Трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Груни. Она вспыхнула, искоса поглядывая на Родивона.

— Ахъ, отчего я не богатый, да не знатный! — продолжалъ Родивонъ:—не пойдешь за простого, не отдадутъ такой крали за сермяжника...

Груня вырвалась отъ Родивона.—«Руки коротки! — сказала она, толкнувъ его такъ, что тотъ о закромъ ударился спиной.—Минѣ Карловнѣ, вотъ ей-Богу, все разскажу!» — прибавила она, безъ оглядки уходя изъ амбара. А когда вечеромъ уѣхали послѣднія подводы, Груня вышла на крыльцо, подозвала Родивона, взяла у него амбарные списки и, не уходя въ горницы, спросила: «кто ты родомъ и отколь къ господамъ нашимъ взялся?»

— Княжескій я,—нѣсколько замявшись, тихо отвѣтилъ Родька:—въ пѣвчихъ былъ—не вытерпѣлъ; въ егеряхъ—не по нраву пришлось; лошадей любилъ—ну, съ тѣмъ и остался...

— Какъ же ты къ господамъ-то къ нашимъ присталъ?

— У лѣкаря, у Егора Ѳаддеича Слѣзіевскаго, сперва кучеромъ ѣздилъ, а онъ меня и къ вашимъ господамъ направилъ.

— По паспорту, что ли, ходишь?

— Мы оброчные,—еще тише отвѣтилъ Родька.

— Есть же у тебя отецъ, мать? — допытывала Груня, поглядывая на стоявшаго передъ ней безъ шапки молодца.

— Какъ перстъ, барышня, одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ...

— Ну, иди же, Родивонъ, къ себѣ, да впередъ не смѣй озорничать. Не то, поссоримся.

— А книжечки, сударыня, нѣтъ ли почитать?—лукавыми карими глазами усмѣхнулся Родька.

— Послѣ приходи... Найду, сама тебя кликну и отдамъ... а самъ не смѣй!—сказала, вся закраснѣвшись, Груня, обернулась и ушла къ себѣ въ горницу.

Кончился май. Началась косовица, полотье огорода и льна. Груня ходила въ поле къ гребцамъ и къ полольщицамъ въ огородъ и на луга. Не зимняя пора. Весело и размяться, несмотря на зной и духоту. Вездѣ въ часы роздыха неслась болтовня словоохотливыхъ захожихъ поденщицъ. Бабы толковали о хозяйствѣ мужей, дѣвки о женихахъ да нарядахъ. И всякія тайны сосѣдокъ-хуторянокъ при этомъ невольно узнавала Груня: гдѣ парни хорошіе и гдѣ дурные, и кто кого любитъ и съ кѣмъ знается, и кто кого гонитъ, или за кого собирается замужъ. Вонъ загорѣлая, статная, съ черными бровями и русой косой красавица, бросивъ грабли, божится, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, какъ ткачихинъ сынъ; но она его прогнала и не пуститъ къ своей хатѣ, хоть убейся онъ. Другая, худощавая, блѣдная, забитая лихорадкой, лежитъ подъ копной и, закинувъ руки за красивую голову, шепчетъ подругѣ, какъ въ воскресенье, въ слободѣ, ее затронулъ у церкви поповичъ и что̀ она при этомъ отвѣтила, и какъ, оставивъ своихъ, она уже и слободу миновала, а поповичъ все за нею, все за нею, идетъ и проситъ, чтобъ она вечеромъ вышла къ нему постоять за ворота. И всюду любовь, всюду нѣга, всюду голосъ, зовущій къ иной, неизвѣданной, чудной жизни...

Гребцы идутъ пестрыми рядами по свѣжимъ покосамъ, а Груня глядитъ въ даль, гдѣ по синѣющему пригорку Родивонъ водитъ на просторѣ вольный табунъ. Соберется Груня съ дворовыми стряпухами въ сосѣдній лѣсокъ по грибы,—Родивонъ уже тамъ: подойдетъ къ ней, ласковыя рѣчи ведетъ, застѣнчивъ, глазъ на нее не поднимаетъ, а съ другими зубы скалитъ, пѣсни во все горло поетъ. «Такъ, такъ! Онъ полюбилъ меня, оттого и стыдится!»—думаетъ Груня, съ кузовкомъ грибовъ идя домой.

«А коли не суженый?—размышляла какъ-то Груня, погасивъ свѣчу и собираясь ко сну въ своей горницѣ,—отдадутъ меня за чиновника, отдадутъ за офицера... Да будетъ ли тотъ такъ любить? Простой, подневольный человѣкъ...

Лишь бы не обманулъ,—крестная выкупитъ его у князя... Смышленый, умный такой, да работящій; все знаетъ, грамотный, — ему быть не при лошадяхъ... Ему цѣлой вотчиной править, такъ не испортитъ дѣло»...

Груня откинула пологъ кровати, распустила косу, присѣла и, не раздѣваясь, стала глядѣть въ окно. Полный мѣсяцъ плылъ въ ясномъ небѣ. Кудрявая акація, не шелохнувшись, стояла на садовой полянѣ противъ окна. Тихо. Только кузнечики трещатъ по лугамъ, да изрѣдка на птичномъ дворѣ крикнетъ пѣтухъ, и ему прерывистымъ, звонкимъ баскомъ вторятъ молодые, подрастающіе пѣтушки.

Что-то зашелестило подъ окномъ. Груня привстала, слушаетъ. Чья-то рука будто скользитъ по стеклу, нажимаетъ раму. Рама отворилась. «Боже! неужели воры? — подумала, мертвѣя отъ страха, Груня,—съ нами крестная сила!. » Она спряталась за положокъ.

— Барышня, вы не спите? это я! — шепчетъ изъ саду тихій голосъ.

— Да кто ты, говори! или я крикну...

— Не кричите, барышня, это я... Родивонъ...

— Что тебѣ?

— Книжечки нѣтъ ли? скука... смерть—тоска!—шепчетъ Родивонъ.

— Нашелъ, безпутный, въ какое время книжку просить! Поди, говорю тебѣ, поди... чтобъ и духу твоего не пахло! какъ можно! такая пора...

— Да вы, сударыня, слушайте не бойтесь... да вы только подойдите сюда, къ окну... Хоть словечко промолвите...

«Встать ли? подойти ли къ нему, озорнику?»—разсуждала, не выходя изъ-за полога Груня. А ночь тиха, свѣтъ мѣсяца щедро льется. Медвяный запахъ цвѣтущихъ липъ врывается въ открытое окно...

Въ началѣ іюля Анна Васильевна получила отъ Груни письмо, съ просьбой о благословеніи и о разрѣшеніи ей выйти замужъ за Родивона. Сильно озадачила и огорчила эта вѣсть старуху. Она ни словомъ не проговорилась о томъ мужу, а велѣла запрячь крытыя дрожки, съѣздила на Богатую, посовѣтовалась съ Флугшей, разспросила Груню, потребовала къ себѣ на глаза Родьку и, давъ ему добрую головомойку, кончила тѣмъ, что благословила его на бракъ

съ Груней. Свадьбу сыграли въ ту же осень въ Пришибѣ. Родька сталъ именоваться Родивономъ Максимычемъ и получилъ званіе конторщика, а въ слѣдующемъ году, когда умерла Флугша, Грунѣ и Родивону было передано и все управленіе хозяйствомъ на Богатой.

Отлично зажила Груня съ мужемъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, которая также удостоилась быть крестницей Анны Васильевны. Груня завѣдывала коровами, птицей, садомъ и огородомъ; Родивонъ Максимычъ—овцами, лошадьми и хлѣбопашествомъ. Доходы съ Богатой удвоились. Не нахвалится новыми хозяевами далекаго хутора Иванъ Яковлевичъ. А ужъ объ Аннѣ Васильевнѣ и говорить нечего—она души въ нихъ не чаяла.

— Да кто жъ онъ, матушка, кто этотъ вашъ новый управляющій? — спрашивали Анну Васильевну любопытныя сосѣдки.

— Четвертинскаго князя крѣпостной, изъ дворовыхъ, съ Литвы, а проживалъ при барскомъ домѣ въ Москвѣ. Былъ у насъ прежде почитай конюхомъ, а вонъ, за отличіе да за стараніе, чѣмъ его мужъ мой пожаловалъ.

— Вы его, матушка, выкупили?

— Самъ выкупился; безъ того я крестницы за него не отдавала.

И дѣйствительно, Бѣлогубовъ съѣздилъ въ Москву и передъ вѣнчаніемъ привезъ оттуда отпускную. Все шло хорошо. Только самъ Родивонъ Максимычъ сталъ что-то неспокоенъ: по-часту охаетъ, ходитъ задумчивъ, мало разговариваетъ, а ужъ жену любитъ—не наглядится на нее, да и съ дочкой-подросточкомъ такъ ласковъ да нѣженъ, съ рукъ ее не спускаетъ, слезы потихоньку утираетъ, любуясь на нее.

— Что ты, Родя, печалишься будто? — спрашиваетъ его Груня: — изъ-за чего думы твои? или ты чѣмъ недоволенъ, или я тебѣ не угодила?

— Всѣмъ я, Грунюшка, доволенъ, оттого и мысли мои... Ну, думаю, какъ все это кончится? Ну, какъ ничего не станетъ у меня, ни тебя, ни дочки, ни всего?

— Какъ не станетъ и отчего? Бога ты гнѣвишь, Родя, и не добро думаешь.

— Одначе... постой, отвѣть: а что... вдругъ, — ну, какъ вы помрете, или кто васъ отберетъ?

— Полно, пустяки говоришь. Я думала, о чемъ о другомъ онъ заботится... А ты о смерти... пустяки! Всѣ мы подъ Богомъ, всѣ подъ Его волею, Онъ насъ и помилуетъ. Лучше ты бѣглыхъ вонъ тутъ не держи. Самъ толкуешь про станового, про Сидора Акимыча, не человѣкъ, а звѣрь.

— Полно, Груня, будто бѣглые не люди! Жаль ихъ, да и работаютъ какъ... А обо мнѣ ты не думай, это пройдетъ...

Родивонъ, однакоже, не унимался: похудѣлъ, опустился, даже старѣе будто сдѣлался на нѣсколько годовъ. И началось это съ той поры, какъ онъ съѣздилъ на ярмарку продавать выбранныхъ изъ табуна лошадей. На ярмаркѣ, между всякимъ народомъ у кабака, его узналъ какой-то рыжій и невзрачный съ виду, загуляцій побродяжка. Родивонъ сильно смѣшался при видѣ этого человѣка и сперва на его привѣтъ не признался; но потомъ они пошли въ трактиръ и больше сутокъ тамъ угощались. Загуляцій человѣкъ, на радости отъ встрѣчи съ старымъ пріятелемъ, остался мертвецки пьяный подъ лавкою трактира, а Родивонъ поскорѣе уѣхалъ домой, но съ той поры его какъ въ воду опустили: совсѣмъ сталъ иной.

Эти заботы, спустя нѣкоторое время, какъ будто и прошли. Родивонъ съ виду сталъ спокойнѣе. Но къ зимѣ онъ получилъ откуда-то письмо и опять закручинился; началъ искать денегъ взаймы, добылъ, сколько могъ, и выслалъ ихъ куда-то, а прежняго спокойствія не видитъ.—«Откуда письма получаешь?» допытывала жена. — «Отъ родныхъ, изъ нашихъ мѣстъ», отвѣчалъ Родивонъ, но писемъ женѣ не показывалъ.

Какъ-то, въ Спасовку, написала Анна Васильевна къ Грунѣ письмо, что сильно соскучилась по ней и что хорошо бы Груня сдѣлала, если бы, пока тепло, собралась и навѣстила ее съ дочкой.

— Что, ѣхать ли намъ къ крёстной? — спросила мужа Груня.

— Нѣтъ, обожди.

— Какъ ждать! Спасовка вонъ проходитъ, скоро Успеньевъ день, пчелу пора морить, медъ къ господамъ отсылать; а мы бы при этомъ случаѣ и съ Параней поѣхали.

— Поѣдешь послѣ Воздвиженья! лёнъ надо молотить на сѣмяна—я одинъ не управлюсь.

Но и пчелу поморили, и медъ послали, и Успеньевъ день прошелъ, а Родивонъ не отпускалъ Груни за Донецъ.

Въ концѣ августа стояла особенно жаркая погода. Родивонъ съ утра верхомъ, а послѣ обѣда на бѣговыхъ дрожкахъ объѣхалъ поля, взглянулъ, какъ пасутся овцы и лошади, повѣрилъ счетъ подводъ, перевозившихъ остальныя копны на гумно, и навѣстилъ грабарей, рывшихъ въ степи новый прудъ. Онъ возвратился на вечерней зарѣ до̀-нельзя усталый, наскоро поужиналъ, перемолвилъ нѣсколько словъ съ женой, пошутилъ съ дочкой и ушелъ спать.

Долго Груня возилась съ уборкой посуды и съ отдачей разныхъ приказаній, сходила за мужа въ амбаръ и въ кладовую. Спать ей не хотѣлось. Изъ головы у нея не шли слова, вскользь сказанныя мужемъ за ужиномъ. — «Всяки порядки бываютъ, — замѣтилъ онъ, доѣдая поросячій бокъ съ кашей: — вотъ бы вольныя, значитъ, отпускныя... Иной тебѣ вчешетъ туда такое словцо, что послѣ и не расхлебаешь». — «Да ты это что̀?» — спросила, похолодѣвъ отъ страха, Груня. — «Ничего... это я про одного нашего землячка вспомнилъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Родивонъ: — да и становой опять въ голову пришелъ. Ужъ точно Иродъ, не человѣкъ, какъ есть душегубъ; намедни пятерыхъ бѣглыхъ изловилъ на Терновой и всѣхъ упекъ въ кандалы, да въ острогъ... Есть тоже такой баринъ, графъ Аракчеевъ, коли слышала,—къ тому попадись, живого съѣстъ...» — «Да вѣдь онъ въ Питерѣ, при царѣ служитъ»,—сказала Груня.— «Въ Питерѣ-то, въ Питерѣ, а подъ землей всякаго найдетъ, коли захочетъ... Чай слыхала, къ Чугуеву ужъ подбирается...»

Все, наконецъ, затихло въ горницахъ. Груня взглянула на спавшую въ углу за шкапомъ Парашу, помолилась, раздѣлась, тоже легла и заснула.

Спитъ Родивонъ, да неспокойно, по временамъ вздрагиваетъ и мечется. Снится ему, что онъ изнываетъ отъ духоты. — «Охъ, хоть бы вѣтеръ пахнулъ въ лицо,—думаетъ онъ,—хоть бы глотокъ студеной водицы...» Странныя грёзы порхаютъ надъ его изголовьемъ...

Красное, въ веснушкахъ, отекшее, пьяное лицо склоняется надъ нимъ, сѣрые безстыжіе глаза смѣются, рыжая борода щекочетъ ему губы и носъ. — «Ха-ха-ха! поймался, Родька, поймался, землячекъ! — хохочетъ на всю комнату

пьяная рожа:—вставай, арестантъ! вонъ онъ, вотъ! ха-ха-ха! тебѣ хорошо, мнѣ худо... берите его...»—Тьфу ты, сгинь!—отмахиваясь руками, изъ всѣхъ силъ плюнулъ на стѣну Родивонъ.

Онъ вскочилъ, присѣлъ на кровати, протеръ глаза. Въ комнатѣ мертвая тишина. Полный мѣсяцъ смотритъ съ неба. Чебрецомъ и калуферомъ пахнетъ изъ огорода, и чудные, серебристые звуки несутся въ окно. Звенитъ, звенитъ что-то тамъ въ сверкающей дали, за рѣкой, смолкнетъ и опять отзовется, будто спускается со взгорья, ближе и ближе подплываетъ къ рѣкѣ.—«Батюшки-свѣты! колокольчикъ!—спохватился Родивонъ: — это полиція... меня ищутъ... Куда дѣться?»

Онъ бережно, мимо Груни, слѣзъ съ кровати, наскоро одѣлся, отыскалъ впотьмахъ ведро съ водой, перегнулъ его, жадно отпилъ разъ и другой и бросился къ окну. Во дворѣ ни звука. Хромая дворовая собаченка Стрѣлка, наставя чуткія уши, лежитъ на мѣсяцѣ у крыльца. Она увидѣла хозяина, легонько помахала хвостомъ, встала и, ковыляя, побѣжала въ садъ. Родивонъ за нею. Выскочила собачка на освѣщенную мѣсяцемъ дорожку, постояла, поджавъ лапку, у одного куста, у другого, скусила верхушку какой-то травки, вѣжливо пожевала ее, перепрыгнула черезъ канавку, обнюхала какой-то бугорокъ, уставилась носомъ за рѣку и вдругъ замерла, точно слыша что-нибудь въ той сторонѣ. А въ ушахъ Родивона опять шумъ и звонъ... Затихая и вновь раздаваясь, несутся серебристые звуки: тень-тень... тень...

«Милочка, Стрѣлочка! да ты врешь, обозналась! никого нѣту!» готовъ былъ молить собаченку Родивонъ. И вдругъ его какъ варомъ обдало. Онъ вздрогнулъ, судорожно двинулся по поясъ въ высокую душистую траву и замеръ. Прохладнымъ лужкомъ съ зарѣчнаго бугра явственно донеслось фырканье одной лошади, другой, и негромкое постукиваніе бережно катившихся колесъ.—«Крадутся! колокольчикъ подвязали!—пронеслось въ головѣ Родивона:—не къ кому больше, какъ ко мнѣ...»

Кликнувъ собачонку, чтобъ та не разлаялась, Родивонъ бросился въ комнаты, разбудилъ жену и наскоро разсказалъ ей въ чемъ дѣло. Та ахнула, заметалась.—«Звать ли кого изъ людей?» — «Не зови никого... Пропадать видно! самъ управлюсь...»

Черезъ часъ, за бѣлою скатертью, установленной всякою снѣдью и флягами, передъ пыхтѣвшимъ самоваромъ, при свѣчѣ, сидѣлъ низенькій, сѣденькій, лысый и сутуловатый, въ разстегнутомъ мундирѣ, при шпажонкѣ, становой. Родивонъ, съ заложенными за спину руками, растерянно и покорно стоялъ передъ нимъ. Груня, чуть живая отъ страху, выглядывала на нихъ въ дверь изъ сосѣдней комнаты.

— Дверь въ сѣни заперъ? — спросилъ, уписывая поросенка, становой.

— Заперъ.

— Никто не знаетъ, что я пріѣхалъ?

— Никто.

— Гдѣ кучерёнокъ?

— На птичню, за дворъ отвелъ.

— А лошади?

— Въ конюшню къ корму поставилъ.

— Ворота?

— На засовѣ.

— Такъ какъ же?

— Чего-съ?

— Отдаешь тройку бѣлоногихъ на придачу?

— Къ чему на придачу-съ?

— Десятокъ овецъ отпустишь, коровенку тамъ какую, или двѣ, суконца на бешметъ...

— Много будетъ, ваша милость! — проговорилъ Родивонъ: — нельзя ли поменѣе?.. Я подначальный! взыщется... Господа притомъ строгіе...

— Строгіе? — засмѣялся становой: — знаю я ихъ лучше тебя! А это, читай... что... «Доношу вашему благородію, что на рѣчкѣ Богатой, по фальшивому виду... проживаетъ...» ну-ка, читай, братецъ, самъ: «проживаетъ бѣглый, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева крѣпостной слуга, Василій Ильинъ, сынъ Самопаловъ... А бѣгалъ онъ трижды и сидѣлъ въ острогѣ въ Муромѣ, да сидѣлъ же въ Херсонѣ и въ Бахмутѣ... и мнѣ про то доподлинно извѣстно... мѣщанинъ Исай Перекатовъ...»

— Исайка, ваша благородіе, вретъ; онъ по злобѣ...

— Не вретъ, я тебѣ докажу... Ты—Васька, а не Родивонъ, Самопаловъ,—а не Бѣлогубовъ... Лучше признавайся, да помиримся; а то будешь меня помнить. Хе-хе... Черезъ часъ, черезъ два, знай ты это, подойдутъ понятые. Письмо-

водитель съ сотскимъ въ Чунихиной остался; чуть зорька выглянетъ, всѣ будутъ здѣсь... Такъ согласенъ? Помни— свяжу, а тамъ—въ кандалы и въ Сибирь... что̀ въ Сибирь? хуже! къ самому графу Аракчееву по этапу перешлю... Онъ те вчешетъ—съ живого кожу сдеретъ! Хе-хе...

— Смилуйтесь, Сидоръ Акимычъ! смилуйтесь!—не своимъ голосомъ взмолился Родивонъ: — все берите; не погубите только жены, да маленькой дочки.

— Да ты, можетъ, и взаправду не графа Аракчеева крѣпостной, а князя Четвертинскаго вольноотпущенный?— шутилъ, хмелѣя отъ старой Флугшиной запеканки, становой.

Родивонъ упалъ ему въ ноги.

— Гдѣ состряпалъ паспортъ? — крикнулъ, затопавъ на него, становой.

— Въ Бердянскѣ у жида купилъ.

— У Герцика? знаю... А отпускную гдѣ добылъ?

— Тамъ же.

— Что̀ далъ?

— Два золотыхъ.

Становой покатился со смѣху.

— Вотъ, сударыня, — обратился онъ къ подошедшей Грунѣ, наливая стаканъ: — за вашу хлѣбъ да соль готовъ я вамъ помочь. А опрометчиво поступили, опрометчиво... неужели многочтимая, столь высокаго ума и характера дама, Анна Васильевна, ваша крёстная матушка, — я ихъ довольно знаю и ручку имъ не разъ цѣловалъ! — неужели, говорю, не нашла бы она вамъ лучшаго сокола? Эхъ, эхъ... А запеканка — мое почтеніе!.. вѣчная память Минѣ Карловнѣ,—я ею и равно покойнымъ мужемъ ея много поштованъ!.. Что, любезный?—обратился становой къ Родивону:— не слыхать ли понятыхъ? не пришли еще?

— Не видно что-то, — отвѣтилъ Родивонъ, взглядывая въ окно.

— Такъ готовь, душенька ты моя, бѣлоногихъ... Рѣзвы, ухъ рѣзвы! Видѣлъ, какъ ты на чортовыхъ жеребцахъ по ярмаркамъ свою кралю-сударушку покачивалъ... Готовь, а я тѣмъ временемъ маленечко сосну... Да ты не бойся: все теперь у насъ будетъ гладко, шито! Никто, опричь меня, про доносъ этотъ не знаетъ, даже и письмоводителю я не показывалъ... Рыло у него нечисто... Понятыхъ тѣмъ же часомъ отпущу назадъ и напишу, куда слѣдуетъ, что нѣтъ-

молъ такого въ здѣшнихъ мѣстахъ; а про подарки ты выдашь мнѣ росписку, что деньги за все сполна получилъ...

«Слава тебѣ, Господи! слава!» — не помня себя отъ радости, взмолилась Груня, когда становой погасилъ свѣчу и, примостясь на лавкѣ, захрапѣлъ въ первой горницѣ, а Родивонъ ушелъ ему готовить тройку бѣлоногихъ.

— Ѣдемъ, — шепнулъ, входя къ женѣ впопыхахъ, Родивонъ.

— Куда?

— Нечего толковать. Буди и бери Параню, да захвати хлѣба, одежи. Послѣ все разскажу.

— Да онъ же поладилъ съ тобой, согласился!—лепетала, дрожащими руками одѣвая дочку, Груня.

— Знаю я ихъ, ненасытныхъ волковъ. Дай ему только палецъ въ глотку, всю руку слопаетъ. Пропали мы, пропали... Скорѣе снаряжайся, скорѣй... Люди не скоро сойдутся,--успѣемъ уйти: загоню коней до смерти, а сто верстъ проскачу. Въ Бахмутѣ есть пріятель, далѣе отъ него уйдемъ... въ Анапу или за Кубань.

Родивонъ хотѣлъ-было сразу порѣшить съ становымъ, да раздумалъ. Пошаривъ потомъ съ фонаремъ на чердакѣ и вкругъ дома и раздумывая, не повѣситься ли? онъ возвратился къ женѣ, поднялъ у печки топоромъ половицу, вынулъ оттуда кожаный поясъ съ деньгами, снялъ со стѣны ружье, перекрестился на образъ и вышелъ на крыльцо.

На дворѣ чуть начинало бѣлѣть. Запряженная тройка бѣлоногихъ, какъ вкопанная, стояла на привязи у крыльца.

Родивонъ усадилъ въ телѣгу Груню съ дочкой, бросилъ къ нимъ кое-какіе пожитки, бережно растворилъ ворота, самъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, еще разъ перекрестился, прислушался. Вездѣ было тихо. Только въ сосѣдней слободкѣ за бугромъ, какъ бы по волку, тявкали собаки.

Телѣга безъ шума выѣхала за ворота, спустилась на темный еще лугъ, стала переваливать за косогоръ. Родивонъ неспокойно задвигался, подобравъ вожжи и сперва рысью, потомъ вскачь пустилъ храпѣвшихъ и рвавшихся жеребцовъ.

— Охъ, да что̀ же это? что̀? — заговорила въ страхѣ, оглядываясь, Груня: — никакъ у насъ, Родивонъ Максимычъ, пожаръ?

Родивонъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и молчалъ. Онъ

крѣпче надвинулъ шапку на уши, крѣпче налегъ на бѣлоногихъ, и тройка, выбравшись на дорогу къ Волчьей, скрылась за горой, въ то же время, какъ начавшійся за спинами бѣглецовъ пожаръ далеко освѣтилъ долину Богатой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ хуторъ и гдѣ Богатая сливалась съ рѣчкой Богатенькой.

Домъ, гдѣ спалъ мертвецки-пьяный становой, вспыхнулъ и горѣлъ, какъ свѣча. Не успѣли сбѣжаться изъ задворныхъ избъ разбуженные ревомъ скотины и гуломъ огня батраки, не успѣли подойти завидѣвшіе пламя понятые, отъ новаго дома Ивана Яковлевича остался одинъ пепелъ.

Письмоводитель далъ знать въ городъ. Явился исправникъ. По окончаніи слѣдствія, былъ составленъ протоколъ, а въ протоколѣ было сказано: «По Божьему изволенію, такого-то года, мѣсяца и числа, на хуторѣ лейбъ-гвардіи прапорщика Д**, отъ неизвѣстной причины, въ глухое ночное время, приключился пожаръ. А на томъ пожарѣ, кромѣ лошадей, коровъ и прочаго имущества владѣльца, сгорѣли: становой приставъ, Сидоръ Акимовъ Солодкій, со всѣми его бумагами, пара обывательскихъ коней, съ повозкою, и управляющій тѣмъ хуторомъ вольноотпущенный, Родивонъ Максимовъ Бѣлогубовъ, съ женою Аграфеною Ивановою и съ малолѣтней дочкой Прасковьей! Въ чемъ и подписуемся...»

Вѣсти о пожарѣ на хуторѣ и о гибели управляющаго съ семьей сильно поразили Ивана Яковлевича и Анну Васильевну. Дѣдушка рѣшилъ раздѣлаться съ землей и со всѣмъ хозяйствомъ на Богатой. Бабушка мужу не перечила. Это имѣніе вскорѣ было продано курскому второй гильдіи купцу, Ивану Михайловичу Слатину. Иванъ Яковлевичъ былъ доволенъ тѣмъ, что вырученными деньгами уплатилъ немало особенно тяжелыхъ долговъ. Анна Васильевна была зато неутѣшна.

— Нѣтъ моего рая, нѣтъ Грунюшки, — толковала старуха:—погибла моя Груня, съ мужемъ и съ дочкой, да еще какою страшною смертью погибла! И все я виновата, я... Зачѣмъ боялась, зачѣмъ ее туда отослала?..

Прошелъ годъ и два, прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ и дѣдушка Иванъ Яковлевичъ.

Аннѣ Васильевнѣ, по его кончинѣ, не жилось болѣе въ старомъ пришибскомъ домѣ. Она тосковала, не знала куда

дѣться, и почасту гостила въ лѣсномъ домикѣ, при винокуренномъ заводѣ, въ Курбатовомъ.

Нѣкто г. Баженовъ, борисоглѣбскій уланъ и мѣстный поэтъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1802 году, оставилъ въ альбомѣ бабушки слѣдующее «Изображеніе пріятнаго мѣста Курбатова»:

«Курбатовъ! ты сокрытъ природой подъ горами...
Въ тебѣ собраніе прекраснѣйшихъ картинъ;
Величественъ твой видъ, обиленъ ты водами
И у природы, знать, ты прелюбезный сынъ...
Въ тебѣ я созерцалъ пріятные предметы:
Долину, горы, лѣсъ, звѣринецъ, водометы,
И какъ изъ тростника Михайло козъ гонялъ...
Тогда-то въ сердцѣ я твой видъ благословлялъ!»

Что же манило бабушку въ лѣсную глушь, въ тихое, пустынное Курбатово? Здѣсь умеръ дѣдушка. Сверхъ того, домикъ въ Курбатовѣ сильно напоминалъ Аннѣ Васильевнѣ выстроенный по его образцу, сгорѣвшій домъ на Богатой, гдѣ она въ прежніе годы любила съ Груней встрѣчать весну. Подъ конецъ своихъ дней бабушка еще болѣе стала походить видомъ и нравомъ на спартанку. Уѣдетъ изъ Пришиба на заводъ, велитъ отпречь лошадей и пойдетъ бродить съ книжкой или съ кузовкомъ, будто за грибами, въ окрестностяхъ старой винокурни, по лѣсу и по лугамъ.

«Нѣтъ моего рая, нѣтъ Груни!» тоскуетъ бабушка: «думала ее сосватать за Калиныча, за винокура. Жила бы, радовала-бъ меня и поднесь. А теперь? Гдѣ-то витаютъ душеньки ея и ея дочки? Ахъ! не прощу себѣ, никогда не прощу... я виновата въ ихъ смерти... я!»

Бабушка ходитъ между высокихъ сосенъ, по песчаному пристѣну и между кудрявыхъ березъ и ольхъ, по лугамъ. Стародавніе годы ходятъ по слѣдамъ бабушки. — «Ничего, никакого приданаго я не принесла мужу,—думаетъ она,—пользовалась его имуществомъ. Полъ-состоянія предлагалъ онъ мнѣ отписать по дарственной. Все, все отдала бы, лишь бы жива была Груня...»

А лѣсъ стонетъ, поетъ, отзывается на тысячи голосовъ. По влажному, остывшему илу, таская изъ него свѣжіе сладкіе корешки, бѣгаютъ кулички и черныя дикія курочки. Сѣрая поверхность грязи усѣвается крестиками ихъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ,

каждая вѣтка одѣты своимъ благоуханіемъ. Чубатый удодъ посвистываетъ на бугоркѣ; слышится рѣзкое чоканье дрозда; кукушка вдали отзывается; дятлы и иволги, какъ куски разноцвѣтнаго сукна, перебрасываются съ дерева на дерево.

А на зарѣ — нескончаемый лѣсной концертъ... Вверху, вокругъ, вездѣ слышится музыка. Цѣлое море звуковъ проливается на лѣсъ и на зеленые луга.

Возвратится бабушка на крутой бугоръ, на которомъ стоитъ старый заводскій домикъ, сядетъ на крылечко, развернетъ на колѣняхъ книжку, или, глядя вдаль, шевелитъ спицами чулка, — мысли ея за Донцомъ. Слушая весеннія лѣсныя пѣсни, и бабушкинъ фаворитъ-пѣтухъ, состарѣвшійся при винокурнѣ, не унимается: смотритъ съ холма на луга и на озера, и то-и-дѣло кричитъ... Да крикнетъ иной разъ такъ, что самъ отшатнется въ сторону и, наставивъ одинъ глазъ въ землю, а другой на бабушку, какъ бы разсуждаетъ: «кто это такъ странно крикнулъ?»

Незадолго передъ смертью, бабушка возила больного внука на Кислыя воды, на Кавказъ. На одной станціи, не доѣзжая Екатеринодара, она мѣняла лошадей. Станціонный писарь взглянулъ въ ея подорожную, потомъ на нее самою. Онъ пригласилъ Анну Васильевну въ особую горницу, заперъ за собой дверь и, спросивъ ее, не у нея ли на хуторѣ когда-то проживала съ мужемъ и съ дочкой Аграфена Бѣлогубова?—разсказалъ ей, какимъ образомъ Бѣлогубовы спаслись отъ огня и какъ они долгое время скрывались по близости, въ казацкихъ станицахъ, въ томъ числѣ и на этой станціи, гдѣ Родивонъ нанимался старостой.

— Что же Груня?—спросила, ни жива, ни мертва отъ страху, бабушка:—гдѣ она теперь? жива ли?

— Не знаю...

— А мужъ ея?

— Лошадьми на Кубани въ послѣднее время, сказываютъ, торговалъ...

— Отчего-жъ они, безумные, отчего-жъ ни о чемъ не дали мнѣ вѣсти? зачѣмъ терзали меня?

— Боялись, сударыня-матушка.

— Меня боялись?

— Не васъ, сударыня, не васъ... Они такъ васъ хва-

лили и помнятъ—я все уговаривалъ ихъ къ вамъ писать... Боялись же своего... графа-то Аракчеева...

— Да онъ вѣдь давно померъ...

— А дѣло-то ихнее—бѣгство?.. потомъ пожаръ—нешто все это померло?

Бабушка залилась слезами...

Въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ и Екатеринодарѣ, вездѣ Анна Васильевна потомъ отыскивала Бѣлогубовыхъ, сулила за ихъ указаніе значительную сумму денегъ, переписывалась съ властями, даже черезъ мирныхъ черкесовъ сносилась съ горцами—ничто не помогло. Слѣдъ Бѣлогубовыхъ пропалъ навсегда.

— «Вотъ, душенька,—говорила мнѣ бабушка, разсказавъ эту исторію:—я стара, у меня ничего нѣтъ; имѣніе твоего дѣда раздѣлено и распалось... Выростешь, помни это... души-то, крѣпостныя... крѣпостные люди... Приглядывайся, да читай умныя книги, все поймешь...»

1873 г.

Оглавленіе

VII тома.

Бѣглый Лаврушка въ Парижѣ. Разсказъ 3
Село Сорокопановка. (Изъ воспоминаній депутата***) 26
Феничка. Разсказъ 53

Семейная старина. Разсказы.

I. Прабабушка 90
II. Тѣнь прадѣда. (Лейбъ-Кампанецъ) 110
III. Именины прабабушки 129
IV. Дѣдовъ лѣсъ 147
V. Бабушкинъ рай 173

